

Академия наук Республики Таджикистан
Институт философии, политологии и права им. А.М. Баховадинова
Отдел истории философии

На правах рукописи

Муллобоева Дилфуза Абдусаматовна

**Академик А.М. Богоутдинов и развитие
историко-философской науки в Таджикистане**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Специальность: 09.00.03 – история философии

Научные руководители: д. ф. н.,
профессор, академик Олимов К.;
д. ф. н. Садыков Р.Г.

Душанбе 2016

Содержание

Введение.....	3
Глава I Жизнь и творческое наследие академика А.М. Богоутдинова...15	
1.1 Формирование научного мировоззрения	15
1.2 Научное наследие	24
1.3 О генезисе таджикской нации.....	44
Глава II. Труды А.М. Богоутдинова и их роль в развитии историко- философской науки в Таджикистане.....65	
2.1 Анализ философских взглядов Абуалии бн Сино (Авиценны).....	65
2.2 Исследование средневековых религиозно-философских школ.....	83
2.3 Научный анализ просветительства и движения джадидизма в Средней Азии.....	114
Заключение.....129	
Список использованной литературы.....137	

Введение

Актуальность темы исследования. Изучение историко-философского наследия имеет огромное значение для интеллектуального развития подрастающего поколения. Анализ материалов истории философии как школа мысли на современном этапе развития может непосредственно повлиять на процесс формирования национальных лидеров, на поддержку демократического и светского характер государства. Интенсивные попытки анализа проблем формирования философской мысли происходит в большинстве постсоветских обществах, которые строят новые национальные государства. Данная тенденция наблюдается особенно ярко в государствах Центральной Азии, в частности в современном таджикском научном сообществе, где все больше проявляется интерес к своему историко-культурному наследию, к изучению истории становления и развития философской мысли прошлого.

На этом фоне глубокое изучение историко-философского процесса, освещение и анализ истории становления современной философской мысли Таджикистана, обладает большим научно-практическим значением. В этой связи освоение и анализ поистине громадной роли академика Алоутдина Махмудовича Богоутдинова (1911-1970) в развитии историко-философской науки в Таджикистане, вне всякого сомнения, является требованием времени.

Академик А.М. Богоутдинов в новейшей истории развития таджикской обществоведческой науки считается основоположником современной философской школы в Таджикистане. Его жизнь и творчество были тесно связаны с философской наукой республики советского периода, подготовкой научных кадров для исследования философских проблем и преподавания философских дисциплин. Он стоял у истоков открытия Отдела философии в составе, созданной в 1951 году, Академии наук Таджикистана и кафедры философии в Таджикском государственном (ныне национальном) университете. Эти два философских учреждения стали важнейшими центрами научного исследования философских проблем в республике.

Именно он был одним из первых ученых, который начал системное исследование истории таджикской философии. Благодаря его усилиям и исследовательскому таланту, были определены основные направления изучения философского наследия в советском Таджикистане. Его считают одним из ведущих специалистов Советского Союза, работавших в области домарксистской философии вообще, средневековой восточной философии, а также движения просветительства и джадидизма в Средней Азии в частности. А.М.Богоутдинов был не только прекрасным специалистом по истории философии, но он был философом самого широкого профиля. Он впервые заложил основу для разработки диалектического и исторического материализма, проблем теории коммунистического движения, свободомыслия (атеизма), вопросов историко-партийной науки, а также педагогики и психологии в Таджикистане¹. По многим из этих отраслей он проводил исследования и разработал учебные материалы для студентов как в бывшем Союзе, так и за рубежом.

Нельзя не отметить также человеческие и исследовательские качества А.М.Богоутдинова, которые часто совпадали. Можем согласиться с мнением, что «...академику Богоутдинову были присущи высокое чувство ответственности и преданность истине, объективность в научном исследовании, твердая гражданская позиция, аналитическое мышление и высокие нравственные принципы. Эти качества ученого отразились в его исследованиях, особенно в «Очерках по истории таджикской философии». Он в своем научном творчестве строго придерживается такого методологического принципа марксизма, что философия является духовной quintessence эпохи. Исходя из этого, А.М. Богоутдинов выявлял наиболее существенные и характерные особенности философской мысли каждой эпохи в истории таджикского народа. Обладая высоким чувством патриотизма,

¹См. Г.Ашуров, М.Диноршоев. А.М.Богоутдинов –выдающийся исследователь истории общественной мысли таджикского народа. //Богоутдинов А.М. Избранные произведения. - Душанбе: Дониш, 1980. С.7.

А.М. Богоутдинов, однако не противопоставлял таджикскую культуру и философию к культуре других народов, наоборот, он особо подчеркивал их взаимодействие и взаимовлияние».²

Исходя, из этого становится очевидным, что исследование наследия академика А.М. Богоутдинова является актуальным, оно даёт возможность проследить как пройденный мыслителем творческий путь, так и становление нового философского мировоззрения и методологии научного исследования историко-философской проблематики в Таджикистане.

Хотя он внес огромный вклад в развитие обществоведческой, особенно философской науки и был видным общественно-политическим деятелем, жизнь и творчество академика А.М. Богоутдинова до сих пор не изучено на достаточном уровне. В этой связи совершенно обоснованно утверждение, что: «К сожалению, жизнь и творчество этого выдающегося ученого до сих пор хорошо не изучены, и мы надеемся, что новое молодое поколение философов осуществит всестороннее изучение жизни и творчества А.М. Богоутдинова».³

Думается, что необходимость историко-философского анализа наследия ученого делает актуальным и тот факт, что после распада Советского Союза и приобретения государственной независимости в Таджикистане, как в других постсоветских странах, происходит пересмотр духовных ценностей. При этом в некоторых случаях отдельными исследователями допускаются искажение реальной картины научно-философского прогресса в советской эпохе, инее обоснованно приоритет даётся религиозному наследию, принижается роль светских идей и концепции в истории культуры. Поэтому обращение к наследию такого выдающегося учёного, имеет не только научно-теоретическое, но и важное

2.Олимов К., Шамолов А. Академик А.М. Богоутдинов – выдающийся исследователь истории таджикской философии//Очерки по истории таджикской философии. - Душанбе: Дониш, 2011. С. 4.

³А.М. Баховаддинов – поягузори тахикоти навини фалсафи (А. Баховаддинов – основоположник новых философских исследований) // Сб. статей. Душанбе: Пайк, 2001. С. 4.

практическое значение для развитие современного демократического развития таджикского общества.

Степень изученности проблемы. Изучением жизни и творчества академика занимались, в основном, таджикские учёные. Этому способствовало, в первую очередь, исследование учёными Таджикистана философских взглядов Абуали ибн Сино и историко-философских проблем средневековья. Труды А.М. Богоутдинова, посвященные философскому наследию Абуали ибн Сино, а также перевод им на русский язык его произведения «Книги знания» («Даниш-намэ»), часто привлекали внимание отечественных исследователей советского периода. Впервые серьёзное внимание к творчеству А.М. Богоутдинова было проявлено по случаю 1000-летия Абуали ибн Сино, отмечавшегося на основании решения ЮНЕСКО. В 1980 году было издано много статей и книг, посвященных Абуали ибн Сино и его философскому наследию. Произведения этого великого таджикского мыслителя были изданы в Душанбе, Москве, Ташкенте, Тегеране, других городах и странах. Наиболее значимыми были изданные на таджикском и русском языках «Избранные произведения» Абуали ибн Сино в Москве и несколько томов «Сочинений» Абу Али ибн Сино на таджикском и русском языках в Душанбе в 1980 году, в которых были представлены как исследования, так и переводы А.М. Богоутдинова.

Первые сведения о А.М. Богоутдинове можно найти в Философской энциклопедии, где сообщается, что он является видным таджикским советским учёным, исследователем средневековой философии⁴ и некоторое время возглавлял общество «Знание» Таджикистана. Его усилия значительно способствовали превращению этой организации в просвещения и пропаганды научных знаний центр науки и политики государства.

В статье Х. Шарифова, опубликованной под названием «Пламенный оратор» в журнале «Агитатор», автор отмечает выдающиеся ораторские

⁴Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1960. Т.1. С. 179.

качества и широкие знания А.М. Богоутдинова.⁵ Важным научным исследованием научного и педагогического творчества А.М. Богоутдинова является предисловие Г.Ашурова и М.Диноршоева к «Избранным произведениям» философа. В нём приводятся краткие биографические сведения, проанализирована научная деятельность А.М. Богоутдинова, дана высокая оценка его научным исследованиям по истории философии, общественной мысли таджикского народа и его идеям о формировании таджикской нации. Большую работу в исследовании жизни и творчества А.М. Богоутдинова проделал его ученик К.Олимов. Ему принадлежит ряд статей, в которых раскрывается характер и личность учёного, его отношение к людям и к науке.

В сборнике статей, посвященном 90-летию учёного, видные учёные Таджикистана, многие из которых были его аспирантами или докторантами, в своих статьях исследуют различные аспекты его жизни и творчества, отмечают большой талант и высокие человеческие качества своего учителя.

Одним из первых аспирантов А.М. Богоутдинова был член-корреспондент Академии наук Таджикистана Гаффор Ашуров. Он в статье, которая по существу является хорошим научным очерком о А.М. Богоутдинове, подвергает серьёзному анализу научное наследие учёного. В частности, он пишет, что «Алоутдин Махмудович был одним из ведущих специалистов Советского Союза, работавших в области истории средневековой восточной философии. Он написал много работ, посвящённых вопросам истории философии, социальной философии, педагогики и психологии».⁶ Г.Ашуров разделяет научно-педагогическую и общественную деятельность А.М. Богоутдинована два периода: с 20-х годов до начала Великой Отечественной войны, т.е. до 1941г., и с 1946 г. до 1970 г. т.е. до самой его смерти.

⁵ Шарифов Х. Пламенный оратор//Агитатор. Душанбе, 1960. № 4.С 31-35.

⁶ А. Баховаддинов - поягузори таджикоти фалсафи (А. Баховаддинов – основоположник философских исследований). Душанбе: Пайк, 2001. С.5.

Известный таджикский учёный И.Ш. Шарипов обращает внимание на работы А.М. Богоутдинова, посвящённые национальному вопросу. Он пишет, что всё написанное А.М. Богоутдиновым о национальном вопросе, относится к тому периоду, когда общественные отношения складывались на основе социалистических. Хотя некоторые идеи, высказанные им, не могут быть применимы к современной жизни, однако его труды, посвященные формированию таджикской нации, не потеряли своё значение и в наши дни⁷.

Другим исследователем, заострившим внимание на историко-философском наследии А.М. Богоутдинова, является А.Мухаммадходжаев. Он в своей статье «А.М. Богоутдинов и изучение истории таджикской философии» отмечает большую заслугу учёного в научном исследовании философского наследия предков, а также в том, что по пути, который он определил, многие его ученики, продолжая исследование истории таджикской философии, добились больших успехов.⁸

В плане изучения творчества учёного важное значение имеет статья С. Сулаймонова «А.М.Богоутдинов – первый переводчик и исследователь «Даниш-намэ» Абуали ибн Сино». Он, сравнивая перевод А.П. Колпакова с переводом А.М. Богоутдинова, приходит к выводу, что перевод А.Колпакова неточен, неадекватен оригиналу книги Абуали ибн Сино, и потому не отвечает научным требованиям. Перевод А.М. Богоутдинова на русский язык «Даниш-намэ» является профессиональным, и поэтому этот перевод является значительным научным и культурным явлением, став важным толчком для перевода, распространения и пропаганды философского наследия персоязычных народов в русскоязычной и советской среде⁹.

Наибольший интерес вызывают статьи о А.М. Богоутдинове К. Олимова, который был одним из его учеников. В своих статьях, написанных о своём учителе, он создаёт портрет академика А.М.

⁷Шарипов И.Ш. Национальные вопросы в трудах А.Богоутдинова и их значение для современного Таджикистана// Указ. работа. С. 33-34.

⁸ Там же. С. 45-49.

⁹Там же. С.64-76.

Богоутдинова как учёного, наставника и общественного деятеля. Кроме того, К. Олимовым опубликована брошюра о А. М. Богоутдинове, где приведены ценные сведения о биографии, личности, научной деятельности учёного, подвергаются анализу его научные труды, и определяется их значение в таджикской и советской историко-философской науке.

В сборнике, посвящённом юбилею А. М. Богоутдинова, Н. М. Сайфуллаев отмечает заслуги учёного в исследовании и развитии науки логики в Таджикистане. Изучению политических проблем, национальных вопросов А. М. Богоутдиновым уделено внимание в статьях Р. Маджидова, Н. Салимова, Х. У. Идиева и др.¹⁰

Интерес научной и академической общественности к творчеству А. М. Богоутдинова возрос в последние годы, в связи с обсуждением вопросов национальной идентичности и проблем философии в условиях независимости республики, а также по случаю 100-летия со дня его рождения. В трёхтомной «Истории таджикской философии», изданной Институтом философии, политологии и права АН Таджикистана отмечается, что этот коллективный труд является продолжением трудов А. Богоутдинова по истории таджикской философии в новых условиях.¹¹

Авторы этого значимого труда, на основе новых достижений таджикской историко-философской науки, уточнили и развивали идеи академика А. М. Богоутдинова. Данью памяти учёного было переиздание книги А. М. Богоутдинова «Очерки по истории таджикской философии», которая за период более чем в 50 лет стала библиографической редкостью. В предисловии к этому изданию, написанном К. Олимовым и А. Шамоловым подчёркивается важность тех научных исследований учёного, которые сохранили свою ценность и в наши дни. Здесь отмечается дальновидность

¹⁰ Там же.

¹¹ История таджикской философии в 3-х томах. Душанбе: Дониш, 2010-2013.

философа, поставившего в своё время вопросы, которые затем стали решать продолжатели его дела¹².

Однако ни в одной из выше перечисленных работ об А.М. Богоутдинове, его творчество и роль в развитии обществоведческой, в частности философской науки в Таджикистане не были объектом комплексного историко-философского анализа. Поэтому проведением данного исследования мы попытались восполнить этот существующий пробел.

Объектом исследования выступает советский период развития обществоведческой науки в Таджикистане.

Предметом исследования – труды А.М. Богоутдинова и их значение для развития философской науки в советском и современном Таджикистане.

Целью исследования является анализ трудов таджикского советского философа А.М. Богоутдинова, особенно его работ, посвящённых исследованию историко-философских и религиозно-философских проблем, а также движения просветительства, которые заложили основу историко-философских исследований в Таджикистане.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней:

- впервые осуществлена попытка проанализировать философское наследие А.М. Богоутдинова;

- рассмотрены его идеи о формировании таджикской нации;

- обоснованы методологические подходы академика А.М. Богоутдинова к историко-философским проблемам, ее влияние на развитие философских идей философов второго поколения

- Продолжение и углубление методов анализа и методологического подхода разработанного академиком А.М. Богоутдиновым его соратниками, учениками, и философами следующего поколения.

- определена заслуга А.М. Богоутдинова в области перевода философских произведений, в особенности такого сложного произведения Абуали ибн Сино, как «Даниш-намэ» на русский язык;

¹²Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. Душанбе: Дониш, 2011.

-исследована научная концепция А.М. Богоутдинова по изучению и определению места таджикских просветителей, в том числе Ахмада Дониша, который в исследовании учёного занимает одно из центральных мест, как выдающегося мыслителя и критика феодального строя Бухарского эмирата;

- показана роль А.М. Богоутдинова в формировании новой научно-философской школы в Таджикистане и подготовке квалифицированных кадров в этой сфере.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. После образования Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (1924г.), а затем, в 1929 году Таджикской Советской Социалистической Республики появились необходимые социально-политические предпосылки для всестороннего расцвета науки и культуры, для возрождения таджикского народа.

Формирование новой интеллигенции способствовало не только распространению новых идей и новых научных знаний, но и сама эта интеллигенция становится создателем новой культуры и науки. Одним из виднейших представителей этой новой интеллигенции в советском Таджикистане был А.М. Богоутдинов, жизнь и творчество которого являлись ярким примером той эпохи.

2. А.М. Богоутдинов был одним из ведущих специалистов Советского Союза, работавших в области истории домарксистской философии вообще, средневековой восточной в частности. Однако его научная деятельность не ограничивалась только исследованием историко-философских проблем.

Им написано много работ, посвящённых вопросам диалектического и исторического материализма, научного коммунизма и атеизма, вопросам историко-партийной науки, педагогики и психологии.

Научно-педагогическую и творческую деятельность А.М. Богоутдинова условно можно разделить на два периода. Первый – с конца 20-х – начала 30-х годов до 1941 г., когда он сочетает педагогическую деятельность с научной работой в области педагогики и психологии. Второй

– с 1946 г. В это время он полностью отдает свои силы научным исследованиям в области философии и историко-партийной науки.

3. А.М. Богоутдинов относится к числу первых исследователей наследия Абуали ибн Сино (Авиценны). Он на примере философских произведений таджикского мыслителя-энциклопедиста восточного средневековья показал величие таланта, гениальность в решении сложных научных проблем, и доказал его выдающуюся роль в развитии философских наук, как на мусульманском Востоке, так и в Западной Европе.

Исследование Богоутдиновым учения Сино отличаются объективностью и исторической конкретностью. Указав на некоторые идеалистические черты его философии, он, тем не менее, подверг всестороннему анализу материалистические аспекты его философско-научного наследия.

Перевод А.М.Богоутдиновым философского трактата Абуали ибн Сино «Даниш-намэ» на русский язык послужил источником формирования национального самосознания таджикской интеллигенции. Этот перевод доказал наличие глубоких научных знаний у таджикских мыслителей об объективной реальности, и дал окончательный и научно-обоснованный отпор тем ученым, которые, придерживаясь европоцентристского мировоззрения, игнорировали и даже хотели отрицать выдающиеся заслуги восточных народов в развитии мировой философской мысли.

4. Сфера творческой деятельности ученого, имевшего свой взгляд на исследование социально-политических и философских проблем-очень разнообразна. Он дал определение и классификацию рефлексивных, аналитических и других методов различных персидско-таджикских средневековых научных школ и их мыслителей. Говоря о рефлексивном методе, мы имеем в виду метод размышления и самонаблюдения и самопознания. Используя этот метод А.М. Богоутдинов анализирует теоретическую деятельность таджико-персидских мыслителей, направленная на осмысления собственной жизни, действий всеобщих законов вселенной и человеческого мышления.

Результаты многолетних исследований А.М. Богоутдинова по истории таджикской философии отражены в его фундаментальном труде «Очерки по истории таджикской философии». Важнейшей чертой этого произведения является то, что в нем показан процесс развития философской мысли таджиков в средние века, дан исторический и объективный анализ философских концепций различных философских школ и течений и взгляды их знаменитых представителей. В нем подвергнуты тщательному анализу содержание таких доктрин, как зороастризм, зурвония, манихейство, маздакизм, исмаилизм, а также воззрения аль-Фараби, Омара Хайяма и философское учение Н. Хисрава, особенности суфизма, калама (теологии) и взгляды их представителей – Газзали, Санои, Руми и других.

5. В трудах А.М. Богоутдинова представлено исследование такого социально-культурного феномена в истории таджикского народа второй половины XIX и начала XX веков, как просветительство. Он сумел доказать, что просветительство в Средней Азии имело свои особенности, которые наложили свой отпечаток на это идейное течение в целом. По его мнению, просветительство в Средней Азии носило не только антифеодальный характер, но и антиколониальный характер и имело много общего с просветительским движением в таких соседних странах, как Иран, Афганистан, Индия и Пакистан.

Идеи просветительства, которые определяет А.М. Богоутдинов является весьма научным, что подтверждают другие отечественные и зарубежные исследователи.

Он обосновал положение о том, что в общественной мысли любой эпохи, различные её компоненты играют неоднозначную роль, это зависит от достигнутого уровня социального прогресса тем или иным народом, страной. В условиях Бухарского эмирата и Туркестана просветительское движение, как составная часть духовной жизни общества, не может быть до конца понято без анализа религии как формы общественного сознания.

Выступив с критикой религиозных догматов, программы обучения в медресе и т.д., просветители, пишет А.М. Богоутдинов, сделали первый шаг к тому, чтобы изменить роль своего сословия. Это было характерно для социологической концепции Ахмада Дониша и Абдурауфа Фитрата, исторической концепции Мирзо Азима Соми, просветительской концепции Мирзо Сироджа, Сиддики, Айни и других.

Теоретические и методологические основы исследования.

Теоретическую основу диссертации составляют труды отечественных и зарубежных исследователей истории философии, прежде всего таджикских и российских учёных. Методическую основу диссертации составляют исторический, логический, сравнительный и диалектический методы исследования научных проблем.

Практическая значимость исследования. Основные положения и выводы работы могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий по истории философии, истории религии, и культурологии. Результаты работы могут быть применены в преподавании разделов истории философии и общественной мысли таджикского народа, культурологии, при разработке курсов лекций по философии, культурологии, а также в нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения и формировании национального самосознания и интернационализма.

Апробация работы. Работа обсуждена на заседании кафедры философии Худжандского государственного университета и в Отделе истории философии института философии, политологии и права им. А.М Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. Основные положения диссертации опубликованы в статьях автора в научных журналах. Материалы диссертации использовались в процессе преподавания курса истории философии по темам просветительства исуфизма на основе программы высшей школы в Ходжентском государственном университете имени Б. Гафурова

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Глава I. Жизнь и творческое наследие академика А.М. Богоутдинова

1.1 Формирование научного мировоззрения

В начале XX века произошли крупные исторические события, которые впоследствии оказали влияние на весь ход исторического развития народов, входящих в состав Российской империи. «На рубеже XIX и XX вв. Россия, благодаря своему социально-экономическому и политическому развитию, становится центром мирового революционного движения... На протяжении немногим более одного десятилетия в России совершились три социальные революции, буквально потрясшие весь мир. Естественно, что они оказали непосредственное воздействие и на Туркестанский край с его семимиллионным населением, входивший в состав Российской империи...».¹³ Территория современного Таджикистана в тот исторический период входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Бухарский эмират, занимая обширную территорию с почти 2,5 миллионным населением, представлял собой один из самых отсталых регионов тогдашнего Востока. Установление Советской власти в Туркестанском крае оказали дестабилизирующее влияние на полуфеодальный Бухарский эмират.

После победы революции в Бухаре, произошли события, которые наложили свой отпечаток на историю народов всей Центральной Азии. Революционные преобразования значительно ускорили ход исторического развития народов в регионе, оказали положительное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь. Политика Компартии была направлена на слом средневековых порядков и установление коммунистической идеологии. Строительство новых, светских школ, создание научных и культурных учреждений, воспитание новой, преданной советским идеалам интеллигенции, полностью трансформировали общество. Территориальное размежевание по национальному признаку, хотя и

¹³ История таджикского народа. Том V. Новейшая история / Под ред. акад. Р.М. Масова. Душанбе, 2004. С. 45.

сопровождалось грубейшими ошибками, способствовало формированию нового поколения учёных, учителей, деятелей культуры и государства.

По этому поводу в исследованиях истории таджикского народа данного периода пишется: «Сразу же после образования автономной республики, перед правительством Таджикистана наряду с задачами государственного и хозяйственного строительства, со всей остротой встала проблема подъема культурного уровня трудящихся масс. Первый расширенный пленум Оргбюро КП (б) Узбекистана в Таджикской АССР (9 ноября 1925г.) в числе важнейших направлений своей деятельности сформулировал цель – превратить Таджикистан в культурный центр, развивая образование, науку и искусство.

В этот период формируется новый тип интеллигенции, которая включилась в новую жизнь в новую идеологию с особым энтузиазмом, хотя в 30-е годы были случаи репрессий в отношении национальной интеллигенции, особенно в крупных городах Самарканде, Бухаре, Худжанде, Истаравшане, Коканде и других, что вызвало определенный кризис духовности. Но с другой стороны, в этот период, хотя и были проведены насильственные реформы, однако их результаты были в целом положительными, потому что тогдашняя жизнь в Средней Азии еще не отвечала новым требованиям бурного развития XX века. Формирование новой интеллигенции способствовало не только распространению новых идей и новых научных знаний, но и сама эта интеллигенция становится создателем новой культуры и науки. Формируется новый тип мировоззрения – социалистический, на основе марксистского учения и один из виднейших представителей этой новой интеллигенции, был академик А.М. Богоутдинов. Его отец занимался преподавательской деятельностью, по тогдашнему выражению, был муддарисом (преподавателем), который вел уроки в медресе и был одним из известных ученых-теологов в городе Самарканде.

Как известно, Самарканд был древнейшим городом Востока, одним из центров таджикской литературы и культуры. Здесь воспитывалась целая

плеяда учёных, поэтов, государственных деятелей, которые внесли большой вклад в развитие не только таджикской науки, литературы и просвещения, но и активно участвовали в развитии культуры узбекского и других народов Центральной Азии. После территориального размежевания и образования Таджикской республики многие деятели науки, образования и искусства переехали из Самарканда, Бухары, Ферганской долины в Душанбе и горные районы республики. Это позволило ускорению процесса ликвидации неграмотности населения, созданию учреждений культуры, просвещения и научных школ.

Такие известные деятели науки Таджикистана академики АН Таджикистана как С.У. Умаров, И.К. Нарзикулов, М.Н. Нарзикулов, А. Адхамов, А.М. Богоутдинов, А. Бурханов и многие другие, начиная с 30-х годов 20-го столетия, приехали в молодую таджикскую республику, с чувством патриотизма, преданно служили таджикской и советской науке.

Среди талантливой плеяды таджикских учёных особое место становлении и развитии таджикской науки принадлежит академику А.М. Богоутдинову, который наряду с Садриддином Айни, Бободжаном Гафуровым, А.А. Семёновым, И. Нарзикуловым, С. Раджабовым, З. Раджабовым, С. Юсуповой и другими был учредителем Академии наук республики в 1951 году.

Алоутдин Махмудович Богоутдинов родился 5 декабря 1911 года в Самарканде, и впоследствии, после того как он повзрослел, и стал уже сформировавшимся ученым, приехал в город Душанбе. На начальном этапе он учился у своего отца, потом пошел учиться в одну из новых школ, которые были образованы в Советском Союзе. Он проявил себя как одарённый ученик и в естественных, и в гуманитарных дисциплинах. Редкий талант, аналитическое мышление и трудолюбие способствовали тому, что он освоил естественнонаучные и общественные знания и стал профессиональным философом. Люди того поколения, к которым относится

А.М. Богоутдинов, проделали очень большую работу, заложив основы новой науки и нового мировоззрения, и своими исследованиями способствовали формированию научной школы, основанной на новой методологии.

После создания Таджикской Автономной Советской Социалистической Республикой (1924г.), а затем, в 1929 году Таджикской Советской Социалистической Республики появились необходимые социально-политические предпосылки для всестороннего развития науки и культуры, для возрождения таджикского народа. Как пишется в книге «История таджикского народа»: «Октябрь 1917 г. коренным образом изменил социальные, экономические и политические отношения в обществе. В программе строительства нового общественного строя в области культурного развития на первый план выдвигались задачи повышения грамотности населения».¹⁴

За короткий промежуток истории вырос новый тип ученого, вышедшего из народа и тесно связанного с его жизнью, с его борьбой за победу нового социалистического общества. Достоинным представителем таких ученых был академик АН Таджикской ССР, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии Таджикской ССР им. Абуали ибн Сино А.М. Богоутдинов. Он был одним из ведущих специалистов Советского Союза, работавшим в области истории домарксистской философии вообще, средневековой восточной в особенности. Однако его научная деятельность не ограничивалась только исследованием историко-философских проблем.

Им написано много работ, посвящённых вопросам диалектического и исторического материализма, научного коммунизма и атеизма, вопросам историко-партийной науки, педагогики и психологии. Научно-педагогическую деятельность А.М. Богоутдинова можно разделить на два периода. Первый – с конца 20-х - начала 30-х годов до 1941 г., когда он

¹⁴История таджикского народа. Том V. Новейшая история / Под.ред. акад. Р.М. Масова. Душанбе, 2004.С. 341.

сочетает педагогическую деятельность с научной работой в области педагогики и психологии. Второй – с 1946 г. В это время он полностью отдает свои силы научным исследованиям в области философии и историко-партийной науки.

Общественно-политическая деятельность А.М. Богоутдинова начинается со вступления в ряды ВЛКСМ. Одновременно он начинает работать учителем в школе. Затем, с 1928 по 1930 гг. работает преподавателем сначала в Самаркандском художественном техникуме, а затем в педагогическом училище. Отдавая много сил и энергии педагогической работе, он в то же время продолжает учиться, расширяет свой научный и политический кругозор, с увлечением занимается научно-исследовательской работой в области педагогики.

В 1931 г. А.М. Богоутдинов заканчивает естественно-математический факультет Государственной педагогической академии в Самарканде и поступает на работу в Самаркандский педагогический институт, где, с 1932 по 1934 гг., занимает должность исполняющего обязанности доцента кафедры психологии. Ведя большую научно-педагогическую работу, А.М. Богоутдинов параллельно продолжает учебу в аспирантуре Государственной педагогической академии.

В 1934 г. после окончания аспирантуры А.М. Богоутдинов переезжает в Душанбе, где некоторое время работает помощником председателя Совета Народных Комиссаров Таджикской ССР. Затем снова переходит на педагогическую работу в Душанбинский государственный педагогический институт им. Т.Г. Шевченко. Работая доцентом кафедры педагогики и психологии, заведующим лаборатории психологии, заведующим кабинетом научно-исследовательского института школ народного комиссариата просвещения, А.М. Богоутдинов издает более 30 научных и научно-методических статей, а также ряд учебных пособий, в которых популяризирует педагогическое наследие и опыт лучших советских педагогов, освещает вопросы истории народного образования в

Таджикистане, методологии обучения и воспитания нового человека. Большое внимание он уделяет анализу вопросов психологии в трудах В.И. Ленина.

В 1941 г. А.М. Богоутдинов вступает в ряды КПСС. Нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало научную и педагогическую деятельность учёного. В годы Великой Отечественной войны он служил в рядах Советской Армии в Иране. После возвращения начинает активную исследовательскую деятельность в области философской и общественно-политической мысли таджикского народа.

В 1947 г. Ученый совет Института философии АН СССР за работу «Философские взгляды Абу Али Сины в его книге «Даниш-намэ» А.М. Богоутдинову, первому из числа молодой национальной интеллигенции, присуждает учёную степень кандидата философских наук. Сразу после защиты кандидатской диссертации, он активно подключается к исследованию проблем общественно-политической и философской мысли таджикского народа второй половины XIX – начала XX веков.

В 1949-1950 гг. А.М. Богоутдинов завершает свое исследование на тему «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа второй половины XIX века и начала XX века». За эту работу Ученый совет Института философии АН СССР в 1951 г. присваивает ему учёную степень доктора философских наук.

В 1951 г., когда на базе Таджикского филиала АН СССР была образована Академия наук Таджикской ССР, А.М. Богоутдинов в числе других видных ученых республики Постановлением правительства республики был утвержден членом-корреспондентом, а спустя два года, в 1953 г., был избран действительным членом Академии наук.

В 1951 г. в составе только что образованной Академии наук был создан Отдел философии и А.М. Богоутдинов был назначен его руководителем. Долгое время он был руководителем этого отдела, одновременно был заведующим кафедрой философии Таджикского государственного

университета им. В.И. Ленина. Во время своей работы он приложил максимум усилий для развития философской науки в республике и воспитания философских кадров.

С 1963 г. до самой кончины (23 февраля 1970 г.) А.М. Богоутдинов возглавлял Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана. За эти годы он внес большой вклад в развитие историко-партийной науки. Под его непосредственным руководством были подготовлены и изданы такие значимые для того времени труды, как «Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана» (Душанбе, 1964, 1969 гг.) и «История коммунистических организаций Средней Азии» (Ташкент, 1967 г.).

А.М. Богоутдинов неоднократно представлял советскую философскую науку и общественность за пределами нашей страны. Так, в 1957 г. он находился в длительной командировке в Демократической Республике Вьетнам, где успешно читал курс лекций по диалектическому и историческому материализму в Высшей партийной школе при ЦК Партии трудящихся Вьетнама. Этот курс лекций впоследствии был издан на вьетнамском языке и пользовался популярностью среди ученых и учащихся вузов Вьетнама.

Будучи делегатом от СССР, А.М. Богоутдинов принимал активное участие в работе IV Всемирного конгресса социологов в Италии (1959 г.). В 1963 г. он возглавлял советскую философскую делегацию на конгрессе социологов Индии и Пакистана. В 1960 г. А.М. Богоутдинов как представитель культурной общественности нашей страны посетил Кубу и США, в 1961 г. – Англию, в 1963 г. – Китай и ДРВ. Во время своего пребывания за рубежом он пропагандировал идеи марксизма-ленинизма, успехи социалистического строительства в Таджикистане и других республиках Средней Азии.

Заслуги А.М. Богоутдинова в области философской, историко-партийной науки, народного образования, подготовки научно-педагогических кадров высоко оценены Коммунистической партией и

советским правительством. Он был награжден Орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями, удостоен республиканской Государственной премии им. Абуали ибн Сино. На XIII, XIV, XV, XVI съездах Компартии Таджикистана избирался членом ЦК КП Таджикистана, избирался депутатом Верховного Совета Таджикской ССР седьмого созыва.

Академик А.М. Богоутдинов был эрудированным ученым, благодаря усилиям которого определялись основные направления изучения и исследования философских проблем в нашей республике. Поэтому он занимает особое место среди таджикских ученых XX века. Он был известен в Советском Союзе, прежде всего, как исследователь творчества Абуали ибн Сино и снискал заслуженный авторитет, как тонкий знаток истории философии и общественно-политической мысли народов Средней Азии и Ирана.

Как выше нами было отмечено, историю творческой деятельности академика А.М. Богоутдинова можно разбить на два основных периода. Первый период охватывает деятельность с 1927 г. до 1941 г., когда А.М. Богоутдинов не только преподает, но и издает ряд работ по теории педагогики, и второй – с 1946 года до 1970 года. Он полностью отдает свои силы научным исследованиям в области истории философии и, в частности истории таджикско-персидской и арабской философии. И в оба эти периода он шёл в своем творчестве непроторенными путями.

Круг исследуемых А.М. Богоутдиновым проблем был широк и разнообразен. Однако главное направление его творческих изысканий была история философии и общественно-политическая мысль таджикского народа. Поэтому его труд «Очерки по истории таджикской философии», изданный в 1961 году, был итогом многолетнего поиска ученого, и стал значительным событием в философской науке Таджикистана.

В тоже время следует отметить, что научные интересы учёного не ограничивались изучением истории таджикской философии. Им были

опубликованы работы, посвященные анализу социально-философских взглядов таких арабских мыслителей, как Ибн-Рушд, Ибн-Баджа, Ибн-Халдун и др.

Продолжительное время он изучал философско-просветительское наследие таджикских мыслителей второй половины XIX и начала XX веков. В его исследованиях, например, в его докторской диссертации, текст, которой до сих пор не издан, рассматривается проблема преемственности в истории духовной жизни таджикского народа. В его трудах данного периода изучены воззрения основоположника просветительского движения в Средней Азии Ахмада Дониша и его современников, таких как Шохин, Асири, Соми, Сидики, Айни и др. Примечательно, что на широком историческом фоне в его исследованиях обстоятельно анализируются основные принципы данного течения в общественной мысли таджикского народа.

На формирование его научного мировоззрения оказало проведенное им исследование произведений основоположника таджикской классической литературы Абуабдулло Рудаки. По тексту изданных в 1980 г. «Избранных произведений» академика, можно определить, что А.М. Богоутдинов, исследуя труды Рудаки, находит диалектические подходы к пониманию мира.

Критикуя гипотезу таджикского советского исследователя-лингвиста А.М. Мирзоева, ученый пишет, что Рудаки специально не занимался вопросами космологии, стало быть, он не мог говорить, как и древнегреческий мыслитель, Гераклит, об общих закономерностях развития материального мира. Философские взгляды Рудаки, по мнению А.М. Богоутдинова, в то время не были изучены вообще. Следовательно, исследователь философских взглядов Рудаки, видимо, будет заниматься анализом его этических и эстетических взглядов, нежели определением его космологического и гносеологического учений.

Подчеркивая необходимость исследования общественно-политических взглядов Рудаки А.М. Богоутдинов, восхищаясь глубиной мысли поэта,

утверждает, что его бессмертные творения будут жить в веках, потому что они полны сочувствия простому народу и гуманизма.

Разумеется, как он был ученым своего времени, и научные взгляды А.М. Богоутдинова формировались в рамках господствующего тогда марксистско-ленинского учения, то есть коммунистической идеологии. Поэтому в интерпретации воззрений и учений средневековых таджикских мыслителей и оценке степени значимости просветительских идей Дониша, Шохина, Асири, Айни и других он больше опирается на методологию материалистического анализа явлений и процессов. Хотя с современной позиции такой подход не совсем соответствует принципу объективного научно-философского анализа духовного наследия выдающихся ученых прошлого. Однако, сама конечная цель, установленная А.М. Богоутдиновым в его исследованиях, не потеряла свою актуальность и сегодня.

Как талантливый специалист по истории философии народов Востока, А.М. Богоутдинова часто приглашали в АН СССР для участия в подготовке и издании фундаментальных коллективных трудов по истории философии и общественно-политической мысли народов бывшего Союза. Например, он являлся одним из ведущих авторов, изданного тогда многотомного «Очерки по истории философии и общественно-политической мысли народов СССР», «История философии», «История философии в СССР» и др.¹⁵

1.2. Научное наследие

А.М. Богоутдинова можно считать основателем таджикской философии нового времени. Его научно-философское наследие очень многогранно. Национальный вопрос, проблема генезиса и формирования таджикской

¹⁵Очерки по истории философии и общественно-политической мысли народов СССР. М., 1955-1956; История философии. М., 1957-1965; История философии в СССР. М., 1968-1970; и др.

национальности в его трудах имела особое место. Высказанные им воззрения о национальном вопросе приходятся на период, когда трансформация общественных процессов происходила на почве социалистических отношений, которые, просуществовав более 70-ти лет, затем были разрушены. Естественно, что некоторые его взгляды, относительно прогресса таджикского общества, ныне не соответствуют реальности. Такое несоответствие, безусловно, имело место в наследии мыслителей всех времен, в зависимости от конкретной исторической эпохи. Важно то, как подводятся итоги воззрений мыслителей прошлого для нового времени, нового строя, государства и государственности, его народа. Именно такими являются взгляды А.М. Богоутдинова на национальный вопрос. Они актуальны и поныне являются востребованными в науке. Среди многочисленных философских проблем, рассмотренных мыслителем, как было сказано выше, прежде всего, привлекают к себе внимание вопросы развития и формирования таджикской нации. На эту тему А.М. Богоутдиновым было написано много трудов на его родном таджикском и на русском языке.

Первая его научная работа в этом направлении была опубликована ещё в 1949 г. под названием «О социалистических нациях Советского Востока» в журнале «Вопросы философии». В 1954 г. вышло в свет его произведение «О консолидации социалистической таджикской нации». В 1955 г. была опубликована его книга на русском языке «К вопросу о консолидации таджикской социалистической нации» (труды АН Тадж.ССР, т. 31, 1955) а в 1957 г. книга «О развитии, о формировании таджикской нации» в журнале «Коммунист Таджикистана».

Изучение национальных вопросов, особенно вопрос формирования таджикской нации, превратился в один из центральных вопросов творчества мыслителя. Будучи активным, постоянным участником объединённых научных всесоюзных сессий в Ташкенте (1955г.), Сталинабаде (1957 г.), Алма-Ате (1958 г.), Сталинабаде (1962 г.), а также всесоюзных

научно-теоретических конференций в 70-е годы в Самарканде, Ташкенте, Фрунзе, Москве и в других городах, А.М. Богоутдинов всегда выступал со своими содержательными докладами на спорные темы по национальному вопросу.

Во введении к библиографии академика А.М.Богоутдинова, составленной к 50-летию ученого даётся краткая характеристика его жизни и деятельности. А.Г. Касьяненко отмечает, что на начальном этапе строительства новой республик в Таджикистане средняя и высшая школы сталкивались, с большими трудностями, в частности, не хватало учебных пособий, отсутствовали материалы по методике преподавания. Остро ощущалась нехватка кадров.¹⁶ Учитывая эти недостатки, А.М.Богоутдинов издает ряд учебных пособий и пропагандирует лучший опыт педагогов Советской школы. В этот период он начал заниматься исследованием богатого философского наследия таджикского народа. Однако эта работа была прервана Великой Отечественной войной. В 1941 году он вступает в компартию и служит в рядах Советской Армии. Его направляют в Иран, где, ведя большую политическую работу, вносит свою лепту в разгром немецкого фашизма. После возвращения из армии А.М. Богоутдинов вплотную занимается научной и педагогической работой, уделяя особое внимание исследованию истории таджикской и арабской философии. Его статьи по вопросам психологии и педагогики часто публиковались в журнале «Мактаби Совети» (Советская школа), «Газета имуаллим» (Учительская газета). В частности, его статьи – «Значение психологии в работе учителя», «Некоторые материалы по истории просвещения в Таджикистане», «Н.К. Крупская – теоретик Советской педагогики», «Великий русский философ В.Г. Белинский», «Великий человек истории», «Революционер, демократ и философ» относятся к числу его научных и популярных статей в области психологии и педагогики. Как

¹⁶Алаутдин Махмудович Богоутдинов. Вступительная статья А.Г. Касьяненко//Материалы к библиографии ученых Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1961.

глубоко мыслящий ученый, он понимал, что для развития знания и в целом для формирования мировоззрения преподавателей и ученых необходимо изучение логики. Так, он в статье «О значении изучения логики», опубликованной в учительской газете Таджикистана в 1947 г., ставит вопрос о необходимости развития логического мышления учеников и преподавания предмета логики в школах.

Ученый особое внимание уделял исследованию творчества Абуали ибн Сино (Авиценны). Он пишет кандидатскую диссертацию под руководством академика Ф.В. Константинова, на тему «Философские взгляды Абу Али Сина в его книге «Даниш-намэ»». Эта работа была одной из первых серьезных философских исследований наследия Абуали ибн Сино, которая была высоко оценена учеными Советского Союза. А.М. Богоутдинов параллельно с исследовательской и преподавательской деятельностью занимался и популяризацией жизни творчества Абуали ибн Сино. В Таджикистане до исследования А.М. Богоутдинова творчество Абуали ибн Сино изучали только Садриддин Айни и Абдулгани Мирзоев. Однако их работы носили филологический характер. Статьи А.М. Богоутдинова выгодно отличались научной постановкой вопроса и методологией исследования. Публикация его работ в авторитетных изданиях Советского Союза, в том числе в журнале «Вопросы философии», свидетельствовали о большом исследовательском таланте и о высоком качестве проведенных им научных исследований.

В перечисленных выше работах он поднимал сложнейшие и спорные проблемы формирования таджикской нации, решая их в особых исторических условиях. Анализ этих проблем А.М. Богоутдиновым осуществлялся с позиции классического определения И.В. Сталина, относительно которого в 90-е годы XX века было высказано немало противоречивых, предвзятых мнений, что и вызвало различные дискуссии и дебаты. Окончательная цель этих мнений была направлена на доказательство неправильности её определения, неверности ответов на вопросы «что такое нация?» и «каковы,

основные ее признаки?». Однако реальность показала необоснованность таких суждений, и никто из многочисленных спорящих противников не сумел доказать ошибочность названных в определении основных элементов формирования нации.

Примечательно, что научный анализ важнейших признаков таджикской нации А.М. Богоутдинов начинает с постановки вопроса «можно ли считать таджиков единой нацией до Великой Октябрьской революции?».¹⁷ Уровень обоснованности этих признаков можно было определить только наличием или отсутствием необходимых условий для их развития и выяснением причин ускоренного или же медленного формирования и развития наций.

Влияние этих факторов на формирование таджикской нации было неоднозначным. Поэтому А.М. Богоутдинов, как проницательный исследователь, подчеркивал, что в дореволюционной жизни таджикского народа не существовали устойчивые экономические связи. На территории Восточной Бухарыне было промышленности, не удовлетворялась потребность населения в жизненных продуктах, рабочих хозяйственных инструментах, домашних или кустарных средствах производства, был ограничен товарно-денежный обмен, а в горных местностях его и вовсе не существовало. Хозяйственный обмен этих местностей имел натуральный характер. Существовала территориальная ограниченность, не было устойчивых экономических связей районов и областей. Подробный и научно обоснованный анализ экономических связей привел ученого к заключению, что до конца XIX и начала XX веков ещё не существовала устойчивая экономическая общность таджикского народа.

Конечно, основную и решающую причину этих проявлений следует искать в отсутствии централизованной экономики и национальной государственности. Вопрос территории, границы для таджиков всегда

¹⁷ А.М. Богоутдинов к вопросу о консолидации таджикской нации // Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма. Сталинабад, 1957. С.5.

являлся и поныне является злободневным, и он неотделим от проблемы государства, государственности и национальной независимости.

Как известно, после распада государственности Саманидов и утраты таджиками своей независимости, их территория подверглась захвату чужеземцами. Таджики до Октябрьской революции не могли восстановить свою территорию и независимость. После распада СССР, бывшие советские республики в пределах своих существующих территорий приобрели государственный суверенитет. Для таджиков независимость на своей территории была достигнута без возможных трудностей.

Однако, поскольку таджики не были должным образом подготовлены к защите своей территории, государственности и подаренной судьбой независимости, раньше других подверглись тяжёлым испытаниям истории. Родина таджиков, спустя 1000 лет, снова была вовлечена в интриги и подстрекательства, делались попытки разлома территориальной целостности или даже объявления «суверенными» его отдельных частей.

Отсутствие достаточного самосознания, преклонение перед чужеземцами, сепаратизм и собственная недооценка, явились серьезным препятствием на пути единства народов, территориальной целостности, патриотизма и защиты Отечества. Реальность 90-х годов XX века свидетельствует том, что таджики неизвлекли уроки из своей трагической истории, и ещё недооценили в полном объеме значение своей территории и государственности, а также не осознали должным образом свою независимость. Очевидно, что территория, государство и национальная независимость нуждаются в защите. Достижение национальной независимости, хотя и носило спонтанный характер, однако не удержать её, конечно, было бы исторической ошибкой, что и не было допущено.

Мыслитель-патриот А.М. Богоутдинов ощущал противоречия развития таджикской нации во всех их тонкостях и радовался тому, что государственность таджиков вновь возродилась в составе Советского Союза,

приобрела свою территорию, и ее дальнейшее продвижение неразрывно связано с этой небольшой, но исторически древней землей.

Он уделял особое внимание важнейшему признаку формирования таджикской нации – национальному таджикскому языку. Несомненно, этот язык на протяжении многих веков служил в качестве реального паспорта таджикского народа, у которого не было других признаков его формирования – территории, экономико-политической целостности и государственности. Он подчеркивает, что, хотя отсутствие этих признаков ослабило процесс формирования национального таджикского языка, на протяжении всей истории развития таджикского языка имело место сближение друг с другом литературного и народно-разговорного языков. При этом существовали богатый лексический фонд, общенародные фонетические, орфографические нормы. Несмотря на это, А.М. Богоутдинов утверждал, что не стоит считать таджикский язык дореволюционного периода единым национальным языком: «Он (т.е. таджикский язык – И.Ш.) был языком народности. Национальный язык своим лексическим фондом и грамматической структурой относительно языка народности развивается больше, выполняет общие функции, подчиняет себе местные и разговорные диалекты; одновременно неизбежны научно-техническая, социально-политическая терминология, бытовая лексика и единый общенациональный литературный язык».¹⁸

Безусловно, изучение различных сторон данного вопроса привело мыслителя к такому логическому заключению, что, хотя элементы, характеризующие таджиков как нацию, появились ещё в прошлые времена, однако они не сумели сформироваться до устойчивых общенациональных признаков. Только при возникновении благоприятных условий эти элементы превратились в факторы укрепления и формирования устойчивых признаков таджикской нации. Такое условие появилось после Октябрьской

¹⁸Шарипов И.Ш. Национальные вопросы в трудах А.Богоутдинова и их значение для современного Таджикистана // А. Баховаддинов - поягузори таджикоти фалсафи. Душанбе: Пайк, 2001.

революции, становления советского строя и социалистических социально-экономических и политических отношений. Мыслитель прав, когда считает развитие и формирование таджикской нации закономерным продуктом новых общественных отношений.

Выступая как личность своего времени, ученый-реалист, пламенный оратор, убежденный сторонник советского строя и социальной справедливости, А.М. Богоутдинов доказывал, что этот строй укрепился в результате изучения и преодоления многих трудностей периода созидания и достиг, в конечном счёте, всемирного триумфа. Все это было обосновано тем, что коренным образом изменилась политическая, социально-экономическая и духовная жизнь, были ликвидированы эксплуатация и деспотия, возникли новые нации и народности, оживились отношения дружбы и сотрудничества разных советских народов. Эти преобразования в Республике Таджикистан позволили развиваться процессу формирования таджикской нации. Однако процесс коренных преобразований на социалистический лад ослаб после распада СССР и новой трансформации социальных отношений.

Если взглянуть на воззрения ученого-патриота А.М. Богоутдинова на формирование таджикской нации с позиции сегодняшней реальности таджикского общества, то перед нами вырисовывается совершенно другая картина, коренным образом отличающаяся от того периода. Признавая, что углубленный анализ возникших вопросов необходимо адресовать специалистам, мы, в свою очередь, хотим подчеркнуть, что развитие национального таджикского языка в настоящее время переживает серьезный кризис. Процесс его превращения в общенациональный язык хотя и не находится в состоянии застоя, однако его использование на различных уровнях, особенно в учебных заведениях республики, находится не в самом лучшем состоянии. На наш взгляд, таджикский литературный язык на данный период постепенно на различных уровнях уступает свое место диалектам и жаргонно-уличному разговору. В противовес всему этому, А.М. Богоутдинов в своих работах, с досадой указывая на проблему

недостаточного изучения различных сторон таджикского языка, считал усовершенствование общенационального языка священным и почетным долгом тех, кто занимается исследованием в этой области науки.

Его вклад в решение этой проблемы не исчерпывается вышеуказанными мнениями. Заслугой ученого была не только своевременная постановка злободневных проблем, но и в постоянном поиске путей объективного и правильного решения этих проблем. Именно, благодаря стремлению и усердию, последовательному изучению духовной мысли своего народа, ему удалось поставить точку на некоторых продолжительных и спорных вопросах в этом направлении. Так, например, высказывалось ложное мнение о том, что якобы таджикский язык – дари, введен извне и не является исконным языком на этой территории, а некоторые «покровители» таджикского языка считали даже, что этот язык – некий разрушившийся язык Средней Азии. И таджиков объявляли не исторически коренным народом, а турками, ставшими затем персами.

А.М. Богоутдинов сумел доказать, что до XV века не существовало серьезного различия между персо-язычными народами, и ветвь персидского языка – дари, служил равно и народам Ирана, Афганистана и самим таджикам. Все это подтверждают аргументы, взятые из литературы и культуры этих народов. Только после XV века, во времена Сафавидов, когда ослабились культурные связи, и стало проявляться незначительное их языковое различие. Причину этого следует поискать в историческом развитии этих народов.

Последнее десятилетие XX века, в котором произошло множество неудач и катаклизмов, привлекает внимание ученых-обществоведов, поскольку в процессе происходящих событий были обнаружены, освящены и трансформированы новые грани норм и ценностей общественной жизни таджикского общества, изменились деятельность людей, их сознание, общественная позиция и духовная жизнь. В повестку дня были поставлены многие актуальных, требующих решения

вопросов, как дальнейшее развитие таджикской нации, защита национального государства, независимости, территориальной целостности, сохранение интеллектуального и культурного фонда нации, обучение и воспитание с целью повышения национального самосознания таджикской нации и другие. Изучая наследие А.М. Богоутдинова, можно убедиться в том, что эти вопросы всегда находились в центре его внимания. Несмотря на значительные изменения в общественно-политической ситуации Таджикистана, его воззрения и в наши дни продолжают служить надежным теоретическим фундаментом для решения этих проблем.

Продолжая анализ, можно отметить, что к числу значительных его научно-философских достижений следует отнести и перевод «Дониш-намэ» («Книги знания») Абуали ибн Сино на русский язык, что явилось важнейшим культурным явлением и серьезным толчком для исследователей в изучении философского наследия персо-язычного народа в научных кругах бывшего СССР. Этим А.М. Богоутдинов сумел доказать, что является не только одаренным исследователем, но и талантливым переводчиком философского наследия предков на русский язык. После перевода «Даниш-намэ», ставшего образцом для будущих переводчиков, начались серьезные переводы и исследования творчества средневековых таджикских мыслителей.

Сравнение перевода А.М. Богоутдинова с рукописями А.П. Колпакова позволяет прийти к выводу, что, хотя первый филологический перевод «Даниш-намэ» и был осуществлен А.П. Колпаковым, однако его нельзя считать научно-достоверным переводом без доработок, повторного рассмотрения и философского редактирования А.М. Богоутдиновым. Благодаря его переводу «Даниш-намэ» на русский язык, философское наследие персо-язычных народов стало доступным для научно-культурных кругов русскоязычных читателей. Этим он расширил сферу знакомства учёных других стран с философским наследием своих предков.

А.М. Богоутдинов был одним из ведущих специалистов бывшего Советского Союза, занимавшимся в области истории средневековой

восточной философии. Ему принадлежит много работ, посвященных вопросам истории философии, социальной философии, педагогики и психологии. На протяжении почти трёх десятилетий он занимался исследованием истории философской и общественно-политической мысли таджикского народа. Первым из числа таджикской национальной интеллигенции как профессионал-философ начал изучать философское наследие своего народа.

Труды А.М. Богоутдинова по истории философии, по социальной философии, в частности, по вопросу консолидации таджикской нации были написаны в разное время, и они охватывают весьма широкий круг философских, социологических и культурологических проблем. А его труд «Очерки по истории таджикской философии» хронологически охватывает историю философской мысли народов Центральной Азии, в особенности таджикского народа, с древнейших времен до конца XIX века.

Известные современные таджикские исследователи, высоко оценивая названный труд учёного, отмечают, что «А.М. Богоутдинов, применяя марксистскую методологию к исследованию философской мысли, считал её становление и развитие обусловленным развитием экономики, языка и централизованного таджикского государства Саманидов. А.М. Богоутдинов в «Очерках» изложил основные тенденции развития философской мысли таджикского народа, начиная с древних времен до конца XIX века. Он в обобщенном виде дал анализ религиозно-философских течений таких, как зороастризм, манихейство, зурванизм, перипатетизм, исмаилизм, суфизм, просветительство и джадидизм. Ученый написал свои «Очерки по таджикской философии» в тот период, когда ещё не вошли в научный оборот многие источники по истории философии народов региона Центральной Азии. Тем не менее, он проявил смелость, посчитав своим патриотическим и научным долгом написать краткую историю философии нашего народа. Несмотря на недостаток материала в тогдашних условиях, он в ряде случаев высказывал идеи, правильность которых подтвердилась при

дальнейших исследованиях. И это свидетельствует о глубоких знаниях и научной эрудиции нашего философа».¹⁹

При этом отметим, что особенностью этого исследования является то, что в нём А.М. Богоутдинов стремился показать процесс развития философской мысли в свете идеологической борьбы противоположных классов и групп феодального общества. Он дал объективно-исторический анализ философских концепций различных философских школ и течений, а также воззрений их выдающихся представителей. Конечно, такой подход является вполне закономерным, ибо А.М. Богоутдинов считается одним из крупных представителей советской философской школы. В очерках мы находим содержательный анализ учения зароастризма, зурвонизма, манихейства, маздакизма, перипатетизма аль-Фараби, Абуали ибн Сино, Омара Хайяма, исмаилитской философии Носира Хисрава, обобщённую характеристику течений суфизма, калама и таких видных их представителей, как Газзали, Санои, Джалолиддин Румии др.²⁰ Достоинство его «Очерков» состоит в том, что в них, наряду с конкретными историко-философскими вопросами, рассматривается ряд важных методологических проблем историко-философской науки.

А.М. Богоутдинов был сыном своего времени, поэтому его наследие надо рассматривать в том временном контексте. Безусловно, наравне с проявлением огромного мужества и творческого подхода он отражал и реагировал на политические, социально-экономические и идеологические запросы своего времени. Поэтому, как ученый он был приверженный идеям коммунистического общества. А.М. Богоутдинов был интернационалистом и, соответственно, большое внимание уделил анализу проблемы соотношения национального и интернационального в истории интеллектуальной мысли и взаимодействия различных философских культур. «Раскрывая национально-

¹⁹ Академик А.М. Богоутдинов – выдающийся исследователь истории таджикской философии // Очерки по истории таджикской философии. Душанбе: Дониш, 2011. С. 4.

²⁰ Богоутдинов А.М. Избранные произведения. Душанбе, 1980. С. 12.

исторические особенности философской мысли различных народов, – писал он, – мы не должны забывать, что философские учения этих народов оказывали взаимное влияние друг на друга. Особенно сильным такое взаимодействие было, ... в странах, находившихся в одинаковых или сходных исторических условиях».²¹

Наряду с фундаментальными исследованиями в области истории философии и общественно-политической мысли таджикского народа он также написал работы, имеющие научно-практическое значение, посвященные проблеме консолидации и формирования таджикской нации. Эта проблема привлекла его внимание по той объективной причине, что в тот период в советском обществе вопросы формирования советских народностей и процесс их превращения в нации были предметом важнейших научных дискуссий. А.М. Богоутдинов основательно проанализировал проблему формирования таджикского народа в своем научном труде «К вопросу о консолидации таджикской нации», где рассматривал данный вопрос, как в политико-культурном аспекте, так и с точки зрения этнографического формирования.

Эта проблема разработана им, конечно, в свете тогдашней политики советского государства и на основе марксистской идеологии. Однако он, опираясь на исторические факты, очень кратко и ясно обосновывает особенности пройденного таджикским народом пути. Его методологический подход к проблеме нации проявляется, прежде всего, в том, что он, руководствуясь высказываниями В.И. Ленина, утверждал, что нация – это не случайный и мимолетный феномен, а прочная общность на почве общности языка, территории, экономической и психологической особенностей, в совокупности, составляющие национальную культуру. Эту общность нельзя смешивать с государственными, религиозными и другими общностями.

На основании этого А.М. Богоутдинов приходит к заключению, что нация является не просто исторической категорией, она, скорее всего,

²¹ Г.Ашуров, М.Диноршоев. Там же. С.13.

историческая категория определенного времени (т.е. времени развития капитализма и строительства социализма). Он с этой методологической позиции придерживается мнения, что таджикский народ до Октябрьской революции в своём развитии не прошёл стадии капитализма. В этот период между районами, бекствами и городами Таджикистана, который был в составе Туркестана, не существовало крепких экономических связей. На территории проживания таджиков господствовали патриархально-феодалные отношения.

До установления Советской власти в Восточной Бухаре не было вообще промышленных предприятий. Потребность народа в продуктах повседневного потребления и орудиях труда сельского хозяйства удовлетворялись, в основном, благодаря домашнему производству и ручному ремеслу. Отсюда, господствующее натуральное хозяйство не позволяло перейти к капиталистическому производству. Не существовало также дорог, отвечающих новому укладу хозяйства. Одним из аргументов, свидетельствующих о том, что в ту пору таджики ещё не превратились в нацию, было утверждение А.М. Богоутдинова о том, что территория, на которой проживали таджики, была гористой, местностью, где царило бездорожье. Отсутствие дорог, экономически разделяло районы друг от друга, препятствуя их производственному продвижению вперёд.

По мнению ученого, территориальная общность – это не только политическое и государственное единство на одной территории. Незрелость хозяйственных связей между населением на этой или той территории свидетельствует о том, что в конце XIX и в начале XX века еще не существовала такая общность, которую можно было бы назвать таджикской нацией. Отсутствие экономической общности определялось тем, что такие города, как Самарканд, Бухара, Худжанд, Ура-Тюбе, Мазари Шариф и др. находились на уровне феодального хозяйственного строя. Поэтому таджики разделяли себя по месту жительства на гармских, кулябских, гиссарских, бухарских, самаркандских, худжандских и т.д.

В этот период, т.е. в конце IX века и в начале XX века не существовала ещё такая общая территория таджиков, которая определяла бы основу национального сознания, духовного единства населения районов и областей. Свыше трёх миллионов таджиков, проживающих на территории Афганистана, и не имевших между собой устойчивых экономических отношений, также всегда представляли себя таджиками.

По мнению А.М. Богоутдинова, возникновение отдельных элементов капиталистического производства в некоторых городах, например, в Бухаре, Самарканде, Худжанде, не означает, что таджики в то время вступили на путь капиталистического развития. Территориальная, экономическая и политическая изолированность между таджиками на протяжении нескольких веков также тормозила процесс формирования национального таджикского языка.²² Вследствие этого в разных регионах господствовали разные говоры и диалекты.

Таджикский язык, по мнению А.М. Богоутдинова, как язык таджикского этноса существует ещё с IX века. Разделяя мнение Е.Э. Бертельса, он подчёркивает, что язык дари, в те времена также считался родным языком народов Хорасана и Средней Азии. Этот язык распространился на довольно обширной территории: Балх, Бухара, Нишапур и южнее Нишапура. Ученый пишет, что таджикский язык (дари) пришел в населённые таджиками местности не ниоткуда, а был родным языком близких таджикам их предшественников, им пользовались на землях, где обитали таджики. На основе научных достижений того периода ученый подытоживает свое мнение о том, что таджикский язык (дари) существовал уже в VI в, совместно с языком пехлеви. Таджикский язык вместе с согдийским языком, который исчез в результате нашествия арабов, уступил, место языку дари. Этот язык был народным языком и постепенно превратился в литературный язык.

²² А.М. Богоутдинов. К вопросу о консолидации таджикской нации. // А.М. Богоутдинов. Избранные произведения. Душанбе. 1980. С.67-68

Опережая современные дискуссии об отношении персидского, дари и таджикского в таджикском сообществе в стране и за рубежом, а также острые споры, которые ведутся в средствах массовой информации и в интернете, А.М.Богоутдинов однозначно поддерживал самобытность современного языка таджиков как в Центральной Азии, также в Афганистане. По утверждению А.М. Богоутдинова, таджикский язык – это не искаженный персидский язык, «не является деформацией персидского языка».²³ Персидские и таджикские языки являются, преобразованными формами языка дари – такова историческая судьба этих языков. До XIV в. различий между персо-язычными народами Ирана и Средней Азии почти не существовало, следовательно, обнаружить подобное различие до этого периода трудно. Язык дари, как общий язык использовался в Иране, Средней Азии и Афганистане до XV века и лишь после правления Сефевидов в Иране в начале XVI века, и претерпел изменения, когда ослабли культурные связи между этими странами.

Народы Средней Азии, подчеркивал учёный, начиная с XVI века до второй половины XIX века (т.е. до присоединения Средней Азии к России), находились в состоянии постоянной войны. Разрушительные войны между ханствами и бекствами значительно разрушили и без того неразвитую экономику страны. Эти факторы коренным образом обусловили формирование нации. Богоутдинов считает, что ситуация не изменилась и в период после присоединения Средней Азии к России, поскольку безграмотность, нищета, бедность и очень жестокая эксплуатация со всеми её формами были свойственны жизни таджикского народа и представляли угрозу его существованию.

Некоторые взгляды А.М. Богоутдинова относительно проблемы таджикского языка все ещё вызывают определенную дискуссию. Однако, в совокупности, он придерживается мнения, что литературный таджикский язык на протяжении многолетней своей истории был близок к народному

²³ Там же. С.66.

языку (и этот взгляд являлся в советский период почти общепризнанным). Несмотря на богатство лексического фонда, общенародные фонетические и орфографические правила, то есть на правила правописания таджикского языка, до Октябрьской революции этот язык ещё не превратился в единый национальный язык. Ученый считает, что национальный язык по лексическому фонду, грамматической структуре более развит относительно народного языка, и поэтому имеет универсальные функции: подчиняет себе местные диалекты и говоры, воплощает в себе научно-техническую терминологию, обогащается за счет политических, социальных, бытовых и профессиональных терминов. Для единого национального языка необходимы общенациональные единые правила, которые закрепляются в литературе.

По мнению А.М. Богоутдинова который опирался на марксистское учение, единые национальные языки возникают при буржуазных социальных отношениях. Он считает, что язык, культурные и экономические общности таджиков существовали с древнейших времен. Однако до Октябрьской революции они не дошли до уровня национальных признаков одной единой нации. Он также попытался раскрыть сущность следующих вопросов: как произошёл консолидация таджикского народа и его превращения в нации, и чем отличается этот процесс от процесса возникновения нации в условиях капитализма.

А.М. Богоутдинов был убеждён, что процесс формирования таджикской нации начался не при капитализме, а в период установления советского строя, когда Таджикистан был включён в состав Советского Союза. Здесь ученый, считает важным руководство коммунистической партии. В идеологическом аспекте А.М. Богоутдинов предпочитал необходимой идеологию пролетарского интернационализма как основу международной политики, сотрудничества разных наций и освобождения человечества от всякого национального гнета.

Данная идеология установилась в результате победы Октябрьской революции и, согласно утверждению А.М. Богоутдинова, она обусловила формирование таджикской нации. Потому что именно в результате победы революции и проведения коренных экономических, социальных и культурных преобразований таджикский народ, ликвидировав экономическое неравенство, превратился в нацию. Он считал, что борьба против басмачества и победа над ним стали важным средством ликвидации феодализма. Стали бурно развиваться промышленность, аграрный сектор и культура таджикского народа. В результате, произошла консолидация таджикского народа и процесс его превращения в нацию.

Ученый при исследовании этой проблемы, опирается на факты. Например, если в Советском Союзе с 1913 до 40-ых г. продукция промышленности увеличилась в 9-10 раз, то в Социалистической Республике Таджикистана она возросла более чем в 24 раза. Он приводит также статистические данные, которые обусловили развитие экономики таджикского народа и способствовали процессу его превращения в нацию.

Примечательно, что А.М. Богоутдинов был известен и своими заслугами в деле развития таджикской философии. Наряду с исследованиями произведений по истории таджикской философии, особенно сочинений Абуали ибн Сино, он уделял особое внимание и важнейшим проблемам формирования таджикской нации, и её политико-социальным положением. Им исследована проблема важнейших факторов развития культуры таджикского народа в его книгах «Очерки по истории таджикской философии», «О консолидации таджикской нации» (на русском языке), «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа» и т. д.

Его проблемный доклад о консолидации таджикской нации по существу постановки вопроса и изложению основных ее проблем имеет особое значение. Несмотря на то, что этот доклад написан более 50 лет тому назад (в 1958 г.), на наш взгляд, основные его положения с научной точки зрения актуальны и сегодня. В нем А.М. Богоутдинов подчеркивает, что

социальные и психологические особенности таджикского народа не исследованы должным образом, поэтому следует серьезно их изучать. Он также считает важным научно разработать такие вопросы, как проблема генезиса таджикского литературного языка, различие говоров таджикского языка, различие таджикского литературного языка от современного литературного персидского языка и вопросы экономической и культурной общности с IX века по нынешние времена.

А.М.Богоутдинов к вопросам истории таджикского народа относился предельно объективно. Он писал, что таджикский народ имеет богатую историю и развитую культуру, унаследованную от своих предков. Предшественники таджиков испокон веков жили и трудились в Мавераннахре, Хорасане, Балхе и создали для мира уникальные культурные ценности. При этом совершенно очевидно, что культура таджикского народа развивалась во взаимосвязи с культурами других народов в историческом процессе.

Им уделено особое внимание древнему культурному памятнику иранских народов, священной книге зороастрийцев – «Авеста». Она была составлена в третьем веке до нашей эры, и представляла собой энциклопедию того времени, в которой изложены религиозная доктрина, культы и верования, философские, космологические, астрономические и исторические взгляды поклонников зороастризма. Как пишет ученый, зороастрийская вера отражает древнюю систему взглядов и представлений предков таджикского народа. Это учение возникло в период, когда кочевые племена Средней Азии и Ирана перешли на оседлый образ жизни. Поклонники зороастризма считали земледелие священным занятием.

Объектом научного исследования учёного также была определена философия зороастризма, особенно проблема борьбы добра и зла, света и тьмы как суть всего сущего. Он считает достоверным мнение Эхсона Табари о том, что создатели зороастризма пытались ликвидировать дуалистичность этой доктрины. Изучая взгляды зурванидов, которых мусульмане считали

дахритами(они отрицали сотворение мира Богом), А.М. Богоутдинов находит в них некоторые элементы стихийной диалектики.

Зурванидыпридерживались мнения, что борьба между двумя противоположными началами происходит внутри изначальной единой субстанции, т.е. беспредельного времени. А.М. Богоутдинов показывает эволюцию этих воззрений в исламском периоде как борьбу с материалистическими взглядами. Он на примере борьбы Мухаммада Газзали против дахритов в его книге «Ал-мункиз мин ал-зилал» («Избавляющий от заблуждения»), который обвиняет дахритов, а также всех философов древности и средневековья в ереси, показывает, тем самым, противостояние идеализма, религии и материализма.

Опираясь на сочинения авторитетных европейских и советских ученых, например, как Е.Э. Бертельс, он исследует арийскую цивилизацию и ясно определяет философскую и социальную сущность многих религиозно-философских течений. Так, говоря о манихействе, ученый считает, что оно возникло в период кризиса рабовладельческого строя и формирования феодальных отношений.

Манихейство заимствовало от зороастризма учение о добре и зле как основу мироздания. Опираясь на мнение Бертельса, Богоутдинов считает, что манихейство дуалистично, и оно возникло на основе доктрины зороастризма о добре и зле. В последующие века это течение подверглось преследованию со стороны маздакистов, христианских лидеров и буддистов как еретическое движение.

Внимание А.М. Богоутдинова привлекли также философско-социальные воззрения маздакизма как древнее и доисламское учение арийской цивилизации. Основатель этого учения Маздак направлял народ против гнёта и эксплуатации феодалов и выражал мнение обездоленных. Ученым изложены социально-философские положения маздакизма на основе «Сиёсатнаме» Низом-ул-Мулка и «Шахнаме» Фирдоуси.

Суть социальной доктрины маздакизма заключается в том, что все люди по уровню материального достатка должны быть равными. Маздакизм волю и сознание считает просветленной основой мироздания, а основой тьмы – слепоту и невежество. Материальный мир – это синтез света и тьмы, однако, в нем света больше и функцией человека является содействие победе света над тьмой. А.М. Богоутдинов отмечает, что согласно маздакизму, все пороки человеческого общества, такие как бессовестность, алчность, лживость, убийство, воровство, война, делающие человека несчастным, являются порождением тьмы. Для искоренения корня тьмы и всех несчастий, следует ликвидировать материальное неравенство, и это приведет к победе добра. Добро, согласно маздакизму, имеет закономерный характер, а победа тьмы случайна. Для победы добра нужна активная борьба, конфискация имущества богатых и раздача его бедным.

В исследованиях А.М. Богоутдинова особое внимание уделено проблемам исламской цивилизации. Он доказывает методологическую неправильность отождествления цивилизации исламского периода с арабской цивилизацией, поскольку арабская культура и философия создавались и такими народами, которые не были арабами. С этой методологической точки зрения ученый определяет вклад таджиков в развитие исламских, философских, мистических, исмаилитских и др. воззрений. В своем труде «Очерки по истории философии» он ведет речь об отдельных философах и мыслителях, таких как Абуали ибн Сино, Газзали, Носир Хисрав, Закариё Рози, Фирдоуси, Фараби, Омар Хайям и др. и подчеркивает важные и прогрессивные аспекты их доктрины в развитии науки и философии Востока и Запада.²⁴

Важной чертой научных трудов А.М. Богоутдинова в связи с определением этапов развития таджикской цивилизации является то, что он в них подчеркивает особое значение социально-политических взглядов

²⁴ См.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. М., 1955. Т. 1.

просветителей и особенно творений критика Бухарского эмирата Ахмада Дониша, о котором речь будет идти в следующем разделе нашего исследования.

1.3 Исследования о генезисе и формировании таджикской нации

К числу одной из историко-философских проблем относится вопрос о формировании таджикской нации, который стал вновь актуальным в связи с приобретением Республикой Таджикистан статуса суверенного государства. Актуальность этого вопроса связана и с изменившимися политическими и экономическими, и духовными условиями. Об этом свидетельствует множество публицистических и научных статей, в которых обсуждаются проблемы «национальной идентичности», «формирование национального сознания», понижение или рост «национального самосознания» и т.д. Пулат Шозимов, один из исследователей данной проблемы в современном Таджикистане считает важной задачей восстановление баланса между политическими (государством) и культурными компонентами нации.²⁵ Постсоветский Таджикистан после разрушения Союза и гражданской войны столкнулся со сложностями определения национальной идентичности. Основу для этого было заложено еще в советское время, т.е. в период национального разграничения Средней Азии, когда таджики лишились культурных центров (Самарканд и Бухара). В результате советской реконструкции деконструкции, как пишет Оливер Рой, таджики были превращены в этническую группу.²⁶ По сути, это тот же вопрос о сформировавшейся или ещё не сформировавшейся нации. На многие современные вопросы прямо или косвенно можно найти ответ в трудах А.М.Богоутдинова. На заре создания социалистической республики Таджикистан многие философы, политики и обществоведы задавали себе

²⁵ П.Шозимов. Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе. 2006 (автореферат).

²⁶ The New Central Asia: The Creation of Nations, by Olivier Roy, New York University, 2000 (1997).

вопрос, можно ли говорить о существовании таджикской нации или пока это преждевременно. Руководящим определением понятия «нация» тогда служило определение, данное И.В. Сталиным, в котором перечислялись семь признаков нации: «Нация есть исторически сложившаяся (1) устойчивая общность людей (2), возникшая на базе общности языка (3), территории (4), экономической жизни (5) и психического склада (6), проявляющегося в общности культуры (7)».²⁷ Этим определением руководствуется в анализе актуальной проблемы А.М. Богоутдинов. Понятие «нация» нельзя путать с понятием «национальность». Эту общность также нельзя смешивать с государственной, религиозной и другими видами общностей.

В статье «К вопросу о консолидации таджикской нации» А.М. Богоутдинов пишет: «Проблема образования и развития таджикской нации пока что остается мало исследованной. Решение этого вопроса требует проведения большой исследовательской работы в области истории таджикского языка, истории культуры, экономики, социальной и политической жизни таджикского и узбекского народов, персо-язычных народов Ирана и Афганистана, Пакистана и Индии. Такая задача может быть решена лишь усилиями больших научных коллективов, трудами многих ученых – историков, лингвистов, экономистов, литераторов, археологов, этнографов, архитекторов, психологов, философов и др.»²⁸ В этой статье написанной, когда ещё существовал Советский Союз, учёный пишет, что таджики живут на территории Таджикской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР, за рубежом – в Афганистане: в Бадахшанской области, в Каттаганской, Мазар-и-Шарифской, Кабульской провинциях и других областях, Пакистане, Северном Белуджистане и Китае в области Синьцзян.

Таджики прошли большой и сложный исторический путь, их история имеет свои особенности, наложившие отпечаток на весь облик народа, на все

²⁷ См.: Сталин И.В. Сочинения, т. 2 М., 1946. С.292-303.

²⁸ См.: Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С.62-77.

стороны его социальной и психической жизни. Эти специфические особенности не получили в научной литературе должного освещения. Без глубокого изучения таких вопросов, как возникновение литературного таджикского языка, отличие литературного таджикского языка от новоперсидского литературного языка, появление множества различных диалектов в таджикском языке, а также вопросов культурной и экономической общности таджиков, по крайней мере, с IX в. н. э., и других, нельзя дать научного освещения проблемы образования таджикской нации.

Главной целью статьи является рассмотрение того, как, где и когда образовалась таджикская нация, какие черты характеризовали её в период образования, закончился ли процесс образования таджиков в нацию или этот процесс продолжается.

Марксистская теория нации говорит, что нации, как и всякое историческое явление, возникают, развиваются и будут иметь свой конец. Буржуазная социология рассматривает нацию как вечную, неизменную «духовную общность». Исходя из этого они говорят о существовании «христианской нации», а панисламисты говорят об «исламской нации». Подобного рода «теории» не имеют ничего общего с научным пониманием нации как исторической категории.

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, а именно: эпохи поднимающегося капитализма или строительства социализма. Впервые в истории нации возникли в эпоху капитализма. Исходя из этого, В.И. Ленин говорил, что «нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития». Англичане, французы, немцы, итальянцы, русские, украинцы, поляки сложились в нации в эпоху буржуазного общественного развития. Но такие народы, как, например, таджики, обладали общностью языка, устойчивой общностью территории и известной культурной общностью уже в IX в., но не прошли стадию капиталистического развития. Являлись ли они в дореволюционный период нацией?

А.М. Богоутдинов пишет, что согласно ленинским идеям, нации могут появляться не только в эпоху капитализма, но и в период строительства социализма. Более того, ленинизм учит, что процесс образования нации в различных странах, у разных народов, в зависимости от условий, необходимых для консолидации данного народа в нацию, протекает во времени по-разному. Все зависит от конкретно-исторических условий, в которых созревают те признаки, которыми характеризуются нации. Например, англичане сложились в нацию в XVII в., а французы – в XVIII в.; у первых процесс консолидации протекал, начиная с конца XV в. по XVII в., а у французов этот процесс происходил в XVI–XVIII вв.

Из положения В.И. Ленина о том, что нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития, не вытекает, что все признаки, которыми характеризуется нация, созревают одновременно и именно в эпоху капитализма. Было бы бесплодным педантизмом, начетничеством, если бы мы пытались рассматривать возникновение всех признаков нации как единовременный процесс, связанный только с эпохой капитализма. Ленинизм утверждает, что общность языка, территории и психического склада присуща не только народности, но и такой форме человеческой общности, как племя. Такие признаки нации, как язык, территория, культурная общность, складывались исподволь, еще в докапиталистический период.

Некоторые исследователи утверждают, что народности ничем не отличаются от нации, за исключением того, что для них не характерна или у них отсутствует общность экономической жизни. С этим мнением согласиться нельзя. Конечно, народности свойственны те же признаки, что и нации, но эти признаки качественно различны. Это различие заключается в том, что в период становления народности происходит переход от племенных языков к языкам народностей и формируется известная общность психического склада и культуры. Для народности характерны также известная территориальная общность и наличие экономических связей,

однако гораздо менее развитых и менее устойчивых, чем национальные. Народность, как исторически сложившаяся общность людей, предшествует нации.

Все ли признаки, характеризующие нацию, были присущи таджикскому народу до Октябрьской революции? Можно ли считать таджиков до Октябрьской революции единой нацией? А.М. Богоутдинов отвечает, что до социалистической революции таджики не представляли единой нации, несмотря на то, что все признаки, характеризующие нацию, в той или иной степени были присущи таджикскому народу. Таджикский народ до революции не успел пройти путь капиталистического развития. Ни фабрик, ни заводов на территории бывшей Восточной Бухары не было. Нужды населения в товарах широкого потребления и в сельскохозяйственных орудиях удовлетворялись домашним производством или кустарно-ремесленной промышленностью. О малой степени товарности и объеме этих производств можно судить по тому, что денег в обороте, особенно в горных районах, почти не было. В ряде случаев можно было видеть натуральный обмен. Часть населения вела натуральное или полунатуральное хозяйство, производя для себя все необходимое и почти не прибегая к торговле и обмену. Все это неизбежно обуславливало замкнутость отдельных районов и областей, а иногда эта местная замкнутость доходила до полной оторванности от остального мира.

Под устойчивой общностью территории понимается не государственно-политическое единство этой территории, а исторически устойчивое пребывание именно на данной территории основной массы данного народа. Однако отсутствие развитых хозяйственных связей населения в пределах этой территории, устоявшихся национальных экономических центров свидетельствует о том, что в конце XIX – начале XX в. еще не существовала общность, которую можно было бы признать национальной общностью таджикского народа. Отсутствие общности экономической жизни сказывалось и в том, что такие города, как Самарканд,

Бухара, Худжанд, Ура-Тюбе, Мазар-и-Шариф и другие, носили на себе печать своеобразия, присущего феодальным владениям. В этот период общая территория таджиков еще не стала единой национальной землей, что отражалось в сознании жителей отдельных районов и областей. Около 3 млн. таджиков, проживая на территории Афганистана, по сей день, разобщены, и, не имея между собой прочных экономических связей, не всегда и не везде называют себя таджиками. Часть из них, расселенная к югу и юго-востоку от Газни, именуется «сардехи»; таджики, живущие в высокогорных районах Афганского Бадахшана, называются «гальча». Другая же часть таджиков именуется по месту расселения «кухистони», «кухидомани», «пянджшири» и т.д. В Фаррахской области и Кандигарской провинции таджики называют себя «герати» (гератуни), «дехвар» (дехкан), а в Гератской провинции – «чури» (Чуриди).

Зарождение в начале XX столетия элементов капиталистической промышленности в некоторых городах таких, например, как Самарканд, Бухара, Худжанд, не означало, что таджики вступили в полосу капиталистического развития. Территориальная, экономическая и политическая разобщенность таджикского народа на протяжении веков задерживала процесс формирования таджикского национального языка. Этим объясняется существование в нем множества диалектов и говоров. Таджикский язык как язык народности существует с IX в. Язык дари для хорасанцев и для жителей Средней Азии был родным говором. Дари, был распространен на значительной территории, примерные границы которой можно наметить географическими точками Балх – Бухара – Нишапур и более южные территории. Язык дари, был родным языком ближайших предков таджиков.

Дари, сложился, предположительно, в VI в. и сосуществовал с языком пехлеви. Сосуществовал он и с согдийским, который вышел из употребления в Средней Азии с арабским нашествием и окончательно уступил свое место дари. Возникновение согдийского языка связано с периодом становления

феодалных отношений в Средней Азии; когда происходил процесс образования племенных союзов и их постепенное объединение. Феодалные отношения, обычно совпадающее с процессом завершения союза племен, уже говорящих на одном языке, характеризуются и возникновением литературного языка. Язык дари из народного языка превратился в литературный в период расцвета феодалных отношений в Средней Азии и Хорасане.

Таджикский язык нельзя считать своего рода среднеазиатской «деформацией» персидского. Как таджикский, так и персидский представляют собой дальнейшее видоизменение дари, и теперешнее расхождение их объясняется не различным происхождением, а историческими судьбами народов. До XIV в. разница в литературных языках персо-язычных народов Ирана и Средней Азии почти незаметна. Поэтому до XV в. провести грань между таджикской и персидской литературой по языковому признаку невозможно. Дари в равной мере одинаково использовался до XV в. всеми народностями в Иране, Средней Азии и Афганистане и после установления власти Сефевидов в Иране в начале XVI в., когда культурные связи между обеими странами начали слабеть, начинается то расхождение, которое привело к современному состоянию этих языков. Начиная с XV в., язык дари начал развиваться в двух направлениях – как персидский в Иране и как таджикский – в Средней Азии и Афганистане.

А.М. Богоутдинов отмечает, что разные страны отличаются неодинаковой скоростью национального развития. После падения государства Саманидов в XI в. вплоть до Октябрьской социалистической революции таджики не имели своего национального государства; во многих странах, например, таких как Англия и Франция, нации формировались в период образования централизованных феодальных государств и формирование нации там совпало с образованием национального государства. В Средней Азии, Иране, Афганистане появление

централизованных феодальных государств предшествовало во времени возникновению наций. Здесь образовались централизованные феодальные государства, состоящие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, примером тому являются Иран и Афганистан.

Наличие или отсутствие государства само по себе не является признаком нации. Однако наличие государства облегчает и ускоряет процесс объединения нации и, наоборот, отсутствие государства затрудняет и осложняет этот процесс. Народы Средней Азии, начиная с XVI в. и до второй половины XIX столетия, т. е. до присоединения Средней Азии к России, жили в условиях почти постоянных войн. Междоусобные войны ханов и беков подрывали неразвитую экономику страны. Эти факторы являлись одной из причин замедления процесса образования нации.

В этом отношении положение таджикского народа и после присоединения Средней Азии к России мало изменилось, хотя это присоединение имело исключительно важное, прогрессивное значение для судьбы таджикского народа, который испытал все тяготы колониального гнета и режима восточных деспотов – местных эксплуататоров. Нищета, неграмотность и вследствие этого крайняя забитость, самые дикие формы эксплуатации и угнетения были уделом таджикского народа, обреченного при эмирате на медленное вымирание.

Все это оказало большое влияние на историю таджикского языка, на культурную жизнь таджикского народа. Несмотря на то, что на протяжении почти всей истории формирования и развития таджикского языка имела место тенденция сближения литературного языка с народно-разговорной речью, несмотря на богатство его словарного фонда и существование общенародных фонетических и орфографических норм, таджикский язык до Октябрьской революции нельзя считать единым национальным языком. Он был языком народности. Национальный язык по своему словарному фонду и грамматическому строю более развит, чем язык народности, и выполняет более универсальные функции, подчиняя себе местные диалекты и говоры,

объединяя одновременно экономическую, научно-техническую терминологию, социально-политическую, бытовую лексику, профессиональный и литературный язык. Для единого национального языка выработка общенационального языкового стандарта, закрепленного в литературе, обязательна. Единые национальные языки формируются в эпоху буржуазных общественных отношений.

В.И. Ленин в 1914 г. в своем труде «О праве наций на самоопределение», подчеркивая значение языка как средства человеческого общения, говорил, что «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого соответствующего современному капитализму торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец – условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем».²⁹

Язык, территория, культурная и экономическая общность таджиков, возникли и существовали с давних времен, но до Октябрьской революции они не выросли до уровня национальных признаков. Таджикский народ, благодаря советскому общественному строю, в результате осуществления национальной политики компартии и помощи русского народа, на пути своего исторического развития сделал скачок от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистического общественного строя. В составе Советского Союза таджикский народ оформился в нацию после Октябрьской революции, в процессе борьбы против угнетающих классов, в процессе строительства социализма. Октябрьская революция стала условием образования многих наций из тех народностей, которые не успели сложиться в нацию.

Процесс образования и развития наций после и прихода трудящихся к власти протекает в совершенно иных условиях. При капиталистическом общественном строе консолидация народностей нации происходит под

²⁹ См.: Ленин В.И. Сочинения, 5 изд. Т. 24. С. 113-150.

эгидой буржуазии; экономической основой консолидации нации является буржуазная экономика. Национальная буржуазия – господствующий класс общества в этот период – навязывает свою идеологию трудящимся массам, проповедует превосходство своей нации над другими нациями, культивирует национальное неравенство, выдаёт свое собственное дело за дело общенародное, стремится воспитать трудящихся в духе буржуазной идеологии.

Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой нации. Такие нации в научной литературе называют буржуазными нациями. Мы считаем, что эта характеристика не полностью отображает политический облик наций, сформировавшихся в буржуазном обществе. Известно, что любая нация как исторический критерий эпохи поднимающегося капитализма формировалась в процессе борьбы с феодализмом. В этой борьбе участвовали все антифеодальные силы – буржуазные и мелкобуржуазные, революционные и оппозиционные. Отмирание феодального строя и появление капиталистического общества не ликвидировали систему угнетения трудящихся. Вышедшее из недр отжившего феодального общества буржуазное общество не уничтожило социальных противоречий. Оно только поставило новые общественные слои, в новые условия и новые формы борьбы на место старых. Понятие «нация» обнимает все группы и социальные слои данного общества. В нации, образовавшиеся в эпоху капитализма, входят разные социальные слои, такие как – буржуазия, феодалы, купцы, в их составе представлены также – трудящиеся и крестьянство. Природа буржуазных наций внутренне противоречива. В процессе этой борьбы трудящиеся создают свои политические организации. Социалистическая идеология, политические партии трудящихся зарождаются в условиях капитализма. Все эти противоречия капиталистического общества не могут не оставить соответствующего отпечатка в сознании отдельных социальных групп нации.

Классики марксизма не квалифицировали нации, возникшие в эпоху капитализма, как «буржуазные нации». Более того, В.И. Ленин, подчеркивая внутренне противоречивый характер таких наций, говорил о существовании двух наций в каждой нации. В своих «Критических заметках по национальному вопросу» В.И. Ленин писал: «Есть две нации в каждой современной нации – скажем мы всем национал-социалистам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.».³⁰

В целях уточнения и упорядочения терминологии исторического материализма, пишет А.М. Богоутдинов, следует нации, образовавшиеся в эпоху поднимающегося капитализма, не называть «буржуазными нациями», а называть нациями буржуазного общества, так как понятие «буржуазная нация» не характеризует противоречивый политический облик нации, не отражает интернациональную тенденцию трудящихся и его борьбу против колониализма, национального гнета и неравноправия.

При благоприятных социально-экономических условиях интернациональная тенденция рабочих внутри оформившихся наций буржуазного общества получает дальнейшее развитие и коренным образом изменяет морально-политический облик нации.

Октябрьская революция открыла новую эпоху в истории наций, национальных и межнациональных отношений. Нации обладают большой устойчивостью. С отмиранием или ликвидацией капитализма нации, существовавшие в буржуазном обществе, не ликвидируются, не исчезают, а остаются и получают дальнейшее развитие. Но духовный, морально-политический облик наций в период социалистического строя коренным образом изменяется. В результате свержения капитализма в России и на её

³⁰ Там же.

окраинах возник и утвердился новый общественный строй. В результате ликвидации буржуазии и её националистических партий, а также проведенной компартией работы по интернациональному воспитанию трудящихся изменился морально-политический облик всех народов Советского Союза.

Но в условиях советского строя происходил не только процесс преобразования морально-политического и духовного облика тех наций, которые существовали в дореволюционной России и на её окраинах. В условиях социалистического строя возникли и развились новые нации из тех народностей, которые по разным причинам не успели сложиться в нацию до революции. Таджикская нация является одной из таких наций, которые возникли и развились в период советского социалистического общественного строя. Как происходил процесс объединения таджикского народа в нацию? Чем отличается этот процесс от процесса образования нации в условиях капитализма?

Процесс образования таджикской народности в нацию происходил не при капиталистическом строе, а в период борьбы народов за укрепление советского общественного строя в Советском Союзе. Не буржуазия и её националистические партии, а трудящиеся и его интернациональная партия руководили процессом объединения таджикской народности в нацию. Компартия с самого начала выступила противником национального гнета и неравноправия народов. Ленин, развивая идеологические, организационные, теоретические, тактические и стратегические основы компартии, разрабатывая её программу, обосновал интернациональный принцип создания партии и всех рабочих организаций. Интернационализм является основным принципом компартии в области национальных отношений.

А.М. Богоутдинов пишет, что интернационализм – это идеология и политика международной солидарности, взаимопомощи и союза рабочих всех стран в борьбе за освобождение от социального и национального гнета. Эта идеология стала господствующей, и эта политика одержала победу в

результате Октябрьской революции и победы социалистического строя в Таджикистане.

Осуществление национальной политики привело к уничтожению национального гнета и к возрождению ранее угнетенных народностей, к росту их национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей между народами нашей страны и налаживанию сотрудничества между ними в деле строительства социализма.

Компартия и Советское правительство не ограничились осуществлением правового равенства народов страны, хотя уже одно это явилось достижением национальной политики партии. Партия последовательно проводила политику ликвидации экономического, политического, правового, национального неравенства.

Национальное неравенство покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Для ликвидации неравенства отсталых народов, которое они унаследовали от прошлого, необходимо было дать возможность этим народам догнать Россию в культурном и хозяйственном отношениях. Для этого необходима была действительная, систематическая, помощь со стороны русского народа трудящимся массам, отсталым в культурном и хозяйственном отношениях.

Компартия и Советское правительство проводили большую работу, помогая отставшим народам окраин догнать Россию в экономическом и культурном отношениях, развить хозяйство и социалистическую культуру, создать кадры национальной интеллигенции. Примером этого являются изменения, происшедшие в жизни таджикского народа.

Под руководством партии, при помощи русского народа таджикский народ ликвидировал феодально-деспотический строй. История развития промышленности и сельского хозяйства в Таджикистане – яркий пример проведения национальной политики. С развитием промышленности были созданы и подготовлены местные национальные кадры, вырос и оформился

таджикский рабочий класс. В горах и долинах возникли новые города и благоустроенные поселки.

В результате индустриализации и коллективизации сельского хозяйства Таджикская республика, как и все остальные окраины России, стала индустриально-аграрной республикой, в которой выросли наравне с новыми крупными заводами, фабриками и электростанциями совхозы, колхозы и мощные машинно-тракторные станции. Массовое колхозное движение в Таджикистане началось с 1930 г. В 1940 г. количество колхозов в республике достигало 3093, в них было объединено 195,8 тыс. хозяйств. До революции в Таджикистане не было ни одного трактора, а в 1940 г. республика имела 51 машинно-тракторную станцию. Переход к крупному социалистическому земледелию, оснащеному современной техникой, проведение ирригационных систем и строительство новых каналов – все это способствовало расширению посевных площадей, подъему урожайности, развитию всех отраслей сельского хозяйства республики.

Без ликвидации культурной отсталости нельзя было ликвидировать фактическое неравенство. Проведенная под руководством компартии культурная революция изменила духовный облик народов Советского Союза. В результате осуществления национальной политики компартии не только Россия, но и ранее отсталые окраины покрылись сетью школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и других культурно-просветительных учреждений.

Таджикский народ в сравнительно короткий срок достиг значительных побед в области культуры. До Октябрьской революции в Таджикистане господствовала неграмотность, не было высших учебных заведений, ни одной массовой библиотеки, никаких книг или газет на родном языке не издавалось. За годы Советской власти неграмотность была полностью ликвидирована. В 1940 г. в республике имелось 2852 школы, в которых обучалось 277,4 тыс. учащихся, 5 педагогических и учительских институтов, медицинский и сельскохозяйственный институты, около 20 научно-

исследовательских институтов и лабораторий, более 400 библиотек, книжный фонд которых превышал 495,5 тыс. экземпляров. За 1940 г. было издано более 370 названий книг общим тиражом 2823 тыс. экземпляров. В республике издавались 71 газета, 6 журналов. За 20 лет, с 1929 по 1948 г., на социально-культурные нужды израсходовано 4,4 млрд. рублей. Все эти успехи стали возможными в результате ликвидации эксплуатации и буржуазных националистов всех видов. Процесс консолидации, формирования таджикской социалистической нации проходил в период борьбы за упрочение советского строя, в период возникновения и утверждения социалистического способа производства и культурной революции.

А.М. Богоутдинов пишет в указанной статье, что марксизм-ленинизм явился идеологической основой формирования таджикской социалистической нации. Марксизм-ленинизм – явился руководящим началом, показавшим путь решения национального вопроса при создании и строительстве Советского многонационального государства, обеспечившего все условия для возникновения и формирования социалистических наций.

Национальная политика, основанная на объективных законах общественного развития, стала политической основой консолидации таджикской социалистической нации, как и всех социалистических наций. Вместе с социалистическими преобразованиями изменились экономический и общественный строй, а также духовный облик народов Советского Союза, в том числе и таджикского народа. За очень короткий промежуток времени, буквально за 15 лет, с 1925 по 1940 гг., Таджикистан превратился из ранее нищей и отсталой страны в процветающую социалистическую республику, а таджикский народ консолидировался в социалистическую нацию.

А.М. Богоутдинов отмечает, что все признаки, характеризующие таджиков как нацию, в 1936 г. получили полное развитие. Но все это не означает, что основные признаки, характеризующие нацию, сложились одновременно. Одни признаки нации формировались долго, а для

формирования других признаков потребовалось меньше времени. Возьмем для примера такой признак нации, как общность языка. Как происходил процесс формирования этого признака нации у таджиков?

Известно, что таджикский язык своими корнями уходит далеко в глубь истории. История таджикского языка неразрывно связана с историей его творца и носителя – таджикского народа. Таджикский язык оформился в язык народности в IX в. В результате развития восточно-иранских диалектов и языков, видимо на основе одного из территориальных диалектов на стыке Согда, Тохаристана и Хорасана складывается общенародный язык таджиков – дари. С тех пор таджикский язык, так же, как и все другие языки, развивался и совершенствовался, оказывая упорное сопротивление ассимиляционной политике арабской и турецкой аристократии. Процесс консолидации таджикского языка, как языка народности, в единый язык нации до Октябрьской революции не завершился. Современный таджикский язык по своему грамматическому строю мало отличается от языка Рудаки, Фирдоуси, Насира Хисроу, Абу Али ибн Сино, писавших свои произведения в X–XI веках.

Однако современный таджикский язык по своему словарному фонду и грамматическому строю более развит, чем дореволюционный, и выполняет более универсальные функции, подчиняя себе множество местных диалектов и говоров, объединяя одновременно научно-техническую терминологию, социально-политическую, бытовую лексику и профессиональный язык. Современный таджикский язык имеет общенациональный языковой стандарт, закреплённый в литературе, признанный всей нацией.

Современный таджикский язык, по выражению С. Айни, «понятен всей таджикской массе и в построении фраз, и в аллегориях, и в пословицах, и в других особенностях, он отвечает духу народа, его специфике».³¹

³¹ Айни С. Бухара (Воспоминания), часть II, 1949. С 11.

За годы социалистического строительства в таджикском языке, его лексике, в общественно-политической терминологии произошли значительные изменения. Не будет преувеличением, если сказать, что в годы строительства социализма фактически была создана общественно-политическая, научно-техническая терминология таджикского языка.

Интенсивность общественной жизни, различные социально-политические и хозяйственно-организационные изменения, происшедшие в стране, не могли не отразиться на темпах развития таджикского языка, в особенности на развитии его словарного состава. Переводы произведений классиков с русского языка на таджикский обогатили литературный язык по линии количественного и качественного роста словарного состава, развития и уточнения общественно-политической терминологии, очищения литературного языка от диалектизмов и архаических синтаксических конструкций. Благодаря переводам происходило не только обогащение лексики, но совершенствовался и грамматический строй языка, активизировались словообразовательные средства. Таджикский язык усовершенствовался, его словарный состав обслуживает теперь значительно более широкую сферу, в частности – экономику, науку, технику и публицистику.

Советские таджикские писатели – Айни, Турсунзаде, Улугзаде и др., проделали громадную работу общенационального значения, оттачивая и шлифуя литературный таджикский язык в своих произведениях. Они создали нормы, высшие образцы, наиболее правильные, наиболее соответствующие духу языка и его внутренним законам развития.

А.М. Богоутдинов пишет, что, к сожалению, наши языковеды почти не занимаются вопросами развития таджикского языка в литературно-художественном творчестве, не изучают коммуникативные и экспрессивные функции языка. В художественной литературе писатель не только сообщает свои мысли, но, по выражению М.А. Горького, «рисует словами», максимально использует все выразительные средства языка, образует язык

как художественную форму, строит «по законам красоты». В литературно-художественном творчестве язык выступает, помимо всего прочего, как эстетическая категория, категория прекрасного. Но все эти явления, характеризующие развитие языка, языка таджикской социалистической нации, остаются вне внимания филологов.

Таджикский язык количественно и качественно вырос за годы строительства социализма в Советском Союзе. Современный таджикский язык обслуживает всех членов нации, является единым и понятным для всей нации. Единый национальный язык образовался после Октябрьской революции, благодаря концентрации диалектов и историческому развитию таджикского народного языка, что стало возможным благодаря экономической и политической концентрации.

В IX в. завершился исторический процесс образования таджикской народности. Соединение и слияние некоторых, преимущественно оседлых, среднеазиатских племен в единый народ в то же время означали создание единства их территории, ибо длительная совместная жизнь была невозможна без общей территории. Процесс формирования таджикского народа завершился в период, когда сложилось таджикское централизованное феодальное государство Саманидов. Однако слабая связь между отдельными «землями», феодальная раздробленность, непрерывные войны исключали возможность устойчивой территориальной общности таджикского народа. Территориальная общность народности не тождественна государственной общности. Несмотря на вхождение в разные периоды истории в состав различных государственных образований, таджикский народ сохранил общность языка, общность культуры, особенности быта.

Устойчивой территориальной общности без экономической общности не бывает. Устойчивой, исторически сложившейся экономической связи таджики, говорящие на одном языке и живущие на одной территории, до Октябрьской революции, в строгом смысле этого понятия, не имели. Такая связь появляется впервые с возникновением капитализма. А таджикский

народ не прошел путь капиталистического развития. Поэтому экономической основой консолидации и развития таджикской социалистической нации является социалистический способ производства, социалистические общественные отношения, связывающие народы в одно экономическое целое.

Всего этого таджикский народ достиг в результате ликвидации феодальной системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства, устранения эксплуатации человека человеком. Социалистическая система хозяйства и общественная собственность на средства производства сближают нации. Социалистическое разделение труда, установленное между отдельными районами, областями, национальными республиками на основе экономических законов социализма, связывает планомерно и рационально хозяйство каждой нации и всех наций в единое экономическое целое.

Таджикский народ, как исторически сложившаяся общность людей докапиталистической эпохи, имел свой национальный характер, проявляющийся в общности специфических особенностей национальной культуры. Он имел богатую устную и письменную литературу, национальную музыкальную культуру, архитектуру и искусство.

В культуре таджикского народа – в сказках, пословицах, в литературе, музыке – выражается психический склад народа, национальный характер, отражаются условия материальной общественной жизни народа, его быт, важнейшие события его истории, борьба с чужеземными захватчиками, борьба против социального и национального гнета.

Закономерность развития социалистического общества такова, что различия национальных форм культуры не разделяют народы. Культура сложившихся и развивающихся социалистических наций является единой по своему содержанию и направлена к единой цели – достижению высокого уровня экономической и духовной жизни народа. В итоге исторических

преобразований экономики, культуры в корне изменился морально-политический облик, характер таджикского народа.

По мнению А.М. Богоутдинова, процесс консолидации таджикского народа в нацию завершился ко времени принятия Конституции СССР, утверждённой 5 декабря 1936 г. С таким утверждением сегодня можно не согласиться, учитывая насколько сложный был период 1936-1937 годов в истории Советского Союза. Здесь сказывается конъюнктура репрессивной политической ситуации, которая требовала успехов социалистического строительства здесь и сейчас. К этому моменту ещё не был сформирован один существенный признак нации – собственная экономика, основанная на использовании таджикского языка. Необходимо признать, что в это время экономика была ещё русскоязычной.

Однако нельзя не согласиться с утверждением А.М. Богоутдинова о том, что таджикский народ, сохраняя и развивая свои лучшие национальные традиции, развивая национальную культуру, выработал в себе новые качества, свойственные социалистическим нациям. Советский строй подорвал национальную рознь и создал атмосферу сотрудничества народов Советского Союза, он был способен обеспечить подъем каждого народа без ущемления интересов других народов. Интересы многонационального государства в таких условиях являются интересами каждой отдельно взятой нации. Таджики в Советском Союзе оформились в нацию. Что касается таджиков, живущих в зарубежных странах, то, по мнению А.М. Богоутдинова, у них этот процесс ещё не завершился. Существование таджикской социалистической нации, расширение её экономических и культурных связей с зарубежными таджиками благоприятно отразится на их судьбе, ускорит процесс их национальной консолидации.

Таковы в целом идеи академика А.М. Богоутдинова относительно исторического генезиса таджикской нации, который, на наш взгляд, имеет тенденцию продолжаться и сегодня, в современном суверенном Таджикистане, в котором восстановлены рыночные отношения, возвращена

частная собственность, и есть возможность сформировать таджикскую нацию не «минуя капитализм», как писали раньше в социалистической литературе, а в условиях капиталистических отношений пройти этот путь реально, а не теоретически.

Глава II. Труды А.М. Богоутдинова и их роль в развитии историко-философской науки в Таджикистане

2.1 Исследование философских взглядов Абуали ибн Сино (Авиценны)

Изучая философию средневекового Востока, А.М. Богоутдинов сосредоточивает основные усилия на раскрытии философских достижений таджикского народа, представленных творчеством Абуали ибн Сино. Ученый как первый исследователь важнейших проблем современной философии определил актуальные вопросы таджикской философии. Велика его заслуга также в исследовании философского наследия и истории философии таджикского народа и особенно следует упомянуть здесь, переведенное им на русский язык, произведение Абуали ибн Сино «Данишнамэ».

Эта работа явилась первым серьезным переводом наследия великого мыслителя в Советском Союзе, и он впервые ознакомил научный мир с учением Абуали ибн Сино. Своим переводом Богоутдинов хотел сделать доступным русскоязычным читателям гениальное наследие великого сына таджикского народа, и намеревался этим способствовать повышению уровня национального самосознания своих современников.

Выдающийся русский мыслитель А.И. Герцен писал: «Большинство народов живут без прошедших верований и современной духовности. Естественно, что для выхода из этой неизбежной умственной пропасти и для достижения подлинного самосознания изучение прошлого считается

важными единственным способом».³² А.М. Богоутдинов видел свою историческую миссию перед своей нацией именно в решении этой актуальной задачи.

А.М. Богоутдинов относится к числу первых исследователей наследия Абуали ибн Сино. На примере философских произведений мыслителя он показал величие таланта, гениальности Абуали ибн Сино в решении сложных научных проблем, и показал его выдающуюся роль в развитии философских наук, как на мусульманском Востоке, так и в Западной Европе.

Заслугой А.М. Богоутдинова является то, что он, переводя трудные философские термины Абуали ибн Сино на русский язык, создал для будущих переводчиков наследия мыслителя глоссарий, который облегчал понимание сложных философских и научных текстов. Абуали ибн Сино написал это произведение на родном языке, и поэтому его вполне можно считать основоположником философской терминологии таджикского языка (фарси, дари).

Переводы наследия Абуали ибн Сино, завершённые впоследствии в Таджикистане учеными Института философии Академии наук Республики Таджикистан являются логическим продолжением плодотворной деятельности академика А.М. Богоутдинова. Это труды таких таджикских ученых, как М. Диноршоева, К. Олимова, А. Девонакулова и др., которые внесли свою лепту в перевод произведений мыслителя на русский язык.

Подробное предисловие, написанное А.М. Богоутдиновым к переводу «Даниш-намэ», является глубоким анализом философских и логических взглядов Абуали ибн Сино. Изданный в 1957 году, перевод не потерял и поныне свою научную ценность. Благодаря этому переводу исследователям истории философской мысли удалось раскрыть в гениальном наследии Абуали ибн Сино различные аспекты его сложного мировоззрения. Авторы предисловия к «Избранным произведениям» А.М. Богоутдинова на русском языке Г. Ашуров и М. Диноршоев отмечают, что «... благодаря этому

³² Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т.6. С того берега. М., Изд-во АН СССР, 1955. С.135.

переводу в сферу исследования истории философии было вовлечено одно из основных произведений Абу Али Сины и это позволило изучить непосредственно логику его философской доктрины».³³

Перевод «Даниш-намэ» свидетельствует также о патриотизме ученого, поскольку он, хотел привлечь внимание советских ученых на гениальные творения сына таджикского народа. Таким образом, ученый сразу совершил два дела: вначале перевёл оригинальное произведение мыслителя, и тем основал в Таджикистане школу перевода таджикского философского наследия. Он внес свою лепту в разработку философской терминологии для перевода классических трудов на русский язык. «Даниш-намэ» в этом плане является уникальным переводом, ибо за исключением отдельных понятий, весь текст перевода А.М. Богоутдинова является точным, лаконичным, а самое главное, адекватно передает содержание труда Абуали ибн Сино.

Исследования А.М. Богоутдинова отличаются объективностью, исторической конкретностью. Указав на некоторые идеалистические черты философии Абуали ибн Сино, он, тем самым, подверг анализу последовательность материалистического метода его научно-философского наследия.³⁴ Перевод этого произведения послужил источником повышения уровня национального самосознания таджикской интеллигенции, поскольку он представил образец высокого философского мышления таджиков. Сделав доступным одно из важнейших произведений Ибн Сины, он дал научно обоснованный отпор тем учёным, которые, придерживаясь европоцентристского мировоззрения, игнорировали заслуги восточных народов в развитии философской мысли. Он показал, что Абуали ибн Сино этим произведением открыл новую эру в развитии философии того времени на территории, населенной таджиками. Изучение работы приводит нас к заключению, что при исследовании творений Абу

³³ Богоутдинов А.М. Избранные произведения. Душанбе, 1980. С. 11.

³⁴ Там же. С. 10.

Али Сина он ставил своей целью повышение уровня национального самосознания и исторического сознания современников.

Как отмечает К. Олимов, А.М. Богоутдинов формирование энциклопедической личности Абуали ибн Сино ставит в зависимость не только от врожденного таланта и одарённости мыслителя, но и от тех экономических и культурных достижений, которые являлись результатом завоевания государственности таджикским народом. Об этом ученый пишет в предисловии к русскому переводу «Даниш-намэ» следующее: «Абуали ибн Сино жил и творил в X веке, в котором таджикский народ добился уникальных достижений в развитии экономики и культуры. Этим достижениям способствовали создание собственной государственности, освобождение страны от ига деспотизма чужеземцев багдадского халифата, консолидация таджикского народа, централизация государственного управления ради развития экономики страны и налаживания всесторонних отношений со всеми странами Ближнего Востока».³⁵

А.М. Богоутдинов в работе, посвященной учению Абуали ибн Сино, и изданной в философском журнале Советского Союза «Вопросы философии», показал важнейшие аспекты личности учения мыслителя и привлек внимание советских философов на необходимость изучения наследия этого корифея таджикской философии и науки.³⁶

Ученый в исследовании «Даниш-намэ» и его переводе на русский язык, называет Абуали ибн Сино «истинным энциклопедистом своего времени», и с сожалением отмечает, что до сих пор в европейской и русской науке анализу этого энциклопедического творения мыслителя, написанного на родном его языке, не посвящена ни одна публикация. Он ещё раз подчеркивает, что эта книга была написана на языке фарси-дари.³⁷

³⁵ Богоутдинов А.М. Даниш-намэ. Сталинабад: Тадж.гос.изд-во, 1957. С. 13.

³⁶ Богоутдинов А.М. Выдающийся памятник философской мысли таджикского народа (О произведении Ибн Сины «Дониш-наме») // Вопросы философии, 1948. №3.

³⁷ Богоутдинов А.М. Избранные произведения. Душанбе, 1980. С. 92.

Излагая в этом исследовании содержание «Даниш-намэ», перечисляя его издания и разные наименования, А.М. Богоутдинов даёт затем ценные сведения о философских взглядах Абуали ибн Сино. Мыслитель в своей книге даёт классификацию наук, разделяя их на прикладные и теоретические. Прикладные науки разделены им на науку градоуправления (т.е. управление государством – политику), науку отношения мужчины к семье, супруге, детям и к собственности (т.е. этику и экономику), а теоретические – на высочайшие, средние науки и физику.³⁸

А.М. Богоутдинов в результате анализа воззрений Абуали ибн Сино приходит к заключению, что «предложенная им классификация наук, по сути, материалистична, однако придание особого значения высочайшей, «первой науке» как наукеобабсолютной истине и её противопоставление другим наукам является уклонением к идеализму».³⁹

Изучив труды Абуали ибн Сино, он определил основную позицию его мировоззрения, которая в решении основного вопроса философии является дуалистической. Это доказывается тем, что Сино в своих естественно научных взглядах, хотя больше приближается к материализму, однако он непоследователен, он признает активность души, после соединения души с телом тело развивается по своим законам развития.

Абуали ибн Сино, он признавал внешний мир, поскольку «бытие не имеет границ ... Никакая вещь в пространстве не распространена как бытие, оно не имеет форму, потому что никакая вещь не известна как оно... Оно является началом, за которым последуют другие вещи».⁴⁰

Некоторые исследователи считали Абуали ибн Синомистиком, игнорируя материалистические и рационалистические аспекты его философской доктрины. Так, Д. Жамил Салиба в своей работе «МетафизикаИбн Сины» утверждает, что всю философскую систему

³⁸ Там же. С. 93

³⁹ Там же. С. 93-94

⁴⁰ Там же, С. 94.

мыслителя составляет мистика. То есть, по его мнению, учение Абуали ибн Сино является мистическим рационализмом, или, точнее, неоплатонизмом, смешавшимся с исходящими с Востока элементами мистики.

Однако А.М. Богоутдинов в своем исследовании не соглашается с этим мнением и пишет, что «во взглядах Д.Ж. Салибы бросается в глаза явная фальсификация исторических фактов, и Абуали ибн Сино не признавал существование «перводвигателя» в том значении, которое излагается в учении Аристотеля. Взгляд Абуали ибн Сино на связь времени и движения материалистичен. В своей книге «Наджат» («Спасение») он пишет так: «Время существует только с движением. Там, где нет движения, нет и времени». Великий мыслитель оценивает время как измерение различных движений.

А.М. Богоутдинов при исследовании учения о логике, представленном в книге «Даниш-намэ», указывает, что Абуали ибн Сино на мусульманском Востоке развивает логические знания, основоположником которых был Аристотель. «Им глубоко развито учение о силлогизме. Его силлогистика очень проста, умеренна и гармонична. Правила силлогизма, изложенные в «Даниш-намэ», можно встретить в работах Милля, Минто, Введенского и Челпанова. Предложенные учеными в XVIII-XX веках правила формирования силлогизма почти не различаются от предложенных Абуали ибн Сино в «Даниш-намэ» правил».⁴¹

Глубоко изучив учение Аристотеля, мыслитель пытался обнаружить логическое формы и связи из особенностей бытия. В логическом учении Абуали ибн Сино подробно разработана проблема суждения и его переход из одной формы в другую. Однако ему не удалось обнаружить историческую и систематическую связь форм суждения.

Благодаря переводу этого произведения на русский язык в сферу научного исследования истории таджикской философии была вовлечена ещё одна важная работа Абуали ибн Сино, охватившая его философско-

⁴¹ Там же. С. 104.

логические концепции. Перевод А.М. Богоутдинова получил высокую оценку со стороны учёных Советского Союза, этот перевод и поныне не утратил свою научную ценность.

Научное исследование таджикского мыслителя, естествоиспытателя и исцелителя-врача Абуали ибн Сино является ключом к пониманию всего философского наследия таджикского народа. В период средневековья он обобщил те научные достижения, которыми владела наука до него, и заложил фундаментальные основы для дальнейших научных поисков своим преемникам.

По этому поводу Г. Касьяненко подчеркивает: «Творчество Абуали ибн Сино явилось тем факелом, который освещал путь науке на протяжении веков, поэтому понимание отправных моментов его научного мировоззрения, обстановки, сформировавшей его, является неотъемлемым условием объективного анализа трудов всех предшественников Абуали ибн Сино и всех его последователей».⁴²

В предисловии к своей работе, посвященной Абуали ибн Сино, А.М. Богоутдинов отмечает: «Абу Али Сина принадлежит к числу великих мыслителей феодальной общественно-экономической формации, оказавших огромное влияние на развитие науки последующего периода».⁴³ Прежде чем писать о творчестве Абуали ибн Сино, Богоутдинов подробно изучил его эпоху. По его мнению, научные взгляды мыслителя формировались непосредственно под влиянием исторической среды, в которой он жил и творил – с одной стороны, а с другой стороны, благодаря изучению и освоению научного наследия прошлого.

Также, по утверждению А.М. Богоутдинова, научные взгляды Абуали ибн Сино являются закономерным продуктом ситуации, которая в это время сложилась в городе Бухаре – столице государства Саманидов, в период

⁴²Алаутдин Махмудович Богоутдинов. Вступительная статья А.Г. Касьяненко//Материалы к библиографии ученых Таджикистана. Вып.1. Душанбе, 1961. С. 11.

⁴³А.М. Богоутдинов. Избранные произведения. С. 235.

начавшегося заката арабского халифата. Бухара к этому времени была одним из наиболее крупных городов, где было развито ремесленное производство, торговое дело и административно-политическая жизнь Мавераннахра и Хорасана. Бухара славилась как культурный центр мусульманского Востока.

В период правления Саманидов, пишет А.М. Богоутдинов, таджикский народ жил относительно спокойной жизнью. В продолжение почти целого столетия страна не подвергалась внешним вторжениям. Эта политическая обстановка, в значительной степени, способствовала социально-экономическому росту Мавераннахра и дала ему возможность ликвидировать последствия разрушения. Экономический рост обусловил развитие экономических связей и торговли с соседними странами такими, как Китай, Иран, Ирак, Сирия и Малая Азия. Бухара как культурный центр стал местом собрания выдающихся людей того времени, и этот город славился своими крупными книгохранилищами. Именно в этих условиях, недалеко от города Бухары, родился и вырос Абуали ибн Сино.

А.М. Богоутдинов обращает внимание на отдельные эпизоды жизни Абуали ибн Сино, которые впоследствии сформировали его личность как ученого и мыслителя. Отдельно описывает способности и таланты молодого Абуали ибн Сино, его целеустремленность, настойчивость в достижении поставленной жизненной цели. Он подробно излагает историю с изучением «Метафизики», произведения древнегреческого философа Аристотеля.

Абуали ибн Синотруды по медицине не считал своим главным занятием. Он говорил, что в центре его интересов всегда находилась философия. В длинном списке сочинений Абуали ибн Сино значительная часть приходится на долю трактатов философского содержания. Крупнейшими его научными произведениями являются философские трактаты: «Книга исцеления» (Китаб аш-Шифа), «Книга спасения» (Китаб ан-Наджат) «Книга указаний и наставлений» (Китаб ал-Ишират ва-т-Танбихат), «Книга знания» (Даниш-намэ) и др. Философия в

представлении мыслителя, как и у древних греков, является совокупностью наук, то есть наукой обо всем существующем.

В философских учениях Абуали ибн Сино А.М. Богоутдинов много внимания уделяет натурфилософии. Рассматривая содержание таких трудов Сино как «Толкование снов» и «Наджат» А.М. Богоутдинов отмечает объективное описание им духовного состояния человека, то есть его души, так и непоследовательность Абуали ибн Сино в характеристике свойств организма человека. В этом отношении заслуживает внимания приведенная цитата А.М. Богоутдинова из произведения Абуали ибн Сино «Толкование снов»: «Человек состоит из двух субстанций: души и тела. Тело со всеми своими органами по отношению к душе является как бы инструментом, которым душа пользуется для различного рода своей деятельности».⁴⁴

А.М. Богоутдинов пишет о дуалистическом характере философии Абуали ибн Сино, где мыслитель началом бытия считает не одну, а две различные субстанции: материальную и идеальную. По мнению Абуали ибн Сино, существует вечная материя как субъект возможностей всего действительного, над которой возвышается вечно действующая причина – Бог. Мир образуется из Божественной сущности в результате определенного процесса и получает настоящие виды проходя ряд ступеней в своем развитии. Возникая путем эманации из Божества, мир по своей сущности материален, но не менее вечен, чем сам Бог. Мир возник не по воле Бога, а в силу непреложной необходимости, следовательно, мир также вечен, как и абсолютное начало – Божество. Действие и причина существуют всегда одновременно. Если Бог как причина мира вечен, то и мир как результат его действия также вечен.

При этом, стремясь доказать отдельное существование «необходимого сущего», то есть Бога, от мира, Абуали ибн Сино исключил из него все

⁴⁴Там же, С.97.

положительные атрибуты, чтобы оставить ему только одно существование не похожее ни на какое другое существование. А.М. Богоутдинов говорит о принадлежности мировоззрения энциклопедиста к деизму, поскольку мыслитель признавал существование Бога только в качестве безличной первопричины мира, а все, что происходит в мире, считал закономерным результатом действия законов природы. А.М. Богоутдинов сожалеет о том, что философский труд Абуали ибн Сино под названием «Философия Востока» или «Восточная философия», где согласно утверждениям современников и последователей великого исцелителя, он ясно излагает свое учение – безвозвратно утерян. В то же время и сохранившиеся идеи Абуали ибн Сино, носящие пантеистический характер свидетельствуют, что в условиях господства феодально-религиозного мировоззрения его взгляды, несомненно, имели прогрессивное значение.

А.М. Богоутдинов исследует взгляды Абуали ибн Сино относительно времени и движения. По его мнению, Абуали ибн Сино материалистически истолковывает взаимосвязь этих двух категорий. По этому поводу он приводит высказывание мыслителя из его трактата «Уйун ал-хикмат» (Источник мудрости): «...время представляется только с движением. Где нет движений, там нет и времени... У времени нет ничего общего с покоем. Как вещи измеряются посредством дерева в локоть, так же и время может быть мерой различных движений».⁴⁵

В отличие от Аристотеля, Абуали ибн Сино, выдвигая гипотезу о наличии в природе внутреннего движения, о том, что движение может находиться в потенциальном состоянии, не сводит вопрос об источнике движения только к внешнему столкновению тел, или воздействию одного предмета на другой, как это утверждали метафизики. Движение Абуали ибн Сино считал неотъемлемым свойством материи, «в своем трактате «Наджат» (Спасение) он пишет: «то, что принимается под состоянием тела, когда оно видоизменяется, начиная со склонности, прибывающей в нем; это переход от

⁴⁵ Там же. С.259.

потенции к действию, которое совершается непрерывно, не одним только толчком».⁴⁶

Немаловажное место А.М. Богоутдинов в философских воззрениях Абуали ибн Сино уделяет его учению о категории бытия, где система категорий о Абуали ибн Сино такая же, как и у Аристотеля. В то же время Сино на первое место ставит субстанцию, как реальную основу всех остальных категорий, затем идет по степени значимости, количество, качество, отношение, место и т.д. На этом основании, мыслитель доказывает, что возможность существования есть общая основа, она есть понятие о субстрате и нечто, приводящее к субстрату, которое можно назвать способностью существования. Носитель способности существования, в котором находится способность существования вещи, называется субстратом, субстанцией, материей, и всему возникающему во времени предшествует материя, так же, как ему предшествует время. Совершенно очевидно, заключает А.М. Богоутдинов, с точки зрения Абуали ибн Сино материя предшествует всему, что возникает во времени, субстанция в субординационной лестнице категорий бытия занимает первое место, она предшествует как основа, всем вещам.⁴⁷

Думается, что при научной разработке философии Абуали ибн Сино, не менее убедительными выглядят рассуждения Богоутдинова об Авиценновской трактовке причины и ее видах. Абуали ибн Сино, как и Аристотель, заключает ученый, различает четыре вида причин: материальную, коренящуюся в материи, субстрате, из которого образуются все тела; формальную, в которой форма активно проявляет себя; действующую и целевую или конечную как цель движения. В этом плане совершенно обоснован вывод А.М. Богоутдинова, что «систематическое рассмотрение

⁴⁶Там же.

⁴⁷Там же. С. 261.

вопроса о причинности, классификация причин и выделения причин материальных и движущих составляет заслугу Абуали ибн Сино».⁴⁸

Характеризуя в целом философское учение Абуали ибн Сино положительно, тем не менее, А.М. Богоутдинов подчеркивает, что великий мыслитель, строго говоря, не был рационалистом в том смысле, в котором этот термин обычно применяется философией. Он не считал разум единственным источником истинного знания и не отрицал значения чувственного опыта, и теория познания в доктрине Абуали ибн Сино, довольно таки, своеобразна.

Сопоставляя, например, учение Абуали ибн Сино с воззрениями других мыслителей того исторического периода, А.М. Богоутдинов констатирует: «Если его предшественник Фараби защищал мысль о космическом «деятельном» или «активном разуме», то Абуали ибн Сина в своих философских трудах специально разработал учение о душе... Доктрину Абуали ибн Сина о душе в целом можно представить себе так: все природные тела состоят из материи и формы».⁴⁹

Не менее значимым положением в разработках А.М. Богоутдинова о философском наследии Абуали ибн Сино является трактовка мыслителя феномена разума, который, согласно его учению, делится на серию ступенеобразно расположенных сил, каждая из которой сначала находится в состоянии абсолютной потенции. Такова, например, первоначальная возможность ребенка научиться писать. Эту силу Абуали ибн Сино называет «естественной» или «материальной», далее, эта «сила» созревает к действию, но действие еще не реализуется из-за отсутствия некоего орудия или некоего знания. Эту вторую «силу» Абуали ибн Сино называет «возможной» силой. Наконец, третьим стоянием силы, по мнению Абуали ибн Сино, является такое состояние, при котором для действия не хватает только воли.

⁴⁸Там же. С. 263.

⁴⁹Там же. С. 264.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что академик А.М. Богоутдинов, исследуя жизнь и творчество Абуали ибн Сино, внес неоценимый вклад в развитие историко-философской науки Таджикистана советского периода. В этой связи, совершенно обоснованно утверждение современного таджикского исследователя С. Сулаймонова о том, что перевод этой книги Абуали ибн Сино на русский язык и её издание, осуществленное профессором А.М. Богоутдиновым, является бесценным вкладом в науку. «Мы знаем, как трудно и сложно было переводить философское произведение с древнего языка форси-дари на современный русский язык, как трудно было осмыслить и передать сложную и во многих отношениях противоречивую систему взглядов Абуали ибн Сино, сочетанием в ней перипатетизма с неоплатонизмом, материализма с идеализмом, научных знаний с религией ислама. Несмотря на все эти трудности, профессор А.М. Богоутдинов успешно справился со своей благородной задачей».⁵⁰

Дальнейшее развитие идей и исследований А.М. Богоутдинова о перипатетизме особенно об Ибн Сине получили в трудах таджикских ученых М. Диноршоева, У. Султонова, Ф. Сироджева, М. Болтаева, М. Рахимова и других. В работе М. Болтаева «Вопросы гносеологии в произведениях Ибн Сины и его школы» был дан обстоятельный анализ логического и гносеологического учения философа. Он в своем исследовании подтвердил верность научных выводов А. Богоутдинова о развитии в философских произведениях Ибн Сины учения Аристотеля, Фараби и других великих философов.

Значительным вкладом в исследование философского творчества Ибн Сины является монография М. Диноршоева «Натурфилософия Ибн Сины». Автор в этой работе значительно дополнил существующую информацию, в том числе и сообщение А. Богоутдинова, о жизни и

⁵⁰Сулаймонов С. А.М. Баховадинов - аввалин мутарчим ва мухаккики «Донишнома»-и Ибни Сино». - С. 74.

наследии Ибн Сины. Так, М. Диноршоев подробно останавливается на вопросе о национальной принадлежности Ибн Сины, о количестве и основном содержании его трудов.

В «Очерках по истории таджикской философии» А. Богоутдинова относительно работы Ибн Сины «Хикмат-ул-машрикийин» (в переводе А. Богоутдинова на русский язык «Философия Востока») говорится, что «нами не изучен в виду его отсутствия в наших библиотеках». Автор при этом отмечает, что рукопись этой книги находится в библиотеке «Нури Осмония» в Стамбуле. Однако, спустя несколько лет, накануне 1000-летия Ибн Сины, благодаря усилиям М.С. Асимова, были получены два списка этого произведения Ибн Сины из Стамбульской библиотеки. На основе изучения «Хикмат-ул-машрикийин» («Философия восточников»), М. Диноршоев, характеризуя содержание книги «Философию восточников» пишет: «Предварительное ознакомление с ними (т.е. со списками этой книги – Д. М.) показало, что автор неоднократно ссылается на свою «Аш-Шифа» и различные его разделы. Отсюда можно заключить, что эта работа действительно принадлежит Ибн Сине и, наверняка, есть часть его «Философии восточников». Однако существует точка зрения, согласно которой «Философия восточников» – книга, которую Ибн Сина не писал и не думал писать. В списке трудов мыслителя, приведённом в его «Жизнеописании (редакция Ибн Аби Усайбии), это сочинение не упоминается. Там фигурирует работа под названием «Некоторые положения философии восточников». Быть может, это и есть то сочинение, которое впоследствии стало известно под сокращённым названием «Философия восточников», а, быть может, это разные работы».¹

Проводя сравнительный анализ «Хикмат-ул-машрикийин» с книгой «Аш-Шифа», М. Диноршоев делает следующие заключение: «В сохранившейся части «Хикмат-ул-машрикийин», соответствующей по содержанию разделу физики «Аш-Шифа», все натурфилософские вопросы – учение о субстанциальности тел, о причинности, о движении,

пространстве, времени, материи и форме, вечности мира, о душе и теле, об устойчивости и изменчивости и т. д. – излагается не только по духу, но и букве «Аш-Шифа». И в «Аш-Шифа» и в «Хикмат-ул-машрикийин» мы находим одну и ту же гносеологическую концепцию. Как и в «Аш-Шифа», в «Хикмат-ул-машрикийин» говорится о знании, как отражении, как абстрагировании. Одинаково трактуются особенности, виды и формы чувственного и рационального познания, сущность дискурсивного и интуитивного знания и т. д.».⁵¹

Автор в другой своей книге «Компендиум философии Ибн Сины», изданной в 2010 г. полностью приводит эти свои высказывания.⁵² Как указывали выше, исследуя философию Ибн Сины, А. Богоутдинов определил мировоззренческую направленность философов Ибн Сины как дуалистическую, т.е. он имеет в виду его колебание между материализмом и идеализмом. Он пишет: «Абу Али Сина был дуалистом в понимании основного вопроса философии. Началом бытия он считает не одну, а две различные субстанции: материальную и идеальную».⁵³

М. Диноршоев в раннем своем исследовании об Ибн Сине, писал, что мировоззренческую основу натурфилософии Ибн Сины составляет деистический материализм. Этот деистический материализм состоит в признании бога только лишь перводвигателем (первопричиной?), который действует не по своему свободному выбору и произволению, а в силу непреложной необходимости и не имеет никакой власти над невозможным, т. е. не является всемогущим».⁵⁴

Однако в последней своей работе ученый приходит к другому выводу, признавая направленность мировоззрения Ибн Сины деистической: «Мировоззренческую направленность философии Ибн Сины составляет ни материализм, ни идеализм, ни пантеизм, ни дуализм,

⁵¹ Диноршоев М. Натурфилософия Ибн Сины. Душанбе, 1985. С. 21-22.

⁵² См.: Диноршоев М. Компендиум философии Ибн Сины». Душанбе, 2010. С. 60-62.

⁵³ Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. Душанбе, 2011, С.117.

⁵⁴ Диноршоев М. Натурфилософия Ибн Сины, с. 236.

а деизм».⁵⁵ Тем самым автор отказывается от признания материалистической деистической направленности философии Ибн Сины, и признает только деизм основой философии Ибн Сины.

А.М. Богоутдинов, как известно, в решении основного вопроса философии определял Ибн Сину дуалистом, а не деистом. Он писал: «Было бы большой смелостью утверждать, что Абу Али Сина был деистом и признавал существование бога только в качестве безличной первопричины мира, и все, что происходит в мире, считал происходящим, согласно законом природы».⁵⁶

Другой исследователь философских идей Ибн Сины, покойный Умарбек Султонов, излагая точку зрения Ибн Сины на происхождение мира путем истечения (т.е. эманации) от бога пишет: «Таким образом, в этой классификации (т.е. в иерархии бытия) самое первое место занимает бог, который находясь на вершине мирового здания, является причиной мира, а последний – его следствием. Поэтому данную концепцию Ибн Сины можно назвать религиозной и идеалистической. Однако Ибн Сина в вопросе об эманации мира значительно ограничивает место бога. Согласно ему, мир создан не сразу, а постепенно, по ступеням».⁵⁷

У. Султонов высоко оценивая заслугу А. Богоутдинова, считает своим долгом продолжение его дела. Во введении к своей монографической работе он пишет: «Первым, кто занимался марксистским изучением философского наследия Ибн Сины, был академик, профессор А.М. Богоутдинов. Его первая статья была опубликована под названием «Выдающийся памятник философской мысли таджикского народа (о произведении Ибн Сины «Дониш-нома»)» в 1948 г. Спустя некоторое время, дополнив эту статью, которая содержит основное содержание его кандидатской диссертации, он издает её во введении «Дониш-нома» и в «Очерках по истории таджикской

⁵⁵ См. Диноршоев М. Конпендиум философии Ибн Сины». С. 62.

⁵⁶ Богоутдинов А.М. Указ. работа. с. 119.

⁵⁷ Султонов У. Ақидаҳои фалсафи, иҷтимоӣ ва ахлоқии Абуалии Сино. Душанбе, 1975. С.15.

философии» на русском языке». ⁵⁸

Далее У. Султонов пишет, что ряд статей А. Богоутдинова был напечатан в центральных (имеется ввиду московских – *Д.М.*), местных и зарубежных изданиях. Заслуга устода А.М. Богоутдинова в исследовании наследия Ибн Сины состоит в том, что он впервые дал марксистскую интерпретацию «Дониш-нома», доказал его идейное значение как источника философской мысли, дал обстоятельное сведение о научных взглядах предшественников и современников мыслителя. У. Султонов также отмечает, что А.М. Богоутдинов показывает влияние Ибн Сины на мировую культуру, подробно исследовал политическую, экономическую и культурную жизнь эпохи Ибн Сины. Автор приходит к следующему выводу: «Учитывая всё это, можно считать его основоположником марксистского изучения философского наследия Ибн Сины». ⁵⁹

Следует отметить, что указанная работа У. Султонова была одной из первых монографических исследований философского творчества Ибн Сины на таджикском языке. Он обстоятельно рассматривает учение Ибн Сины по вопросам о роли бога в природе, о причинности, души и тела, категорий бытия.

У. Султоновым также уделено внимание гносеологическим проблемам учения Ибн Сины, особенно вопросам классификации наук, чувственного и рационального знания. Подтверждая мысли А.М. Богоутдинова относительно мнения Ибн Сины о движении на основе изучения других произведений Ибн Сины, он приходит к выводу, что философ считает движение изначальным также как пространство. ⁶⁰

У. Султонов развивая исследования А.М. Богоутдинова об Ибн Сине, обстоятельно проанализировал его учение об онтологии, гносеологии и этике. Работы А.М. Богоутдинова послужили отправной

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С.4.

⁶⁰ Там же. С.45.

точкой и методологической основой для более глубокого изучения наследия Ибн Сины и соответствующих его выводов.

А. Богоутдинова написал свои работы об Ибн Сине тогда, когда многие произведения философа не были доступны, не было произведений переведённых на русский язык. Но А. Богоутдинов на основе тех доступных ему произведений, особенно «Дониш-наме», «Ан-Наджат», «Аш-Шифо» и аллегорических трактатов сделал очень важные и верные выводы о философском учении Ибн Сины.

Например, некоторые выводы А.М. Богоутдинова на основе «Книги спасения» Ибн Сины впоследствии нашли свое подтверждение в исследованиях Ф. Сироджева, в его книге «Проблемы философской онтологии в «Книге спасения» Ибн Сино, специально посвященная анализу книги «Ан-Наджат» («Спасение»).

Здесь мы хотим обратить внимание на продолжение непосредственными учениками академика А.М. Богоутдинова исследования философских проблем. Одним из первых учеников А.М. Богоутдинова был профессор Мухаммад Болтаев, который в своих трудах продолжил исследование наследия Ибн Сины и его последователей, в том числе Насридина Туси. Работы М. Болтаева, изданные в Таджикистане и Узбекистане стали важным его вкладом в освещение проблем логики и гносеологии средневековых философов.

Другой ученик А. Богоутдинова Гафор Ашуров – член-корреспондент Академии наук Таджикистана посвятил свой основной труд изучению философского наследия Носири Хусрава. Исследуя философские взгляды Носири Хусрава, он развивает мысль А. Богоутдинова о том, что мыслитель был одним из видных сторонников исмаилизма, идеологом прогрессивной части дехканской интеллигенции, ставшей на защиту интересов трудового народа. Г. Ашуров изучал философские воззрения Носири Хусрава на основе одного из его главных произведений «Зод-ул-мусофирин» («Припасы странствующих»). Если А. Богоутдинов ограничивался лишь краткой, но

существенной характеристикой философии Н. Хусрава, то Г. Ашуров приводя многочисленные примеры из «Зод-ул-мусофирин» доказывает наличие материалистических идей в учении мыслителя, поддерживая указание А. Богоутдинова о том, что в идеалистической философии Носири Хусрава были моменты стихийного материализма. Например, мыслитель говорит, что материя не может существовать вне пространства, так же как нет пространства вне материи.... Время Носири Хусрав определяет как движение материи». ⁶¹

Г. Ашуров вслед за А. Богоутдиновым указывает на наличие элементов диалектики в учении Н. Хусрава, а также на рациональную, а не мистическую направленность его философских взглядов. Кроме того, Г. Ашуров обратил внимание на научную дискуссию Носири Хусрава с Абу Хатамом Рази и Абубакром Рози. Он критикует последнего за материалистические и атеистические идеи. Г. Ашуров в этом споре видит проявление борьбы идеализма с материализмом, и теологии с наукой. А.М. Богоутдинов в своих «Очерках по истории Таджикской философии» одним из первых в Советском Союзе приступил к философскому анализу наследия суфийских мыслителей.

Методологическим руководством для определения сущности суфизма А.М. Богоутдинов, как и в целом в своем подходе ко всей истории философской мысли таджикского народа, является идея классовой борьбы. Основной вывод А.М. Богоутдинова состоит в том, что «Уже в начале XI в. суфизм превратился в сложное и противоречивое учение. В суфизме было много различных течений и оттенков. Суфизм – это преимущественно созерцательное и пессимистическое мировоззрение. Однако, было бы упрощением видеть в суфизме только реакционное учение». ⁶²

В дальнейшем исследовании суфизма этой установкой руководствовались выдающиеся ученики и последователи

⁶¹ Ашуров Г. Философские взгляды Носира Хусрава. Душанбе. 1965. С. 35.

⁶² Богоутдинов А.М. Указ. работа. С. 177.

А.М. Богоутдинова К. Олимов, А. Мухаммедходжаев, М. Султонов, Х. Зиёев, И. Умаров, У. Камолов, М. Хазраткулов, А. Шамолов и др.

2.2 Исследование средневековых религиозно-философских школ

А.М. Богоутдинов считается выдающимся учёным таджикского народа, который посвятил свою жизнь изучению средневековых философских и религиозных школ и течений, социально-политических воззрений таджикских мыслителей. Сфера творческой деятельности ученого, имевшего свой взгляд на исследование социально-политических и философских проблем – очень разнообразная. Велика его заслуга в определении и классификации рефлексивных методов персо-таджикских мыслителей. Диапазон его исследований, в которых можно обнаружить необходимые научные сведения о философско-религиозных, политико-социальных течениях зороастризма, зурвония, манихейства, маздакизма, дахрия, перипатетизма, калама (теологии), исмаилизма, суфизма, просветительства и их представителей, безусловно, широкий.

Ученый наравне с исследованием историко-философских проблем занимался и изучением проблем диалектического и исторического материализма, педагогики, психологии и обществоведения. Исследователи разделяют научную деятельность ученого на два периода.⁶³ Первый период охватывает первые годы его научной деятельности до первой половины XX века, когда он занимался педагогической и научной деятельностью в областях педагогики и психологии. Во втором периоде, со второй половины XX века до конца 60-х годов, он посвятил себя изучению истории философии социально-политических проблем.

Результаты многолетних исследований А.М. Богоутдинова по истории таджикской философии отражены в его фундаментальной книге «Очерки по истории таджикской философии». Важнейшей чертой этого произведения

⁶³ Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 20.

является то, что в нём показан процесс развития философской мысли, дан исторический и объективный анализ философских концепций различных философских школ и течений, и взгляды их знаменитых представителей. Также подвергнуты изучению и анализу содержание доктрин зароастризма, зурвония, манихейства, маздакизма, исмаилизма, воззрения таких перипатетиков, как Фараби, Сино, Омар Хайям и философское учение Н. Хусрава, особенности суфизма, калама (теологии) и взгляды их представителей – Газзали, Санои, Руми и другие связанные с историей таджикской философии проблемы.

Один из исследователей истории таджикской философии Р. Комилов пишет следующее об этой книге: «Результаты многолетних научных исследований А.М. Богоутдинова отражены в его известной фундаментальной книге «Очерки по истории таджикской философии». В ней автор, излагая сведения об истории богатой древней культуры таджиков, с опорой на древнейшие, уникальнейшие историко-литературные источники и существующие научные исследования, определяет историко-географическую среду таджиков с этапа их возникновения до начала XX веков.

Характерно, что А.М. Богоутдинов в этой работе четко выявляет важнейшие особенности течений доисламской таджикской мысли – зароастризма, манихейства, маздакизма и различные воззрения средневековых философских школ и течений. Не утратив по настоящее время свою ценность, эта книга является основным источником, широко используемым отечественными и зарубежными исследователями. «Очерки по истории таджикской философии» А.М. Богоутдинова поистине является крупнейшим научно-философским произведением в истории современной таджикской философии, в котором рассмотрены вопросы генезиса и формирования идеологических противостояний школ и течений, подвергнута интерпретации сущность доктрин представителей различных философских школ. А.М. Богоутдинов внес огромную лепту в дело систематизирования

истории политико-социальной и философской мысли таджикского народа и воззрений отдельных его представителей».⁶⁴

Ученый в своём труде уделял особое внимание изучению научно-естественных, диалектических учений Ибн Рованди, Абубакра Рози и других представителей этого периода. В научных работах мыслителя изложены также этико-моральные вопросы учения представителей суфизма в XVI-XVIII веках.

А.М. Богоутдинов также сумел проанализировать в своих исследованиях основные проблемы развития политико-общественной и философской мысли таджикского народа на протяжении IX-XI веков и показать суть философских школ и течений в научных кругах этого периода. Он в ходе изучения философской доктрины таджикских средневековых мыслителей рассматривает ряд методологических вопросов историко-философских наук.

Он анализирует проблему соотношения национальности и интернационализма в истории различных философских течений. Сам ученый об этом пишет следующее: «Раскрывая национально-исторические особенности философской мысли различных народов, мы не должны забывать, что философские учения этих народов оказывали взаимное влияние друг на друга, особенно сильным такое взаимодействие было в странах, находившихся в одинаковых или же сходных исторических условиях».⁶⁵ По мнению ученого, история общественно-политической и философской мысли таджикского народа должна рассматриваться в тесной связи с историей философии других народов Средней Азии, Ирана, Афганистана, арабских стран и в последующем с историей России.

Другим вопросом, которому А.М. Богоутдинов уделил внимание, является арабская философия. В то время стало традицией, что некоторые

⁶⁴Комилов Р. Таджикская философия с древнейших времен до настоящего времени. Душанбе, 2013. С. 222-223.

⁶⁵ Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 258-259.

исследователи, особенно, зарубежные (западные), рассматривали средневековые философские учения всего мусульманского народа в рамках «арабской философии». Выступая против этого, ученый неоспоримыми аргументами подвергает такой подход критике. Согласно его мнению, в философском учении мусульманских народов наблюдается некая общность, однако эти учения имеют и свои особенности.

А.М. Богоутдиновым предпринята попытка классифицировать в своих работах научно-философских идей средневековых школ и течений таджикского народа в зависимости от времени и пространства, экономическо-социальной обстановки того периода. Уделив значение в своих историко-философских исследованиях диалектическим идеям и предвидениям мыслителей и философов, он рассматривает их как предпосылку формирования научных теорий последующих веков. Он отмечает: «Неотделимой частью философских воззрений передовых таджикских мыслителей X века является стихийная диалектика. Для их диалектического подхода к миру характерно, прежде всего, учение о вечном движении, изменении, как об одном из основных законов природы. Не менее важны диалектические догадки о взаимосвязи количественных и качественных изменений, а также представление о наличии и взаимосвязи противоречий во всех явлениях природы. Вечная борьба противоречий, по их учению, в конечном итоге служит движению от худшего к лучшему, от низшего к высшему».⁶⁶

При рассмотрении философских концепций Носири Хисрава, Омара Хайяма, Джалолиддина Руми, Бедиля, Ахмада Дониша и других великих таджикских мыслителей А.М. Богоутдинов уделяет больше внимания их диалектическим идеям и взглядам. В изданных произведениях и докторской диссертации ученого исследуется проблема преемственности истории общественно-политических и философско-религиозных воззрений персотаджикских мыслителей и учений таких просветителей Средней Азии, как

⁶⁶Там же. С. 188-189.

Ахмад Дониш, Шохин, Асири, Соми, Сиддики, Айни, их современников и последователей.

А.М. Богоутдинов наряду с изучением философской мысли таджикского народа провёл исследовательские работы по философским и социологическим учениям таких арабских мыслителей, как Ибн Рушд (Аверроэс), Ибн Баджа и Ибн Халдун. Ценная сторона научных работ учёного проявляется в том, что изучение истории средневековой философской мысли рассматривается им в тесной связи с важными проблемами современной жизни и тенденциями развития современной философии и культуры.

При изучении философских школ и течений средних веков большое внимание он уделяет философии перипатетизма и его знаменитых представителей – Фараби, Абуали ибн Сино. Арабский термин «машшоъ» происходит от греческого слова «перипатетик», которое означает «прогуливающийся». В Древней Греции Аристотель со своими учениками и последователями решали сложные философские проблемы, дискутируя, во время прогулок, отсюда такое название Аристотелевской философии – перипатетизм. Восточных мыслителей – последователей Аристотеля называли «машшоиён» (т. е. перипатетиками). В исламском Востоке основателем этой школы признан арабский философ Абу Юсуф Якуб бин Исхак аль-Кинди (IX век). Однако развитие философии таджикско-персидского и арабского перипатетизма приходится на IX–XV века и связано с деятельностью великих философов Кинди, Фараби, Абуали ибн Сино, Ибн Мискавейха, Омара Хайям и др. Несмотря на то, что эти мудрецы были представителями одной школы, наследие каждого из них имеет и свои особые черты. Например, Фараби проявлял больше склонность к исследованию проблем социальной философии, а Ибн Сино, выступая сторонником аристотелевской теории вечности мира, пытался исследовать проблемы логики, естествознания и теоретической философии.

Как известно, Абу Наср аль-Фараби (873-950) является одним из величайших представителей философии восточного перипатетизма и А.М. Богоутдинов был первым исследователем его философского наследия. После изучения его произведений ученым написаны несколько научных статей. Более того, в «Избранных произведениях» А.М. Богоутдинова выделена специальная часть, посвящённая изучению философских трактатов Фараби, его взглядов и мировоззрения, где он пишет: «Наследие Фараби необычайно велико и разнообразно... Он прославился, прежде всего, как философ, за что и получил почетное прозвище “ал-муаллим-ал-сани” (Второй учитель). Первым учителем во времена Фараби в Средней Азии, Иране, Аравии и Сирии считали Аристотеля. Фараби является одним из первых комментаторов трудов Аристотеля в X веке».⁶⁷

А.М. Богоутдинов подчеркивает, что Фараби, осуществив перевод и интерпретировав произведения Аристотеля, тем самым создал почву для их правильного осмысления. Он утверждает, что Фараби не только занимался толкованием философских доктрин мыслителей Древней Греции, но и написал много трактатов, в которых можно обнаружить и философские взгляды других мыслителей. Перу Фараби принадлежат много произведений, таких как «Эхсон-ул-улум» (Классификация наук), «Макола-фи-маъони ул акл» (О значениях термина «разум»), «Китоб-ул джам байни ал хакиматайн-Афлотун-ул-илохи и Аристотилис» (Книга об общности взглядов Божественного Платона и Аристотеля, «Китобу орои ахли-л-мадинат-ил-фозила» (Книга взглядах жителей добродетельного города), «Китоб-уттанбеҳ алосабил-с-саодат» (Книга о пути достижения счастья), «Китоб-ул-сиёсати-л-мадания» (Книга об управлении городом), «Китобу фусул-ул-мадани» (Разделы книги о гражданской политике), большинство из которых в последующем переведены на латинский язык.

А.М. Богоутдинов также уделяет внимание вопросу происхождения и классификации наук, данное Фараби, где разделяет науки на 5 частей

⁶⁷Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 221-235.

(языковедение, логика, математика, естествознание, политика) и разъясняет причину их происхождения. А.М. Богоутдинов пишет: «В трактате «О происхождении наук» Фараби излагает причины возникновения философии и указывает порядок изучения наук. В этом трактате он пытается доказать, каким образом из субстанции и акциденции возникли все науки и начали существовать сами по себе, то есть, как формировались отдельные области знания».⁶⁸

По мнению А.М. Богоутдинова, Фараби в своей философской доктрине акцентирует внимание больше на вопросе субстанции и акциденции. Он считает материальный мир состоящим из субстанции и акциденции, и кроме них, говорит, не существует ничего. Фараби под понятием «субстанция» понимает материю, а под «акциденцией»—форму, фигуру и считает Бога их творцом. Для подтверждения своей мысли А.М. Богоутдинов цитирует самого Фараби: «Под высшей субстанцией я понимаю не что иное, как вращающуюся и движущуюся природным (естественным) движением сферу, которая помогает устройству этого мира».⁶⁹ А.М. Богоутдинов считает теорию сущего или первопричину сутью философии Фараби. Первосущий или Богизвечен, нематериален, духовен, един, абсолютен и не имеет ни формы, ни массы. Этот вечно духовный и разумный сущий и есть первопричина бытия всех духовных и материальных существ.

При этом ученый приводит цитату из работы Фараби: «Остается доказать, что Творец вещей находится вне них, что Даритель бытия есть нечто иное, отличное от них; что это есть Бог, Творец субстанции и акциденции, кроме которого нет Бога ...то, что существует вне всего этого, не имеет ни массы, ни материи, ни акциденции, но /существует/ отдельно от субстанций и акциденций; это один только Бог, который благословен и выше всех богов».⁷⁰

⁶⁸ Там же. С. 222; См. также: Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 111-112.

⁶⁹ Богоутдинов А.М. Указ. работа. С. 224.

⁷⁰ Там же. С. 224.

А.М. Богоутдинов в философской доктрине Фараби рассматривает учение о соотношении материи и формы. Мыслитель, признавая взаимосвязь материи и формы, придерживается мнения, что материя также существует ради формы, она не может существовать самостоятельно, без формы, изменение формы не влечёт за собой изменение сути материи, материя устойчива относительно формы. Гибель одного тела и появление на его месте другого тела не означает гибель материи, а является изменением материи из одной в другую форму. Здесь А.М. Богоутдинов цитирует Фараби: «... имеется пять видов материи, а именно – земля, воздух, огонь, вода и небо. Небо же, как оно движется по своей природе, движет и остальные четыре материи, смешивает и соединяет их ... субстанция, которая находится в подлунном мире, благодаря движению и смешению этих материй, получает разнообразные фигуры; акциденция сменяется акциденцией, форма формой, фигура фигурой, так что треугольник сменяется четырехугольником, земля переходит в воду, белое переходит в черное и т.п., сама же субстанция не меняется; смена акциденций в субстанции не губит её сущности; смена акциденций не разрушает самой субстанции, разрушаются лишь её акциденции».⁷¹

При исследовании трудов Фараби А.М. Богоутдинов рассматривает основные принципы философии перипатетизма и вообще средневековую философию об извечности мира, проблему материи и формы, соотношения души и тела, теорию познания и вопросы социальной философии. Ученый считает, что в учении мыслителя проблема извечности мира рассмотрена в зависимости от качеств первосущего. Поскольку Бог является извечным, следовательно, все от него исходящие существа должны быть древними, извечными.

А.М. Богоутдинов, как и другие исследователи средневековой философской мысли, уделял особое внимание и политическим, и

⁷¹Там же.

общественным воззрениям Фараби. Для определения подхода Фараби к вопросам возникновения государства, причин социальной несправедливости, качествах главы государств он обращается к его трактату «О взглядах жителей добродетельного города». Ученый подчеркивает суть социальной философии мыслителя о том, что причиной возникновения государства является консолидация людей и потребность их во взаимной помощи. Подобная консолидация происходит в результате борьбы за выживание. Для сохранения своего существования и для достижения совершенства человек чувствует нужду во многом, однако всего этого он не в силах достичь в одиночестве. Для удовлетворения своих потребностей он нуждается в объединении многих людей, каждый из которых изготавливает для другого некоторые необходимые вещи. По этой причине, люди, породив потомство, располагались на цветущих, благоустроенных участках земного шара и в результате возникли человеческие общества. «Государство, – отмечает Богоутдинов, возникло, согласно Фараби, в результате объединения людей в ходе борьбы за существование. Возникнув, таким образом, государство становится средством, обеспечивающим существование человека и достижение людьми совершенства».⁷²

По мнению А.М. Богоутдинова, общество в учении Фараби разделяется на: совершенное (полное) и несовершенное (неполное). Совершенное общество в свою очередь имеет три типа: большое общество – объединение всех людей на земном шаре; среднее общество – объединение народа на одной части земного шара; маленькое общество – объединение населения этого или того города как часть этого и того народа.⁷³ Неполные общества состоят из объединения населения города, района, улицы и семьи. Указывая здесь на сходство мнений Фараби и Аристотеля, А.М. Богоутдинов подчеркивает заслугу первого, который сумел в средние века показать положение человека как достойного благополучной жизни социального

⁷²Там же. С. 226.

⁷³Там же. С. 227.

существа. По мнению Фараби, каждое общество должно помочь человеку стать счастливым и обрести совершенство.

А.М. Богоутдинов считает Фараби величайшим гуманистом своего времени, излагавшим свои воззрения в известной теории «идеального общества». При исследовании социальной философии Фараби ученый уделяет внимание его учению о добродетельном городе. И цитирует слова самого философа: «Город, в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, люди, которого помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество. Народ, все города которого помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельный народ. Таким же образом вся земля станет добродетельной, если народы будут помогать друг другу для достижения счастья»⁷⁴. Согласно Фараби, для достижения «идеального общества» надо иметь умного, мудрого, сильного руководителя, который мог бы повести народ за собой.

Первым вопросом, исследуемым Фараби при рассмотрении сущности идеального города, является его структура. Фараби уподобляет структуру этого города структуре человеческого организма, где каждый орган служит ради его целостности, защищая его жизнеспособность. Подобно тому, как организм, тело имеет одно сердце, и другие органы служат ему, и эти органы по природе и способности преобладают друг над другом, точно также в обществе руководителем является одна личность, все другие члены города действуют согласно его приказаниям и в нём каждый отличается от других своим социальным положением. В этой социальной доктрине можно увидеть структуру стратификации «идеального города». Фараби выводит главу города и его приближенных на первую ступень общества, а трудящийся народ относит к самому низшему слою общества.

Согласно мнению А.М. Богоутдинова, в добродетельном городе Фараби важной задачей является выбор его руководителя, поскольку во главе

⁷⁴Там же. С. 228.

этого города нельзя ставить случайного человека. Управление городом зависит от подготовленности личности к управлению и её управленческих способностей. Для управления добродетельным городом следует поискать достойную личность и «подобным человеком может стать только тот, кто соединит в себе 12 врожденных природных качеств».⁷⁵

Такая личность должна быть здоровой; мудрой; всегда заниматься познанием, быть учёным; запомнить установленные прежними правителями этому городу законы, обычаи, и действовать, согласно им; в случаях, когда прошлые правители не установили какой-нибудь закон, установить этот закон; быть эрудированным, чтобы понимать реальное положение вещей и предугадать будущие явления; питать ненависть ко лжи; любить справедливость; быть отважным, ответственным и честным; обладать физической силой, необходимой для выполнения боевых задач; знать хорошо военное искусство и т.д. Если не найдется человека, обладающего перечисленными качествами, тогда следует выбрать мудреца и другую достойную личность – в таком случае оба будут считаться главой города. И если случится так, что в деятельности администрации города игнорируются нормы мудрости, тогда этот «добродетельный город» останется без правителя, хотя в нём могут иметься все другие условия.

Наряду с признаками «добродетельного города» А.М. Богоутдинов перечисляет и признаки, которые по мнению Фараби, характеризуют «недобродетельный город»: люди этого города никогда не знали подлинного счастья, никогда не пытались обрести его и, по сути, не верили в возможность счастья; они только стремились обеспечить себе жизненные удовольствия (питание, одежду, жильё, общение с женщинами) целью народа этого города является накопление богатства и имущества, и богатство используется ими для удовлетворения телесных потребностей. А.М. Богоутдинов в своём исследовании перечисляет такие социальные группы, о которых говорил Фараби: труженики; торговцы; аристократы;

⁷⁵Там же.С. 229.

военные; духовенство. Считая воззрения Фараби иллюзиями, неосуществимыми для тогдашнего времени, А.М. Богоутдинов отмечает, что даже сам Фараби сомневался в возможность создания подобного города. В этом вопросе он называет Фараби последователем Платона, однако уточняет, что Фараби вопреки Платону не считает моральные факторы предпосылкой государства и человеческого общества.

Как нами было отмечено в предыдущем разделе работы, А.М. Богоутдинов является одним из тех исследователей, которые подвергли анализу и изучению научно-философские воззрения великого восточного мыслителя Абуалиибн Сино. Он наряду с исследованием философской мысли других средневековых таджикских мыслителей, акцентирует свое внимание и на изучение философии перипатетизма, представителем которого являлся Абуали ибн Сино. В бывшем Советском Союзе учеными были написаны немалоработ о различных сторонах жизни и научной деятельности Абуали ибн Сино. Однако заслуга А.М. Богоутдинова в анализе философских взглядов этого мыслителя и деятеля науки особенно велика. Написанные им произведения об Абуали ибн Синопризнаны научными кругами Таджикистана. Определяя в своих творениях историческую роль мыслителя в развитии таджикской культуры и мировой цивилизации, он подверг анализу важнейшие проблемы его философской доктрины.

Обосновывая заслуги Ибн Сино, А.М. Богоутдинов отмечает, что он, как один из величайших представителей восточного перипатетизма, написал много философских произведений, главными из которых являются «Книга исцеления», «Книга спасения», «Указания и наставления» и «Даниш-намэ». «Даниш-намэ» – это единственное произведение, написанное им на таджикском языке, другие книги написаны им на арабском. Содержание наследия Абуали ибн Сино составляют такие философские проблемы, как соотношение Бога и природы, формы бытия, материя и форма, душа и тело, детерминизм, познание материального мира и различные вопросы логики.

Исследования А.М. Богоутдинова о философском учении Абуали ибн Сино носят исторический и объективный характер. Ученый детально проанализировал учение мыслителя о причинности (детерминизме), объективности материального мира, атрибутах материального бытия (движения, времени и пространстве), о соотношении души и тела, чувства и представления, логическом восприятии, философских понятий и категорий. В научных работах ученого отражены научные представления Абуали ибн Сино о медицине, природном и физиологическом состоянии человека, критике астрологии, генезисе природы и т.д.

Детально характеризуя философское учение Абуали ибн Сино, Богоутдинов отмечает, что: «Абу Али Сина нельзя считать мистиком. И даже в тех работах, где Абу Али Сина, как будто, близко подходит к мистицизму, мы все же видим у него не изложение мистики, не воспевание мистицизма, экстаза дервишей, а попытку научного анализа психических состояний, причины которых он считает возможным установить».⁷⁶

Указывая на историческую роль философии и естествознания Абуали ибн Сино в развитии мировой цивилизации, он отмечает, что произведения всемирно известного ученого послужили предпосылкой развития духовной мысли Востока и Запада. Европейцы вначале ознакомились с философией Древней Греции и философскими учениями её представителей путем изучения произведений Абуали ибн Сино и Ибн Рушда.

Благодаря переводу А.М. Богоутдиновым книги Абуали ибн Сино «Даниш-намэ», широким кругам исследователей удалось глубже изучить философское учение мыслителя и ближе ознакомиться с его содержанием. После этого перевода, на основе разработанной А.М. Богоутдиновым научной терминологии, учёные Таджикистана стали переводить и другие произведения Сино. Перевод «Даниш-намэ» на русский

⁷⁶ Там же. С. 258-259.

язык в мировом авиценноведении способствовал появлению новых научно-исследовательских направлений.

Согласно его мнению, Абуали ибн Синовыдвигает в своём сочинении «Дониш-намэ» научную классификацию наук. Такие прикладные науки, как наука о градоустройстве, наука о домашнем хозяйстве, давая сведения о поведении людей, читатели познают вопросы управления городом, отношения людей к семье, детям и супруге, к собственности и науке. Такие теоретические науки, как естествознание, математика и теология направлены на развитие самой науки. Науки природоведения составляют один из важнейших элементов философской системы Абуали ибн Сино.

Такая глубокая осведомленность ученого прибавляет ценность не только данной книге, но и всем другим написанным ученым произведениям – комментариям к философским книгам Абуали ибн Сино. Изучая жизнь и творчество Ибн Сино в тесной связи с условиями средневекового периода, Богоутдинов отмечает, что великий энциклопедист, в основном, проявлял склонность к изучению философских вопросов, и философии отдавал предпочтение перед медициной, несмотря на то что в Европе его многие считают одним из величайших медиков. Он пишет, что «Абу Али Сина в тяжёлых условиях средневековья сумел добиться поразительных для своего времени результатов в науках и высказал немало гениальных догадок, опередив на многие сотни лет свое время. Его пытливый ум никогда не успокаивался достигнутыми результатами. Он снова и снова искал истину, хотел раскрыть тайны природы, познать глубже её законы... Абу Али Сина труды по медицине не считал своим главным творением. Он сам говорил, что в центре его интересов всегда находилась философия, а медициной ему приходилось заниматься лишь ради заработка».⁷⁷

Излагая философское учение Абуали ибн Синоо возникновении мироздания, А.М. Богоутдиновконстатирует, что согласно мнению

⁷⁷Там же. С. 251.

мыслителя, мир формировался в результате определенного процесса, проходя разные ступени, приобрел нынешнюю форму. Бог творил мир не по своей воле, а в силу естественной необходимости. Мир, как и первоначало, т.е. Бог извечен. А.М. Богоутдинов считает, что учение Абуали ибн Сино не заканчивается признанием извечности единого Бога и мира, оно обосновывает теорию извечности мира разъяснением таких философских категорий, как «материя», «движение», «пространство». Ученый на основе изучения доступных источников всесторонне исследует такие основные вопросы натурфилософии Абуали ибн Сино, как учение о пространстве, времени, движении, причинности, о бытии, о душе, духе, извечности мира и о формах человеческого познания.

А.М. Богоутдинов при подробном анализе натурфилософии Абуали ибн Сино приходит к заключению, что идейным истоком развития философской мысли мыслителя являлась греческая философия, особенно философия Аристотеля и Платона. Он при анализе многих философских проблем таких, как структура материи и тела, причинность, качество материи, извечности мира, соотношение души и тела, взаимодействие и взаимовлияние предметов опирается на мнение Аристотеля.

Ученый также убежден в том, что Абуали ибн Сино являлся не только интерпретатором философской доктрины Аристотеля, его учение о бытии имеет и свои новые, отличающиеся особенности: «Абу Али Сина, несомненно, был великим последователем Аристотеля. При этом не следует забывать, что он не был беспрекословным поклонником Аристотеля и не раболепствовал перед его авторитетом. Он брал отовсюду то, что соответствовало его убеждениям, его философской системе. Доктрина Аристотеля его, в основном, удовлетворяла. Но он, не боясь, выступал и против неё, во многих вопросах оспаривая положения греческого мыслителя».⁷⁸ Потому что при изложении этих проблем Сино рассматривает

⁷⁸Там же. С. 252.

те вопросы, которые Аристотель подверг лишь поверхностному рассмотрению.

Однако Абуали ибн Сино своими новыми взглядами открывает новый путь в философии перипатетизма. При анализе вопроса движения и субстанции тел он выдвигал теорию взаимосвязи материи и формы, и в отличие от Аристотеля, уделил больше внимания анализу проблемы временного соотношения причины и следствия, форм связи причины и следствия и соотношении души и тела. В этих вопросах их мнения расходятся. По мнению Абуали ибн Сино, душа после гибели тела не исчезнет, а продолжает вне тела свое существование. На этой основе академик Богоутдинов сделал вывод, что Сино был одним из первых мыслителей, который весьма ясно показал материально-духовные предпосылки чувства, представления, фантазии, памяти и мышления. При этом Богоутдинов достоверными фактами всесторонне обосновывает общность и различие философии Платона и Аристотеля и натурфилософии Абуали ибн Сино.

Не без основания А.М. Богоутдинов считает вопрос теории познания и логики одним из центральных вопросов философии Абуали ибн Сино, который в этом направлении развил аристотелевские принципы. Привлекает внимание и исследованная учёным теория познания великого мыслителя и её соотношение с его онтологией. Он находит сходство между теорией восприятия Абуали ибн Сино и теорией отражения. Сино прилагал много усилий и в решение проблемы соотношения чувственного и рационального познания. Он считал, что знание человека это или понятие, или суждение; представление – это первичное знание человека о предметах или же, о самих людях; чувство всегда помогает говорящей душе во всех делах.

Согласно утверждению Абуали ибн Сино, интуитивное знание – это знание, которое появляется один раз и без размышлений. Интуитивное знание – это такое неэмпирическое познание, которое якобы приобретается без изучения и обучения. Богоутдинов приходит к выводу, что Сино смог

творчески рассмотреть все вопросы логики: «С точки зрения Абу Али Сина, логика – это инструмент, орудие в руках мыслящего человека, служащий ему как бы отвесом, наблюдение за которым предохраняет человека от заблуждений. Признавая определение и умозаключение существенным средством логического искусства, Абу Али Сина изучал все способы убеждения до поэтических внушений включительно. Логика, говорил наш философ, открывает истину. От простого соединения понятий, в суждениях, не открывается истина. Он высмеивал лженаучные приёмы открытия истины софистами, выступая за связи научных суждений с опытом».⁷⁹

Думается, совершенно обоснованным является мнение А.М. Богоутдинова о том, что метафизика в философской системе Ибн Сино занимает центральное место. «Метафизика, говорит Абу Али Сина, изучает существование как таковое, его элементы и то, что по существу его с ним связано. Включая метафизику в разряд теоретических наук, Абу Али Сина устанавливает три понятия: возможное, действительное и необходимое».⁸⁰ Абуали ибн Сино, по мнению исследователя, в понимании основного вопроса философии был дуалистом, то есть начало бытия считал состоящим из двух различных первооснов – материальной и идеальной.

Например, А.М. Богоутдинов так излагает сущность философского учения Абуали ибн Сино в решении основного вопроса философии: «Существует вечная материя как субъект возможности всего действительного и над материей стоит вечно действующая причина всего действительного – Бог. Мир образуется из божественной сущности в результате определенного процесса и получает настоящий вид, проходя ряд ступеней в своем развитии. Возникая путём эманации (истечения) из Божества, мир по своей сущности материален, но не менее вечен, чем сам Бог. Мир возник не по воле Бога, а в силу непреложной необходимости, следовательно, мир также вечен, как и абсолютное начало – Божество.

⁷⁹ Там же. С. 270.

⁸⁰ Там же.

Причина и действие существуют всегда одновременно. Если Бог как причина мира вечен, то и мир, как результат его действия, так же вечен».⁸¹

Разумеется, такие философские рассуждения великого ученого не соответствовали господствующей в те времена исламской доктрине. По этой же причине сторонники исламской доктрины критикуют мыслителя и объявляют его еретиком. Богоутдинов считает, что роль философской, социально-этической мысли Абуали ибн Синовьема велика в развитии и обогащении учений последующих философов исламского мира.

Являясь одним из крупнейших исследователей философско-религиозного учения – суфизма, А.М.Богоутдинов изучал содержание этого направления с учётом исторической и политической обстановки тогдашней эпохи. Суфизм являлся одним из распространённых философско-религиозных течений персидского и таджикского народа. Суфизм возник в конце VIII века – начале IX века после распространения ислама в странах Ближнего и Среднего Востока. Это сложное мистико-религиозное течение, охватившее философские, религиозные аспекты и свободомыслие, имело особое место в духовной жизни народов Востока. Среди исследователей бросается в глаза разногласие относительно значения терминов «суфий» (представитель суфизма) и «тасаввуф» (суфизм, мистика).

В этой связи А.М. Богоутдинов подчёркивает следующее: «Относительно происхождения суфизма и его разнообразных форм имеется немало гипотез. Более того, даже относительно значения термина «суфий» также имеется множество пояснений и объяснений...Высказывания ученых относительно природы, происхождения и источника суфийской доктрины расходятся. При настоящем состоянии нашего знания мы не можем рассматривать суфизм как доктрину определенную и систематизированную. Взгляды многих его представителей носили эклектический характер, некоторые из них, несомненно, были вольнодумцами».⁸²

⁸¹ Там же. С. 254-255.

⁸² Там же. С. 292.

Некоторые исследователи убеждены в том, что термин «суфий» арабского происхождения и означает «человека, одетого в шерстяную одежду». В те времена суфии (мистики) якобы изготавливали себе одежду из верблюжьей шкуры.⁸³ Другая группа исследователей считает это понятие однозначным с греческим словом «софия», т.е. «мудрость». И наконец, некоторые ученые суфиями называют сподвижников пророка Мухаммеда.

Однако А.М. Богоутдинов пишет следующее об употреблении термина «суфий»: «Видный таджикский поэт и философ XV века Нуриддин Абдурахман Джамии (1414-1492) в книге «Нахфат ал-унс мин хадарат ал-кудс» («Дуновение тесной дружбы из чертогов святости»), где дано жизнеописание 604 суфиев, почитаемых как святых, утверждает, что термин «суфий» был впервые применен к Абу Хашиму из Куфы (ум.в 777-778г.). Учение суфиев впервые было объяснено и выражено Зу-ун-Нуном из Египта (ум.в 860г.) и было систематизировано и хорошо описано Джунайдом из Багдада (ум. в 910 г.), а впоследствии открыто проповедовалось неким Шиблием (ум. в 945 г.)».⁸⁴

Из содержания, проведенных А.М. Богоутдиновым исследований, становится очевидным, что он приложил много усилий для анализа этого философско-религиозного учения, изучив много источников. Суфизм совершенствовался на протяжении нескольких веков своего существования и в последующем разделился на различные философско-религиозные школы и течения. Ученый отмечает, что первичный суфизм вначале призывал людей к аскетизму, отрешению от мира, его земных удовольствий и деятельности, а позднее превратился в одно философско-религиозное течение. Хотя оно имеет и прогрессивные идеи, – пишет автор, – в совокупности, мы не вправе представлять его как прогрессивное движение, поскольку оно никогда не призывало народ к борьбе против угнетателей и эксплуататоров. «Более того, все суфийские

⁸³Киёс-ул-лугот. Душанбе, 1992. С.196.

⁸⁴Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 292.

ордены, какого бы толка они ни были, стремились отвлечь внимание трудящихся масс от вопросов классовой борьбы, призывали их к мистическому самоотречению, к аскетизму и покорности».⁸⁵

А.М. Богоутдинов отмечает, что суфийские течения в XI–XII веках имели распространение во всем арабском халифате, получили официальный статус и на их почве возникли различные секты. Со временем суфизм превратился в оружие подчинения широких народных масс, поскольку его представители весьма умело использовали своё учение о том, что ученик должен всецело подчиняться воле своего пира (наставника) и этим сумели подчинить себе много групп. Представители суфизма превратились в крупные личности и мощную силу, чиновники и лидеры групп начали использовать последователей суфизма в своих интересах и против своих противников и свободомыслящих личностей. Хотя вначале некоторые представители этого течения, как Мансур Халладж, Шахобиддин Яхё стали жертвами своих идей.

Констатируя и характеризуя этот исторический факт, А.М. Богоутдинов акцентирует внимание на том, что: «...несмотря на разгул реакции, борьба в области идеологии не прекращалась, она обострялась, принимая различные формы. Небезызвестный ибн-Мансур ал-Халладж за своё еретическое выступление стал жертвой мусульманской инквизиции: он был казнен в 992 году. Также жестоко поступило мусульманское духовенство с Шихаб-ад-дином Яхья, автором философского сочинения “Хикмат-ал-ишрак” (“Философия озарения”), который, как пишет Абдуррахман Джами, был обвинен в атеизме, ереси, в следовании греческой философии и публично казнен. Многие прогрессивные мыслители стали жертвой мусульманской инквизиции».⁸⁶

Ученый также отмечает, что в такой обстановке открытое изложение научных мнений и свободомыслие было очень опасным. Поэтому, все

⁸⁵Там же. С. 293.

⁸⁶Там же. С. 293.

свободомыслящие мыслители того времени стремились излагать свои прогрессивные идеи под оболочкой суфизма, используя его терминологию, и этим спасаться от преследований эмиров, ханов и реакционного духовенства. А.М. Богоутдинов в начале изучения этого вопроса выступает против тех ученых, которые считали всех философов Исламского Востока, особенно АбуалиибнСино и его последователей суфиями (мистиками). Об этом пишет ученый: «Глубоко ошибочен взгляд, будто все поэты, писатели, философы таджикского народа эпохи феодализма были суфиями, а поэтому их творчество должно рассматриваться как реакционное. Сторонники этого ошибочного мнения полностью отрицают наличие передовой, прогрессивной мысли в истории философии таджикского народа...При исследовании истории философии таджикского народа следует особо отметить, что часть учёных, писателей и поэтов, формально признавая учение суфизма, вела борьбу против засилья феодалов и реакционного духовенства».⁸⁷

Небезосновательно академик А.М. Богоутдинов подчёркивает, что суфизм достиг апогея именно в период возрастания гнёта и тирании реакционных феодалов и представителей духовенства над народом и проявлялся как форма бессилия эксплуатируемого класса в борьбе против эксплуататорских группировок. Превращение борьбы народа и свободомыслящих личностей в такую форму в то время способствовало большему укреплению позиции реакционного духовенства, и все формы знания в их руках превратились в теологические науки. И это не могло не повлиять на развитие социально-политической и философской мысли народов мусульманского Востока.

Вслед за разьяснением политических, экономических, социальных и культурных факторов и условий возникновения и формирования суфизма А.М. Богоутдинов приступает к рассмотрению этого философско-религиозного и этического течения и взглядов его представителей. Он прав, когда пишет о том, что средневековая идеология суфизма таджикского народа

⁸⁷Там же. С. 295.

на протяжении своего существования охватывала сложные социальные проблемы совместно с такими философскими вопросами, как акт творения, положение человека в мире, образ его жизни. Представители суфизма исследовали пути и методы духовного познания и самосознания человека, понимания единства сущего (пантеизм) до создания одной целой философской концепции.

Система учений суфизма начинается с признания того, что красота и добродетель принадлежат только Богу, хотя проявляются они в различных формах. С точки зрения суфиев, Бог – это чистое бытие и абсолютное прекрасное, поэтому они в своём учении называли себя влюбленными в Бога. Они жаждали божественной любви и обращали внимание больше этическим аспектам суфизма, красоте и совершенству Всевышнего, нежели познавательным аспектам. Материальный мир является отражением Божества и кроме Бога не существует ничего.

Представители суфизма в основном подчеркивают, что каждая вещь или явление постигается посредством своей противоположности, например, свет посредством тьмы, добро посредством зла, здоровье посредством болезни. Бытие Бога также постигается и представляется посредством небытия. Суть красоты Божества выражается в желании своего проявления. По мнению суфиев, Бог был скрытым кладом и сотворил бытие, чтобы стать познанным. Бог именно посредством человека считается объектом познания и основной целью познания является постижение Божества.

А.М. Богоутдинов придерживался мнения, что онтологические воззрения представителей суфизма очень близки к онтологическому учению Платона. Он пишет: «Согласно доктрине суфийских теоретиков, Бог проявляется через свою противоположность, иначе говоря, посредством самоотрицания, а необходимым следствием этого проявления является “зло”. Тайна зла действительности идентична тайне творения и неотделима от него, поэтому зло не должно рассматриваться как отдельное и независимое, подобно тому, как тьма есть простое отрицание света, так и зло есть, просто,

недобро или, другим словами, не существование. Все в материальном бытии по необходимости в тоже время содержит некоторые элементы небытия, точно так же, как рассыпанные лучи чистого света, которые проходят через призму, являются все ещё светом, хотя их свет более или менее “окрашен” или “ослаблен”».⁸⁸

Согласно суфиям, отмечает А.М. Богоутдинов, для приближения к Богу человек должен пройти определенные ступени, совокупность которых называется «тарикат» (путь). Тарикат толкуется как самоотречение, как любовь к Богу и очищение от грехов, печалей и страданий. Сорок ступеней познания, или терминами самих суфиев – сорок обязанностей дервиша или суфия разъяснены в «шариате» (свод мусульманских законов), «тарикате», «маърифате» (познание) и в «хакикате» (истина). К десяти условиям шариата относятся соблюдение религиозных законов и правил, признание Бога, признание бытия Бога и др. Именно по этой причине шариат считается первой ступенью приближения к последующей ступени, т.е. к тарикату. К десяти условиям тариката относятся: «раскаяние, подача руки «пиру» (наставнику), страх перед Богом, надежданамилость Божию, отречение от наслаждения и похотей плоти, служение пиру, беседа с разрешения пира, слушание его наставлений, аскетизм и отшельничество.

После прохождения ступеней тариката, очищения и усовершенствования души, – пишет А.М. Богоутдинов, – суфий приближается к третьему этапу духовного совершенства – «маърифату» (познанию), и затем – к этапу «хакикат» (истине). Если в этапе «тариката» для суфия определяются Божественные имена и качества, то в этапе «хакикат» им постигается само Божество и «если суфий будет скрыт от всего мирского и человеческого, то он постигнет Бога, и тогда, посмотрев на что угодно, он увидит Бога, для слияния с Божеством нужен только один шаг – выход из своего нереального “я” и осознание того, что настоящее “я” – Бог,

⁸⁸Там же.С. 295.

живущий в человеке. Сила, с помощью которой совершается это слияние, – великая любовь, любовь в отличие от “страсти”, не знающая “себя”. Если человек осознал это, цель достигнута».⁸⁹

Ученый отмечает, что в начале XI века суфизм превращается в одно противоречивое и многосектное течение. Вначале оно как пессимистическое мировоззрение выступало как подходящая форма борьбы против несправедливостей и против реакционного духовенства, а в последующем превратился в одно трудно воспринимаемое и запутанное течение. Лидеры суфизма толковали суть учения по-своему и своими нововведениями создавали новые и новые течения. Однако, несмотря на всё это, – отмечает А.М. Богоутдинов, – в суфийском пантеизме можно было наблюдать некоторые научные и свободололюбивые идеи. Именно логическое развитие этой идеи довело Мансура Халладжа, до признания себя Богом и за это он был казнён.

А.М. Богоутдинов находил идеологические истоки суфизма в неоплатонизме, манихействе и ряде философских течений Индии. Всуфизм учение неоплатонизма введено Ибн Араби (1165-1240), согласно мнению которого, кроме мира вещей существует также мир идей, и именно последний является действительным и реальным, а мир вещей является его отражением.

По мнению ученого, суфизм был узаконен в исламе Мухаммадом Газзали, который выступал против философии перипатетизма Абу Али Сины и Фараби, называя их метафизиками. Газзали якобы защищал исламский шариат от их еретических взглядов. Богоутдинов А.М. пишет: «В книге “Опровержение философов” Газзали говорит о том, что большинство заблуждений философов заключается в метафизике. Эта книга Газзали была направлена, главным образом, против философской системы перипатетизма Фараби и Абу Али Сина. Изучив

⁸⁹Там же. С. 296.

труды Аристотеля, Фараби и Абу Али Сина, Газзали приходит к выводу о том, что все допущенные ими ошибки могут быть сведены к двадцати принципам, из коих три должны быть признаны противоречивыми, а семнадцать – еретическими. Богослов Газзали называет еретическими, противоречащими догме религии следующие высказывания прогрессивных мыслителей: тела не воскресают; воздаяние и наказание получают лишь души, воздаяние и наказания носят духовный, но не телесный характер. Всевышний Аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном. Сюда относятся также их высказывания об извечности и нетленности мира». ⁹⁰ Будучи представителем течения калама (теологии), Газзали пытался связать исламский шариат с принципами суфизма. Именно благодаря стремлениям Газзали, ислам с тогдашних времён до наших дней признает суфизм одним умеренным явлением и не выступает против него.

Необходимо отметить, что А.М. Богоутдинов при анализе философского учения представителей суфизма больше внимание уделяет произведениям Санои, Аттора и Джалолиддина Руми. Он называет Санои известным представителем суфизма XI-XII веков и приводит для подтверждения своего мнения цитату из книги Е.Э. Бертельса: «...полного расцвета суфийская поэзия достигла у Санои» ⁹¹. Как и Е. Бертельс, он находит сходство произведений Санои «Хадикат-ул-хакоик» («Сад истин») и «Сайр-ал-ибад» («Путешествие рабов божьих к месту возврата») с книгой Данте Алигьери «Божественная комедия». ⁹² Основная заслуга Санои состоит в том, что он впервые ввёл мистические вопросы в литературу, и языком поэзии выразил суфийское учение. Суть учения Санои составляет осознание Абсолютной истины. Истина – это тот самый извечный Творец, бытие которого связано со всеми существами. То есть, он является началом бытия и движущей силой всех вещей и явлений. Для доказательства этого и в

⁹⁰ Там же. С. 300.

⁹¹ Бертельс Е.Э. Очерки истории персидской литературы. М., 1936. С. 56.

⁹² Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 403.

совокупности, осознании абсолютной истины следует вначале полно изучить материальный мир. Работа таджикского учёного К. Олимова о философском и социально-этическом учении Санои, написанная под руководством А.М. Богоутдинова, подтвердили правильность оценки, данной им творчеству Санои.

В своих исследованиях, посвященных суфизму, А.М. Богоутдинов особое место отводит воззрению Джалолиддина Руми (1208-1273). Он пишет: «ЛитературноетворчествоРуми, поистиневелико. Однихлишьшеститомов, составляющих«Маснави», былобывполнедостаточнодлядоказательствабогатстваегогения. Эпическая поэма Руми «Маснави-и манави» («Поэма о скрытом смысле») представляет собой своего рода энциклопедию по этике...Философские взгляды Джалолиддина Руми, к сожалению, остаются неизученными. Нет никаких монографических работ, дающих анализ мировоззрения Руми».⁹³

Эти высказывания ученого свидетельствуют о его смелости, так как мы знаем, что в советское время Руми объявили представителем реакционного духовенства, и исследование его творчества запретили. Даже в учебниках средних школ невозможно было найти о нем необходимых сведений. Руми в то время для таджиков оставался неизученным поэтом-философом. А.М. Богоутдинов первым подверг подробному изучению философские и мистические произведения мыслителя. Для подтверждения значимости творчества Руми ученый цитирует Е.Э. Бертельса: «...если бы она (т.е. поэзия Руми) была более широко известна на Западе, то, несомненно, имя его стало бы наравне с именами таких мировых величин, как Шекспир, Гёте и Пушкин».⁹⁴ В Таджикистане впоследствии широкопроводится исследование творчества Руми. В работах Н.Одилова, Х.Зиёева, М.Махмаджановой развиваются идеи А.М. Богоутдинова о характере и содержании мировоззрения Дж. Руми.

⁹³Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 305-306.

⁹⁴Бертельс Е.Э. Очерки истории персидской литературы. Л., 1928. С.60.

Роль Мавлана (так уважительно обращались к Д. Руми, в переводе с арабского означает «Наш господин», это обращение стало частью его имени), как известно, в развитии суфизма весьма велика. В его творчестве обращено внимание на вопросы бытия, тайны акта творения, место и предназначение человека и т.д. У Руми мы наблюдаем принципы пантеизма: мир существовал во все времена, Бог присутствует всегда и везде. Руми отождествляет Бога с природой, природу с Богом. Человек является частью Бога, его «Я» и Бог тождественны. Возвысив положение человека, Руми считает его частью, соединяющийся с Божеством. Человек всегда стремится к своей сути, т.е. к Богу. Об этом пишет и А.М. Богоутдинов: «Человек стремится к прогрессу. Существо этого прогресса заключается в стремлении человека к сближению с единой сущностью, то есть с божеством. Смерть— явление не страшное, наоборот, она является счастьем, так как после смерти душа освобождается от тела и вступает в вечный союз с любимым существом, то есть с Богом, к которому он так стремился».⁹⁵ В заключении своего анализа А.М. Богоутдинов предполагает, что, возможно, немецкий философ Гегель при создании своей философской системы был вдохновлён философским учением Руми, поскольку в доктрине последнего можно обнаружить ряд диалектических идей. Можно сказать, что решенные Гегелем некоторые вопросы диалектики были подняты Руми еще за 500 до рождения этого великого немецкого мыслителя.

Общеизвестно, что просветительство было политико-социальным и литературно-культурным движением, имевшим своей целью путём пропаганды науки и разума, обучения масс грамоте устранять и изменять недостатки существующего общественного строя, негативных традиций тогдашнего образа жизни. Просветители считали духовность, грамотность важным и решающим фактором развития общества, а безграмотность людей причиной их несчастий. Просветительские идеи распространились и среди

⁹⁵Богоутдинов А.М. Избранные произведения.С. 307.

народов Ближнего и Среднего Востока, в том числе таджиков. Экономическо-культурная отсталость, бедность и нищета народных масс, безграмотность, господство феодально-религиозной идеологии в духовной жизни, феодальный деспотизм, колониальная эксплуатация в Бухарском Эмирате, знакомство передовой интеллигенции страны с русской цивилизацией являлись предпосылками возникновения просветительства. Вторая половина XIX века в истории социально-политической мысли таджикского народа считается этапом перехода материальной, духовной и культурной жизни средних веков в новое время. Самым талантливым учёным-просветителем данного периода развития истории таджикского народа был Ахмад Дониш («Дониш» – это его псевдоним, в переводе означает «Знание»).

По мнению А.М. Богоутдинова, источниками мировоззрения Ахмада Дониша выступают экономическо-социальные условия тогдашнего среднеазиатского общества, которые нашли своё отражение в таких его оригинальных трудах, как «Наводир-ул-вакое» (Уникальные события), «Рисола ё худ мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития» (Краткий трактат об истории правления мангитской династии), «Меъёр-ут-тадаюн» (Мера религиозности) и других.

Прогрессивная культура русского народа также оказала серьёзное влияние на мировоззрение мыслителя. Она способствовала изменению взглядов Ахмада Дониша и побудила его к критике системы отсталого и старого обучения и воспитания, к пропаганде светской науки и знания. Богоутдинов отмечает, что: «Ахмад Дониш, трижды посетивший Россию, наблюдал прогресс русской науки и техники, плодотворную деятельность передовых русских мыслителей. Он призывал своих соотечественников изучать русский язык и русскую культуру, овладевать наукой и техникой, ломать старые формы воспитания и обучения».⁹⁶

⁹⁶ Там же. С. 79.

Ахмад Дониш подверг резкой критике чиновников и религиозных служащих как защитников отсталого феодального строя, так и форму традиционного обучения, называл их основными виновниками социальных несправедливостей, отсталости мусульманского общества и народной нищеты. Для исправления недостатков Бухарского ханства им был предложен проект реформы, состоящий из комплекса политических, экономических и просветительских мероприятий, однако Бухарский эмир не принял этот проект. Ахмад Дониш искал пути спасения населения от беспощадной эксплуатации, фанатизма, поголовной нищеты и бескультурья и верил в то, что реформа эмиратского строя приведет к радикальным изменениям и улучшению народного благосостояния, что путем просвещения и распространения гуманистических идей можно построить наилучшее справедливое общество.

Вполне обосновано А.М. Богоутдинов называет убеждения Дониша идейно ограниченными, поскольку он был уверен в том, что эмира можно убедить в необходимости улучшения управления страной и проведении реформ. Ученый об этом пишет следующее: «Ахмад Дониш обращался к эмиру с подробным проектом реформы государства.

Когда эмир Музаффар предложил ему занять важный пост в его канцелярии, Ахмад Дониш выдвинул свои условия, приспособления к которым он согласился бы занять его».⁹⁷ Ахмад Дониш, в конечном счете, понял, что таким эмиратским строем и таким царём в обществе никогда не претворятся в жизнь реформы и пишет: «...хватит терпеть существование этих варварских эмиров, нерадивых хулемов и развращенных, беспечных воинов. Государство в руках этого слоя не может оставаться прочным долгое время. Будет великая битва, и произойдут поразительные изменения... те, кто будет здравствовать в будущем, увидят, как все богатство и имущество, собранные путём

⁹⁷ Там же. С. 80.

деспотизма и насилия, станут добычейлюдей, объявивших войну эмирскому строю. Тогда командующие войсками эмира сдадут свои головы виселице, а эмиры и правители – вечные носители злосчастьянавсегда будут пленены народом».⁹⁸

Из анализа произведений мыслителей второй половины XIX века А.М. Богоутдинов приходит к заключению, что в этот период не развивались должным образом общефилософские вопросы. Мыслители в то время занимались в основном политическими и общественными проблемами и искали пути исправления методов управления обществом и улучшения социальной жизни народа. По мнению ученого, в условиях второй половины XIX века основной темой для таджикских исследователей являлось не рассмотрение и решение вопросов бытия человека и познаваемости мира, а анализ политических и социальных явлений, исследование путей и методов спасения от гнёта и тирании, невежества и неграмотности.

Среди этих мыслителей только один Ахмад Дониш обращался к общефилософским проблемам. Поэтому, если рассмотреть мировоззрение этого мыслителя, можно прийти к выводу, что все его философские вопросы вращаются вокруг достижения человеческого совершенства и спасения народа от угнетения, и посвящены жесткой критике тирании. Основной заслугой А. Дониша является то, что он отвергает схоластическое мусульманское мнение о судьбе и участии человеческой жизни, призывая людей к активной жизни полной счастья.

Другим философским вопросом, которому уделял внимание А. Дониш, и он особо подчеркивается А.М. Богоутдиновым, является вопрос о возможности человеческого познания. Выступая против агностиков, Дониш отвергает их учение об ограниченности познавательных возможностей человеческого разума. Он верил в могущество разума и в способность человека познать природные явления. Мыслитель предсказывал затмение

⁹⁸Ахмади Дониш. Рисола. С. 254. Рукопись хранится в библиотеке им. А. Фирдоуси.

Луны и Солнца, объяснил природные явления научными аргументами. Как пишет А.М. Богоутдинов, А. Дониш, в сравнении с предшественниками и своими современниками, сыграл заметную роль в формировании общественно-политической мысли таджикского народа, открыто подверг жесткой критике варварское управление Бухарских эмиров, разоблачил античеловеческую деятельность чиновников и предсказал их трагичное будущее. Творения ученого не утратили свою научную ценность и поныне. А.М. Богоутдинов сожалеет, что наследие А. Дониша из-за отсутствия типографии вовремя не попадало в руки свободолюбивого народа и некоторые его книги были безвозвратно утеряны.

На основе анализа просветительских воззрений (до XIX века) А.М. Богоутдинов приходит к заключению, что до этой поры просветители только подчеркивали необходимость знания и обучения грамоте, однако они не сумели показать пути проведения просветительских реформ. Но Ахмад Дониш смог высказать новые идеи в развитии просветительской мысли своего времени, и показать пути обучения населения грамоте и пути эффективного проведения просветительских реформ. А. Дониш описывается А.М. Богоутдиновым как отважный и дальновидный ученый-реалист, борец за свободу и благосостояние народа, агитатор за новый образ жизни, сторонник ликвидации бесправия, критик религиозного фанатизма и деспотичной власти угнетателей.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно смело утверждать, что А.М. Богоутдинов внёс радикальное изменение в изучение и рассмотрение средневековых философско-религиозных школ и течений таджикского народа. В дальнейшем другие ученые, руководствуясь исследованиями А.М. Богоутдинова, продолжили и усовершенствовали рассмотрение поставленных им вопросов, касающихся восточных средневековых философско-религиозных школ и течений.

2.3 Научный анализ просветительства в Средней Азии

Думается, что было бы уместным, прежде чем подвергать анализу вопрос отражения таджикских просветителей в исследованиях академика А.М. Богоутдинова, дать краткую характеристику данного феномена в истории таджиков второй половины XIX и начала XX веков.

В этой связи стоит заметить, что во второй половине XIX века под воздействием изменившихся исторических условий, постепенно начинает происходить изменение и в общественной мысли таджикского народа. В результате, возникает просветительство, становление которого как течения общественной мысли относится к началу XX века. Просветительство, взятое в целом, как культурный феномен возникает на определенном этапе исторического развития народов и по природе своей является интернациональным явлением. С возникновением просветительства меняется сама проблематика общественной мысли, ее направленность и тенденции развития. В сочинениях просветителей критике подвергаются феодальные общественные отношения и институты, в том числе и религия.

Просветители выступают пропагандистами светского образования, равенства, свободы и уважения человеческого достоинства. Это, по утверждению А.М. Богоутдинова, и «...есть та программа, которую ставили себе все просветители всех стран. Но в каждой отдельной стране конкретная формулировка её видоизменялась под влиянием социально-политической обстановки».⁹⁹

Просветительство в Средней Азии имело свои особенности, которые наложили свой отпечаток на это идейное течение в целом. Прежде всего, просветительство в Средней Азии носило не только антифеодальный характер, но и антиколониальный характер. Оно в Средней Азии имело много общего с просветительским движением в таких соседних странах, как Иран, Афганистан, Индия и Пакистан.

⁹⁹Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 372.

Просветительство Средней Азии, как и в странах Ближнего и Среднего Востока, носило антифеодальный характер, и выражало идеологию национально-освободительного движения. Безусловно, именно эта идеология подготовила восстание народов Средней Азии против царского самодержавия в 1916 году. Восстание произошло во время Первой мировой войны. Непосредственным толчком к началу восстания стал царский указ о принудительном привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского инородческого населения. Восстание началось в г. Худжанде Самаркандской области, вскоре оно охватило все среднеазиатские владения Российской империи с более чем 10-миллионным многонациональным населением.

В общественной мысли любой эпохи, различные её компоненты играют неоднозначную роль, эта роль зависит от достигнутого уровня социального прогресса тем или иным народом, страной. В условиях Бухары и Туркестана общественная мысль нашего народа не может быть до конца понята без анализа религии как формы общественного сознания.

Религия подчиняла себе все сферы жизни общества, определяла характер воспитания и образования, пронизывала быт людей, их образ жизни и мысли. Достаточно вспомнить, с каким ожесточением духовенство встретило робкие попытки просветителей в Самарканде, Бухаре и других городах открывать новые методные школы, в которых наряду с религиозными предметами преподавались бы светские науки. Мусульманское духовенство, мощное в экономическом отношении сословие, монополизировало не только образование, которое носило богословский характер, но и все другие сферы общественно-политической и духовной жизни общества. Такое исключительное положение мусульманского духовенства было неслучайным и вытекало из природы самого феодального общества, где религия, религиозность сознания выступают как необходимый атрибут общества.

Во-вторых, духовенство в Бухарском обществе выполняло и судебные функции. Это обстоятельство возвышало политическое значение этого

сословия в обществе. Вся судебная система в Бухарском эмирате целиком и полностью находилась в руках духовенства. Монопольное право толкования законов принадлежало только ему. В-третьих, духовенство обладало монополией на образование. Вся система образования в Бухарском эмирате находилась в руках духовенства. В мактабе (школе) срок обучения длился почти 10 лет. При этом учебная программа предусматривала изучение, главным образом, религиозных дисциплин. В медресе также срок обучения длился 10 лет, где изучали мусульманское вероучение, арабскую грамматику, зачатки формальной логики, основы мусульманского права. Духовенство полностью сохраняло монополию на грамотность и образование. В этих условиях критика существовавшего в Бухаре режима должна была носить, и в действительности носила религиозную форму.

Таджикские просветители того исторического периода сделали социально-политические выводы, открыто направленные против теократического режима. Критика религии, религиозных догматов, духовенства для образованной части общества была новым явлением. Характеризуя состояние общественной мысли этого периода Садриддин Айни писал: «... по всеобщему признанию, Родина, нация, религия, наука и просвещение, пропаганда против деспотического правительства, а также нападки на духовенство совершенно определенно считались важной проблематикой литературы этого периода».¹⁰⁰

Такая критика знаменовала зарождение прогрессивного процесса, поскольку в своем подавляющем большинстве таджикские просветители происходили из среды духовенства. Выступив с критикой религии, религиозных догматов, программы обучения в медресе и т.д., просветители сделали первый шаг к тому, чтобы изменить роль своего сословия. Это было характерно для социологической концепции Ахмада Дониша и Абдурауфа

¹⁰⁰ Айни С. Намунаи адабиёти тоҷик (Образцы таджикской литературы). М., 1925. С. 520-30.

Фитрата, исторической концепции Мирзо Азима Соми, просветительской концепции Мирзо Сироджа, Сиддики, Айни и других.

Однако характер критики духовенства и существующего строя был типично просветительским. Основное зло – в невежестве, беззаконии, темноте. Основной идеал – просвещение, власть закона, а не произвола. Как достигнуть этого идеала – просвещенным абсолютизмом или уничтожением эмирата, народным восстанием или реформой сверху – это не важно, здесь важна цель, важен результат. Таджикские просветители были противниками феодально-теократических порядков, пропагандировали просвещение, науку и культуру, защищали интересы народных масс, прежде всего интересы крестьянства и ремесленников.

Просветители в своих сочинениях стали затрагивать вопросы политики, религии, науки, культуры, быта. А в художественных произведениях критически оценивали современный им общественный строй. Наиболее актуально эта тематика звучала в произведениях Абдурауфа Фитрата. Борьба с невежеством, отсталостью и деспотизмом, становится основным и ведущим направлением в просветительской литературе.

Этот прогрессивный процесс в идейной жизни народа не получил своего развития и историко-логического завершения, как это имело место в Европейском просвещении, как это было в России. Сказалось историческое своеобразие условий Средней Азии. Это своеобразие определяло содержание общественной мысли, её специфику и характер проблематики. По своему теоретическому уровню, по широте охвата социально-философских проблем просветительская мысль в целом была еще ограниченной. И это вполне понятно, поскольку горизонты этой мысли определялись феодальными порядками, существовавшими в конце XIX и в начале XX веков в Средней Азии.

Культурно-политические условия жизни общества в Бухарском эмирате не благоприятствовали развитию просветительства на теоретическом и общеполитическом уровне. Поэтому нельзя не согласиться с мнением

Г.В. Плеханова, что притаких условиях у наших просветителей «...не могло быть серьёзного интереса к философским теориям, провозгласившим необходимость коренного общественного переустройства».¹⁰¹

Вот почему в общественной мысли таджикского народа конца IX – начала XX веков содержательная сторона философского учения: методы познания, гносеология, логика – всё, что было характерным для философии Абуали ибн Сино, его современников и последователей, не получили должного осмысления и развития. Эпоха, в которой жили и творили таджикские просветители, не позволяла им выйти за её рамки. Одна из особенностей многовековой истории социально-философской мысли таджикского народа состоит в том, что его поэты и писатели одновременно выступали авторами художественных произведений и глубоких философских трактатов.

Эту особенность истории общественной мысли таджикского народа сумели сохранить и развить его просветители. Так, Ахмад Дониш был ученым-энциклопедистом, поэтом, писателем, философом, художником педагогом. Мирзо Азими Соми был историком, поэтом и литератором. Сиддики был поэтом и педагогом. Фитрат был поэтом, писателем, ученым. Айни был поэтом, писателем, публицистом, учёным, впоследствии ставшим первым президентом Академии наук Таджикистана.

Подчеркивая значение традиций национальной культуры в формировании просветительства, следует подчеркнуть, что просветители, наряду с традициями национальной культуры обращались и к культурным достижениям других народов. В этом плане неоспоримо влияние России на формирование и развитие просветительства как нового течения в общественной мысли народов Средней Азии. Идеи прогресса и развития заимствовались народами Средней Азии путем непосредственного общения с русской культурой, происходившего в колониальных условиях. Как известно, во второй половине XIX века торгово-экономические отношения Средней

¹⁰¹ Плеханов Г.В. Соч., т. XXII. М.-Л., 1925. С. 27.

Азии с Россией постепенно расширяются и укрепляются. Существовавшая ранее отчужденность во взаимоотношениях к началу XX века, значительно преодолевается. Влияние России на Среднюю Азию всё возрастает, хотя оно было весьма сложным и противоречивым.

Несомненно, с одной стороны, сам факт русского завоевания и колониального гнета, переплетавшийся с феодальными отношениями, требовал новой концепции общественного развития, в новом ее понимании с учетом изменившихся обстоятельств. Овладение культурой более развитых народов – в частности русского народа – необходимо было для национального возрождения и развития. Другое дело, что последователи Ахмада Дониша не смогли точно выразить сущность проблемы, но она стояла для них именно так: заимствовать все лучшее, чтобы владеть этим оружием, добиваться независимости и свободы.

С другой стороны, завоевание Россией Средней Азии означало её соединение с прогрессивными, освободительными силами Российской империи, союз с которыми был уже исторической необходимостью. Эти два момента часто смешивались и перепутывались в сознании наших просветителей. Иногда отношение ко всему русскому сводилось к формуле – взять всё, что можно, чтобы, затем, использовать против. Сам призыв к просвещению культуры, само противопоставление разума слепой традиции (противопоставление, характерное для всех просветителей), принимало своеобразную форму: «просвещайтесь» во многом означало «учитесь у русских». Светская культура во многом отождествлялась с русской. Иногда наши просветители царизм воспринимали как «символ» прогресса, а это было уже примирение с национально-колониальным гнетом.

Противоречия, свойственные воззрениям Ахмада Дониша, основоположника просветительства в общественной мысли таджикского народа, нашли свое дальнейшее развитие в мировоззрении последующих просветителей, в просветительском движении в целом, что соответствовало логике движения общественной мысли и её диалектическому характеру

развития. Эти противоречия в мировоззрении Ахмада Дониша ещё выступали в нерасчленённой форме. По мере становления и развития просветительства, они стали более конкретно проявляться.

На процесс формирования и развитие просветительства в Средней Азии, безусловно, оказало влияние, ранее сформировавшееся просветительское движение в среде тюрко-татарских народов Поволжья и Крыма, на Кавказе, в частности в Азербайджане. Газеты, журналы, статьи и сочинения татарских, азербайджанских просветителей разного направления и течения широко распространялись в Средней Азии. После младотурецкой революции резко возросло идейное влияние Турции на Туркестан и Бухарский эмират. Тюрко-татарские издания оказали решающее влияние на распространение и формирование идей пантюркизма в Средней Азии.

В этой связи следует указать на значение газеты «Тарджуман» («Переводчик»), издававшейся в 1883-1918 годах в Бахчисарае Исмаилом Гаспринским. Эта газета в Туркестане и Бухаре имела десятки подписчиков. Наряду с «Тарджуман», широко распространились и такие газеты как «Юлдуз» («Звезда»), издавалась в Казани; «Вакт» («Время»), издавалась в Оренбурге; «Иршад» (название газеты многозначно: это и наставление, и ведение по истинному пути, и руководство), «Хаят» («Жизнь»), издавались в Баку; «Ульфет» («Дружба»), издавалась в Петербурге, и др. Пантюркистские идеи широко распространялись и через учебники для новометодных школ. Исмаил Гаспринский неоднократно приезжал (в 1893, 1908 годах) в Туркестан и Бухару с целью расширения географии тюрко-татарских изданий, открытия и расширения сети новометодных школ. Первые новометодные школы в Средней Азии были татарскими. Начиная с 1905 года, растёт сеть новометодных школ и для коренного населения Туркестана и Бухары.

Условия реальной жизни мусульманских народов, живших в пределах Российской империи, были таковы, что необходимость реформы системы образования стала краеугольным камнем просветительского движения, важной проблемой общественно-политической жизни этих народов. Без

образования не может быть и общественного прогресса. Эту истину хорошо усвоили просветители.

Проблему реформы образования в мактабах (школах) и медресе поднимали еще татарские просветители Абунастр Курсави (1765-1813) и Шахабиддин Марджани (1848-1889). Оба они учились в Бухаре. Были противниками схоластической системы образования и сторонниками включения в программу обучения светских наук. В 80-х годах XIX века новый импульс движению за реформы образования среди татар придал Исмаил БейГаспринский. Он писал: «... в 1884 году мы начали разрабатывать вопрос о новой системе обучения («усул-и джадид») и основали в Бахчисарае школу, в которой было введено обучение грамоте по новому звуковому способу». В России она была первой школой, работавшей по новому методу обучения («усул-и джадид»).

Таким образом, понятие «джадид» возникло в конце XIX в. и означало новый метод обучения («усул-и джадид») в противовес понятию традиционалист («кадими») – сторонник старого метода обучения. В последующем развитии, трансформируясь, понятие «джадид» или «джадидизм» приобрело более широкое общественно-политическое и идеологическое значение. В этом широком смысле джадидизм означал: просветительство как течение общественной мысли и сторонников реформ общественно-политической системы Бухарского эмирата. В политическом плане, джадидизм не являясь политической партией, в то же время был единственной оппозиционной силой в Эмирате. В последствии, на базе джадидского движения возникли и политические партии. Не случайно, понятие «джадид» в 20-х и 30-х годах в сознании масс ассоциировался с понятием «члена партии».

В исторических условиях Средней Азии джадидизм, по существу, выполнял ту же историческую функцию, которую выполняло просветительство других странах. Поднятые джадидизмом вопросы затрагивали важнейшие сферы жизни общества: социально-экономические,

политические, культурные и семейно-бытовые и т.д. Они выступали с критикой средневековых отношений, пропагандировали идеи прогресса и обновления жизни, отвечающие духу времени. Вопросы обучения и воспитания занимали важное место в программе джадидов. Они добивались реформы системы образования, выступали инициаторами и организаторами новометодных школ, для них писали учебники, создавали сети культурно-просветительских учреждений, издавали и распространяли газеты, журналы, книги. Если внимательно проанализировать проблемы, которые поднимали джадиды, то их просветительская природа становится совершенно очевидной.

Говоря об инонациональных влияниях на становление и развитие просветительства в Средней Азии, исследователи, как правило, преувеличивали влияние собственно русской общественной мысли и недостаточно подчеркивали влияние тюрко-татарской. Следует также подчеркнуть, что по конъюнктурным соображениям не исследовались взаимодействия, взаимовлияние реформаторских, просветительских идей Ирана, Афганистана, персо-язычной прессы, издававшейся в Индии, Египте и в других соседних странах на общественную мысль таджикского народа в начале XX века. Заимствованные идеи прогресса и развития преломлялись через призму Бухарской и Туркестанской действительности и приобретали свою специфику в соответствии с материальными и духовными запросами Среднеазиатского общества. И лишь после такой трансформации выливались в идейную жизнь таджикского народа.

Следует отметить, что возникновение просветительства было прогрессивным явлением в духовной жизни таджикского народа. С возникновением просветительства менялась сама проблематика общественной мысли, ее направленность приобрела более реалистический, жизненный характер. Эти новации касались проблем, связанных с обновлением общества, имели целью способствовать переходу страны от средневековья к такому развитию, которое отвечало бы духу XX в. Известно,

что Бухарский Эмират вступил в XXв. со всеми атрибутами средневекового государства. Основоположник просветительства Дониш внес неоценимый вклад в исторический, социологический, философский анализ Бухарского общества. И если эти научные результаты в своё время оказались невостребованными, то в XX веке они получают свое дальнейшее развитие в произведениях последователей Ахмада Дониша.

В новых исторических условиях начала века все настойчивее стали затрагиваться вопросы отсталости общества и деспотический характер его устройства, критика угнетения и произвола властей, ханжество и фанатизм духовенства, стяжательство и алчность ростовщиков, вопросы образования, науки, культуры и быта. Все чаще ставились вопросы, связанные с состоянием нации, национальным государством, независимостью, проблемы прогресса общества и проводимой государством политики. Наиболее актуально перечисленная проблематика звучала в произведениях Мирзо Азима Соми, Асири, Мирзо Сироджа, Саидахмада Сиддики (Аджзи), Фитрата, Мунзима, Айни и других просветителей.

Историческое своеобразие Средней Азии сложилось так, что в процессе становления и развития просветительства в Туркестанском генерал-губернаторстве (Ташкент, 1917), в Бухарском Эмирате (Бухара, 1920) произошли революции. Эти обстоятельства, во-первых, прервали дальнейший ход развития просветительства, не позволили ему развиваться до своего историко-логического завершения и выполнить свою историческую задачу, как это имело место в истории стран Западной Европы, и как это было в России. Таким образом, Средняя Азия в своем историческом развитии не прошла в полном объеме тот этап развития, который прошли страны западной Европы и который во всемирную историю вошел под названием «Эпоха Просвещения».

Во-вторых, даже в своей незавершенной форме концепция социальной философии просветителей содержала ценный научный потенциал. Последующее развитие исторического процесса сложилось так, что идеи

общественного прогресса и обновления, содержащиеся в наследии просветителей, остались неизвестными тому обществу, которому были адресованы, и, о благе которого они искренне говорили и писали.

В-третьих, по существу, на всем протяжении XX века просветительство исследовалось не как единое и сложное течение общественной мысли, а крайне односторонне, поверхностно и в отрыве от контекста той реальной исторической эпохи, продуктом которой оно было. Последствием такого вульгарно-социализированного подхода было то, что историческое сознание народа, духовная жизнь общества оказались в проигрыше. Мы все еще плохо знаем историю умственного развития и идейного формирования наших просветителей.

Сделанный нами выше краткий анализ просветительства логически вытекает из осмысления и концептуального анализа идей А.М. Богоутдинова, дальнейшего развития этих идей в новых исторических условиях.

Наряду с А.М. Богоутдиновым проблемами истории общественной мысли таджикского народа в начале XX в. занимались такие известные таджикские учёные, как Б.Г. Гафуров, А.М. Мирзоев, З.Ш. Раджабов, И.С. Брагинский и другие. Несмотря на некоторые различия во взглядах, их общая оценка джадидизма, как реакционного явления в истории общественной мысли нашего народа не отвечает современному уровню понимания проблемы.

Приведем несколько примеров. В уже упомянутой докторской диссертации А.Б. Богоутдинов писал: «Движение джадидов, несмотря на его, реакционно-националистическую сущность в начале XX века казалось оппозиционным течением внутри Эмирата. Это привлекло в его ряды оппозиционно-настроенную интеллигенцию, разделявшую взгляды просветителей первого поколения, но не сумевшую разобраться в сложном переплете классовых отношений. Это обстоятельство ввело в заблуждение многих исследователей-востоковедов, которые смешали все в одну кучу и

поныне еще относят к джадидам всех просветителей таджикского народа конца XIX и начала XX вв.»¹⁰²

Академик Б. Гафуров в первом русском издании «Истории таджикского народа» (1949), ответственным редактором которого был И.С. Брагинский, писал: «Джадидизм никогда не носил прогрессивный характер, никогда не был национально-освободительным движением. Джадидизм был антинародным, буржуазно-националистическим, контрреволюционным движением в Средней Азии. Возбуждая религиозный фанатизм, натравливая трудящихся одной нации на другие нации, джадида наносили огромный ущерб совместной революционной борьбе этих наций и великого русского народа против общих угнетателей».¹⁰³

И.С. Брагинский в своей работе, посвященной анализу творчества Садриддина Айни (1948 г.), писал, что «... Айни совершил тогда серьезную ошибку: свою просветительскую деятельность он связал деятельностью джадидизма».¹⁰⁴ По вопросу о джадидизме и джадидах ещё более резко писал и академик З.Ш. Раджабов.¹⁰⁵

Приведенные выше цитаты на протяжении многих десятилетий механически переходили из одной работы в другую. Каждый из выше приведенных тезисов для 40-х – 70-х годов нашей страны, когда общество было до основания идеологизированным, был вполне убедительным аргументом. Однако, при беспристрастном подходе обнаруживается, что эти и им подобные тезисы не могут ни по форме, ни по содержанию характеризовать столь сложное общественное явление как джадидизм.

¹⁰² Богоутдинов А.М. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа второй половины XIX и начала XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1951. С. 170.

¹⁰³ Гафуров Б. История таджикского народа. М.: Наука, 1949. С. 439.

¹⁰⁴ Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. М., 1948. С. 265.

¹⁰⁵ Раджабов З.Ш. Маорифпарвар Ахмади Дониш. Душанбе, 1964.

Судьба джадидов-просветителей оказалась незавидной. В конце 20-х – 30-х годов им было приклеено множество ярлыков: от идеологов буржуазного национализма и обскурантизма до противников строительства социализма в Средней Азии. Такая жесткая установка официальной политики способствовала застою в исследовании наследия джадидов-просветителей, а с другой стороны, на долгие годы исключила это наследие из естественного процесса развития самой общественной мысли таджикского народа. Это один из печальных уроков вульгарно-идеологизированного отношения к истории народа.

Во-вторых, в силу того, что просветительство (джадидизм), исследовалось не как единое целое, а односторонне, выборочно в отрыве от контекста той реальной исторической эпохи, продуктом которой оно было, то мы все ещё плохо знаем историю умственного развития, идейного формирования наших просветителей. Как это ни парадоксально, мы всё еще плохо знаем процесс идейного формирования тех просветителей, о которых так много писали и говорили (Дониш, Айни). Это есть другой урок нашего неуважительного отношения к собственной истории.

Нам представляется, что исследование джадидизма (просветительства) должно осуществляется в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, в плане анализа джадидизма как течения общественной мысли в целом. Такой путь позволит решить общие, теоретико-методологические вопросы джадидизма, рассмотреть особенности его становления в Средней Азии. Во-вторых, не менее плодотворным путем является исследование наследия каждого джадида-просветителя в отдельности, что позволит выявить его творческую индивидуальность, т. е. что отличает одного от другого, и что объединяет их. За всю историю изучения джадидизма-просветительства ни один из этих методов не был должным образом использован. В результате и теоретико-методологические вопросы, и наследие самих просветителей оказались не исследованными должным образом, что отрицательно сказалось на социальной мысли нашего народа XX столетия.

Труды А.М. Богоутдинова по изучению сущности просветительства способствовали становлению и развитию философского знания в нашем обществе. Его исследование наследия Ахмада Дониша вошли в золотой фонд нашей науки и культуры. На наш взгляд, нельзя стать полноценным современным специалистом-обществоведом, не усвоив те идеи, которые содержатся в трудах А.М. Богоутдинова по истории философии и общественной мысли народов Востока.

В науке существует фундаментальный принцип, в соответствии с которым каждое новое поколение подвергает научной критике взгляды и воззрения предшествующего поколения, те положения и выводы, которые не выдержали испытания временем, должны осмысливаться и решаться по-новому. В этом плане мы рассмотрели точку зрения А.М. Богоутдинова на проблему джадидизма как течения общественной мысли таджикского народа в начале XX в. Необходимо, чтобы нынешнее поколение таджикских учёных-обществоведов продолжило, начатое его дело. Иначе, научная мысль в области гуманитарных дисциплин в Таджикистане останется на уровне 40-х – 60-х годов прошлого столетия.

Заключение

Осуществлённый в работе анализ жизни, творчества и роли академика А.М. Богоутдинова в развитии историко-философской науки в Таджикистане показал, что этот талантливый учёный в новейшей истории развития таджикской обществоведческой науки является, по сути, основоположником её современной философской школы. Подводя итоги проведённого нами исследования, можно сделать следующие заключительные выводы:

1. После победы революции в Бухаре, произошли события, которые наложили свой отпечаток как на историю народов Центральной Азии, так и на революционные преобразования, которые значительно усилили ход исторического развития народов в регионе, оказывая положительное влияние на политической, экономической и культурной жизни.

В 20-е – 30-е годы XX века формируется новый тип национальной интеллигенции, которая включилась в новую жизнь в новую идеологию с особым энтузиазмом. В этот период, хотя и были проведены насильственные реформы, однако их результаты были в целом положительными, потому что тогдашняя жизнь в Средней Азии еще не отвечала новым требованиям бурного развития XX века. Возникновение новой интеллигенции

способствовал не только распространению новых идей и новых научных знаний, но и сама эта интеллигенция становится создателем новой культуры и науки. На основе марксистского учения формируется новый тип мировоззрения – социалистический. Бесспорно, одним из виднейших представителей этой новой интеллигенции в Советском Таджикистане, был академик Алоутдин Махмудович Богоутдинов.

Он был одним из ведущих специалистов Советского Союза, работающих в области истории домарксистской философии вообще, средневековой восточной в частности. Однако его научная деятельность не ограничивалась только исследованием историко-философских проблем.

Им написано много работ, посвящённых вопросам диалектического и исторического материализма, научного коммунизма и атеизма, вопросам историко-партийной науки, педагогики и психологии.

Научно-педагогическую деятельность А.М. Богоутдинова условно можно разделить на два периода. Первый – с конца 20-х - начало 30-х годов до 1941 г., когда он сочетает педагогическую деятельность с научной работой в области педагогики и психологии. Второй – с 1946 года, когда он полностью отдаёт свои силы научным исследованиям в области философии и историко-партийной науки.

Круг исследуемых А.М. Богоутдиновым проблем был широк и разнообразен. Однако главное направление его творческих изысканий были история философии и общественно-политическая мысль таджикского народа. Его труд «Очерки по истории таджикской философии», изданный в 1961 году, был итогом многолетнего научного поиска ученого, и стал значительным событием в философской науке Таджикистана.

2. Академик А.М. Богоутдинов был плодотворным исследователем и оставил потомкам богатое научное наследие. Среди многочисленных философских проблем, рассмотренных учёным, прежде всего привлекает внимание разработка вопросов развития и формирования таджикской нации.

На эту тему им было написано много трудов на таджикском и русском языках.

В то же время следует отметить, что высказанные им идеи о национальном вопросе приходится на период, когда трансформация общественных процессов происходила на почве социалистических отношений, которые, просуществовав более 70-ти лет, затем были разрушены.

Первая его научная работа в этом направлении была опубликована еще в 1949 году под названием «О социалистических нациях Советского Востока» в журнале «Вопросы философии». В 1954 году вышло в свет его другое произведение «О консолидации социалистической таджикской нации». Опубликовались также в 1955 году его книга на русском языке «К вопросу о консолидации таджикской социалистической нации», а в 1957 году большая научная статья под названием «О развитии, о формировании таджикской нации» в журнале «Коммунист Таджикистана».

Его труды по различным проблемам психологии и педагогики часто публиковались в научных изданиях. В частности, его статьи – «Значение психологии в работе учителя», «Некоторые материалы по истории просвещения в Таджикистане», «Н.К. Крупская – теоретик Советской педагогики», «Великий русский философ В.Г. Белинский», «Великий человек истории», «Революционер, демократ и философ» относятся к числу его научных и популярных статей в области психологии и педагогики. А.М. Богоутдинов, как глубоко мыслящий ученый, понимал, что для развития знания и в целом для формирования мировоззрения преподавателей и учащихся необходимо изучение логики. Например, он в статье «О значении изучения логики», опубликованной в 1947 году, ставит вопрос о необходимости развития логического мышления учеников и преподавание предмета логики в школах.

Ученый особое внимание уделял исследованию творчества Абуали ибн Сино (Авиценны). Он написал и успешно защитил кандидатскую

диссертацию на тему «Философские взгляды Абу Али Сино в его книге «Даниш-намэ», ставшая одной из первых серьезных философских исследований наследия Абуали ибн Сино, которая была высоко оценена учеными Советского Союза.

А.М. Богоутдинов параллельно с исследовательской и преподавательской деятельностью занимался и популяризацией жизни творчества Абуали ибн Сино. В Таджикистане до исследования А.М. Богоутдинова творчество Абуали ибн Сино изучали только Садриддин Айни и Абдулгани Мирзоев. Однако их работы носили филологический характер. Статьи А.М. Богоутдинова качественно отличались научной постановкой вопроса и методологией исследования. Публикация его трудов в авторитетных изданиях Советского Союза, в том числе в журнале «Вопросы философии», свидетельствовали о большом исследовательском таланте и о высоком качестве, проведенной им научно-исследовательской работы.

К числу значительных его научно-философских достижений следует отнести и перевод «Даниш-намэ» («Книги знания») Абуали ибн Сино на русский язык, что явилось важнейшим культурным явлением и серьезным толчком для исследователей в изучении философского наследия персоязычных народов в научных кругах бывшего СССР. Этим А.М. Богоутдинов сумел доказать, что он является не только одаренным исследователем, но и талантливым переводчиком философского наследия предков на русский язык. Можно с уверенностью утверждать, что только после перевода «Даниш-намэ», ставшего образцом для будущих переводчиков, практически начались серьезные переводы и исследования творчества средневековых таджикских мыслителей.

Сравнение перевода А.М. Богоутдинова с рукописями А.П. Колпакова позволяет прийти к выводу, что, хотя первый филологический перевод «Даниш-намэ» и был осуществлен А.П. Колпаковым, однако его нельзя считать научно-достоверным переводом без доработок, повторного рассмотрения и философского редактирования А.М. Богоутдиновым. Именно

благодаря переводу А.М. Богоутдиновым «Даниш-намэ» на русский язык, философское наследие персо-язычных народов стало доступным для научно-культурных кругов русскоязычных читателей. Этим он расширил сферу знакомства учёных других стран с философским наследием своих предков.

В своем фундаментальном труде «Очерки по истории таджикской философии» он дал объективно-исторический анализ философских концепций различных философских школ и течений, а также воззрений их выдающихся представителей. Публикация данной работы является вполне закономерным следствием, ибо Богоутдинов считается одним из ярких представителей советской философской школы. В его «Очерках» можно найти содержательный анализ учения зороастризма, зурванизма, манихейства, маздакизма, перипатетизма Фараби, Абуали ибн Сино, Омара Хайяма, исмаилитской философии Носира Хисрава, обобщённую характеристику суфизма, калама таких видных их представителей, как Газзали, Санои, Джалолиддин Румии др.

3. Велика заслуга академика А.М. Богоутдинова в исследовании философского наследия выдающегося таджикского мыслителя средневековья Абуали ибн Сино. Как проницательный философ, переводя книгу Сино «Даниш-намэ» на русский язык, Богоутдинов ознакомил народы Советского Союза с гениальным наследием этого великого таджикского мыслителя, и намеревался, тем самым, способствовать повышению уровня национального самосознания своих современников, от которого была далека большая часть интеллигенции Таджикистана того времени.

Исследования Богоутдинова воззрений Абуали ибн Сино отличаются объективностью, исторической конкретностью. Указав на некоторые идеалистические черты его философии, он подверг анализу также и материалистический метод познания, представленный в его философском наследии. Изучив труды Абуали ибн Сино, он определил основную позицию его мировоззрения, которая в решении основного вопроса философии остаётся дуалистической. Это доказывается тем, что Сино в своих

естественнонаучных взглядах, хотя больше приближается к материализму, однако он непоследователен. Он признает активность души, т.е., после соединения души с телом, последнее развивается по своим законам.

По мнению ученого, несмотря на вышеуказанный взгляд, Абуали ибн Сино признавал внешний мир, поскольку: «Бытие не имеет границ... Нет вещи более распространенной, чем бытие, оно не имеет контура потому, что нет вещи более известной, чем оно... оно есть то, после чего идут все вещи».¹⁰⁶

Академик А.М. Богоутдинов отмечает, что Абуали ибн Сино труды по медицине не считал своим главным творением. Он говорил, что в центре его интересов всегда находилась философия. Несмотря на то, что для Европы Ибн Сино авторитетный и признанный представитель врачебной науки, в списке сочинений Абуали ибн Сино значительная часть приходится на долю трактатов философского содержания. Подтверждением этого тезиса являются крупнейшие научные произведения Ибн Сино: «Китаб-аш-Шифа» (Книга исцеления), «Китаб-ан-Наджат» (Книга спасения) «Китаб-ал-Ишират-ва-т-Танбихат» (Книга указаний и наставлений), «Даниш-намэ» (Книга знания) и др. Философия, в представлении мыслителя, как у древних греков, является совокупностью наук, то есть наукой обо всем существующем.

4. А.М. Богоутдинов почти всю свою жизнь посвятил изучению средневековых философских и религиозных школ и течений, социально-политических воззрений таджикских мыслителей досоветского периода. Сфера творческой деятельности ученого, имевшего свой взгляд на исследование социально-политических и философских проблем восточных средневековых мыслителей, очень разнообразна. Неоценима его заслуга в определении и классификации рефлексивных методов средневековых персидско-таджикских мыслителей. Очень широк диапазон его исследований, в которых можно обнаружить необходимые научные сведения о философско-религиозных и политико-социальных течениях зароастризма,

¹⁰⁶Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 94.

зурвония, манихейства, маздакизма, дахрия, перипатетизма, калама (теологии), исмаилизма, суфизма, просветительства и их представителей.

При изучении философских школ и течений средних веков большое внимание он уделяет философии перипатетизма и его знаменитых представителей –Фараби, Абуали ибн Сино.Он утверждает, что, хотя эти мудрецы были представителями одной школы, их наследие имеет и свои особые черты. Например, Фараби проявлял больше склонность к исследованию философских проблем общества, аИбн Сино, выступая сторонником аристотелевской теории вечности мира, рассматривал проблемы логики, естествознания и натурфилософии.

Являясь одним из крупнейших исследователей философско-религиозного учения – суфизма, А.М.Богоутдинов изучал содержание этого направления с учётом исторической и культурно-политической обстановки тогдашней эпохи.При анализе философского учения представителей суфизмаон обращает внимание на произведенияГаззали,Санои, Аттора и Джалолиддина Руми и др.

По мнению Богоутдинова,суфизм совершенствовался на протяжении нескольких веков своего существования и в последующем разделился на различные философско-религиозные школы и течения. Ученый отмечает, что первичный суфизм вначале призывал людей к аскетизму, отрешению от мира, его земных удовольствий и деятельности, а позднее превратился в одно из существенных философско-религиозных течений.

5.В исследованиях академикаА.М.Богоутдинова важное место занимает анализ феномена просветительства и роль его представителей в развитии духовной жизни народов Средней Азии, особенно таджиков.Просветители выступали пропагандистами светского образования, равенства, свободы и уважения человеческого достоинства. Это, по утверждениюА.М. Богоутдинова, и «...есть та программа, которую ставили себе все просветители всех стран. Но в каждой отдельной стране конкретная

формулировка её видоизменялась под влиянием социально-политической обстановки».¹⁰⁷

Просветители считали духовность, грамотность важным и решающим фактором развития общества, а безграмотность людей причиной их несчастий. Просветительские идеи распространились и среди народов Ближнего и Среднего Востока, в том числе таджиков. Экономическо-культурная отсталость, бедность и нищета народных масс, безграмотность, господство феодально-религиозной идеологии в духовной жизни, феодальный деспотизм, колониальная эксплуатация в Бухарском Эмирате, знакомство передовой интеллигенции страны с русской цивилизацией являлись предпосылками возникновения просветительства. Вторая половина XIX века в истории социально-политической мысли таджикского народа считается этапом перехода материальной, духовной и культурной жизни средних веков в новое время. Самым талантливым учёным-просветителем данного периода развития истории таджикского народа был Ахмад Дониш.

Рассматривая воззрения основоположника просветительства Ахмада Дониша, учёный доказывает, что он внес неоценимый вклад в исторический, социологический, философский анализ жизнедеятельности Бухарского общества.

В новых исторических условиях начала XX века все настойчивее стали затрагиваться вопросы отсталости общества и деспотический характер его устройства, критика угнетения и произвола властей, ханжество и фанатизм духовенства, стяжательство и алчность ростовщиков, вопросы образования, науки, культуры и быта. Все чаще ставились вопросы, связанные с состоянием нации, национальным государством, независимостью, проблемы прогресса общества и, проводимой государством, политики. Наиболее актуально перечисленная проблематика звучала в произведениях Мирзо

¹⁰⁷ Богоутдинов А.М. Избранные произведения. С. 372.

Азима Соми, Асири, Мирзо Сироджа, Саидахмада Сиддики (Аджзи), Фитрата, Мунзима, Айни и других просветителей.

Вклад академика А.М. Богоутдинова в развитие историко-философской науки в Таджикистане определяется не только тем, что он глубоко и всесторонне исследовал философское наследие таджикских мыслителей, но и тем, что он подготовил плеяду выдающихся специалистов в области истории философии, среди которых мы можем назвать Ашурова Г., Болтаева М., Выборнову В., Гаффарова М., Мухаммедходжаева А., Олимова К., Приписнова В., Раджапова С., Султонова У., Шарипова И., и др. Они достойно продолжали и продолжают дело, начатое их наставником, академиком А.М. Богоутдиновым, и представляют цвет историко-философской науки Республики Таджикистан.

Список использованной литературы

1. Источники

1. Абуали ибн Сино. Осор. Чилдхои 1-2. - Душанбе, 2005.
2. Аль Фараби. Избранные трактаты. – Алматы: Ылым, 1994. – 448 с.
3. Аль Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города // Философские трактаты. - Алматы, 1972. – 237 с.
4. Аристотель. Метафизика. // Соч.: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1. – 367 с.
5. Аристотель. О душе. // Соч.: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1. – 448 с.
6. Ахмад Дониш. Рисоле. - Душанбе, 1975. – 254 с.
7. Айни С. Бухара (Воспоминания), часть II, 1949. С 11.
8. Богоутдинов А.М. «Избранные произведения». - Душанбе: Дониш, 1980. – 415 с.
9. Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. - Душанбе: Дониш, 2011. – 334 с.
10. Богоутдинов А.М. Философские взгляды Авиценны в его книге «Дониш-намэ». - М., 1947. – 113 с.
11. Богоутдинов А.М. Ахмад Дониш – великий мыслитель (к 130-летию со дня рождения) // Коммунист Таджикистана, 1960. – 23 декабрь.

12. Богоутдинов А.М. Великий мыслитель таджикского народа (К 1000-летию со дня рождения Абу Али Сина) // «Шарки сурх», 1952.– № 6. – С. 113 – 126.
13. Богоутдинов А.М. Великий просветитель средневековья (К 1000-летию со дня рождения Абу Али Сина) // Литературный Таджикистан, 1953.
14. Богоутдинов А.М. Великий русский критик и философ (В.Г. Белинский) // Шарки сурх, 1961. - №6. – С. 63 – 66.
15. Богоутдинов А.М. Выдающийся памятник философской мысли Таджикиского народа (О произведении Абу Али Сины «Даниш-намэ») // Вопросы философии, 1948. - №3. – С. 358 – 366.
16. Богоутдинов А.М. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа второй половины XIX и начала XX в. Автореф. дис. ... док.филос. наук. - М., 1950. – 34 с.
17. Богоутдинов А.М. История философии. В 4 томах. - Т. 1. - М., 1957. - С. 239 – 249.
18. Богоутдинов А.М. К вопросу о консолидации таджикской нации // Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма. - Сталинабад, 1957.
19. Богоутдинов А.М. О научно-исследовательской работе в области философии. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1961. – 65 с.
20. Богоутдинов А.М. Основные этапы истории развития философии. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1959. – 96 с.
21. Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. - М.: Мысль, 1977. – Т.3: Философия духа. – 471 с.
22. Ибн-Баджжа. Абу-Бекр Мухаммед Ибн-Яхья. – БСЭ, изд. 2-е, т. 17, М, 1952, с 255.
23. Ибн – Рошд. Абуль Волид Мухаммед ибн-Ахмед ибн Мухаммед (Аверроэс) – БСЭ, изд. 2-е, т 17, М. 1952. С 256
24. Ибн-Халдун. Абдурахман Абу-Зейд. - БСЭ, изд. 2-е, т 17, М. 1952. С 259

2. Исследования

25. Абдуллаев М.А. Важнейший источник средневекового суфизма// Вопросы философии, 1986. -№ 7. - С. 82-90.
26. Абдуллаев Ш. Маорифпарвари ва озодфикри (Афкори динию фалсафи ва ислохотии Ахмади Дониш). - Душанбе, 1994.
27. Абдуллозода Шерзод «Муқаддимаи фалсафа». Душанбе, 2004. – 260 с.
28. Алаутдин Махмудович Богоутдинов. Вступительная статья
А.Г. Касяненко //Материалы к библиографии ученых Таджикистана. Вып. 1. - Душанбе, 1961.
29. Андерхилл Э. Мистицизм. - М., 2000. - 496 с.
30. Арберри А.Дж. Суфизм. Мистики ислама. - М., 2002. - 272 с.
31. Асимов М.С., Ашуров Г.А., Диноршоев М.Д. Философия и общественно-политическая мысль таджикского народа//Таджикская ССР. ЭСТ. - Душанбе, 1984.
32. Арабзода Н. Носири Хусрав (таджикӣ назариёти фалсафи). - Душанбе, 1994.
33. Арабзода Н. Сущность души. Трактровка психофизической проблемы в философии Носира Хусрава // Изв. АН Тадж. ССР. Серия: Философия, экономика, правоведение, 1991. - №. - С. 29 – 39.
34. Афсахзод А. Тахаввули афкори Абдурахмони Чоми.- Душанбе, 1981.- 159с.
35. Ахундов М. Философско-политические произведения. - Баку, 1940. – 171 с.
36. Ашуров Ё. Баховаддинов Алоуддин // Энциклопедияи Советии тоҷик.- Душанбе, 1978. Ч. 1. – С. 392-393.
37. Ашуров Ё. Философия эпохи Саманидов. - Душанбе, 2006.
38. Ашуров Ё., Диноршоев М. Ибн Сино // Энциклопедияи Советии тоҷик. - Душанбе, 1980. Ч. 2. - С. 523-527.

39. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинения Т.1. - М., 1964. -480 с.
40. Болтаев М.Н. Вопросы гносеологии и логики в произведениях Ибн Сины и его школы. Душанбе, 1965. -600 с.
41. Брагинский И.С. Исследования по таджикской литературе. М.: Наука, 1976.-288 с.
42. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Душанбе, 1927.– 34 с.
43. Бертельс А.Е. Рудаки и карматы // Рудаки и его эпоха. -Сталинабад, 1958. - С. 77 – 78.
44. Бертельс Е.Э. Джамии. - Сталинабад, 1949.
45. Болдырев Л.Н. «Зайнаддин Васифи». - Сталинабад, 1957. – 255 с.
46. Болтаев М.Н. Ақидаҳои фалсафии Абуали Ибн Сино. - Душанбе, 1969.
47. Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т.1.- М.: Госполитиздат, 1955. -554 с.
48. Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. – Кн. 1-2. -Душанбе, 1989.
49. Григорян С.Н. Прогрессивная философская мысль в странах Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. // Предисловие к «Избранным произведениям мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока». - М., 1961. –С.3-31 с.
50. Григорян С.Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. - М.: Наука, 1966. – 352 с.
51. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд. испр. и доп.– М.: Искусство, 1984. – 350 с.
52. Джахид А. М. Абу Наср ал Фараби о государстве. – Душанбе: Дониш. 1966.– 117 с.
53. Диноршоев М. Из истории таджикской философии.- Душанбе, 1988. -220 с. (на перс.яз.).
54. Диноршоев М. Философия Насириддина Туси. -Душанбе, 1968. -157 с.

55. Диноршоев М., Кулматов Н. Бахси мутакаллим бо файласуф //Мушкилоти Ибн Сино. - Душанбе, 1980. -С. 116-131 (на тадж. яз.)
56. Диноршоев М. Натурфилософия Ибн Сины. - Душанбе, 1985. -256 с.
57. Диноршоев М. Гносеология Газзали и его мировоззренческая сущность// Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ.наук. 1976. - №4.
58. Диноршоев М., Комилов Р. История философии. - Душанбе, 2011.
59. Диноршоева З. М. Гражданская философия аль-Фараби. – Душанбе, 2005.
60. Додихудоев Х. Исмоилия // Энциклопедияи Советии тоҷик. Душанбе, 1981. Ч.3. -С. 30-31.
61. Жуковский Р.А. Человек и познание у персидских мистиков. СПб.1985.- 286 с.
62. Зиёев Х.М. Мировоззрение Бахоуддина Валада. -Душанбе, 1992.- 114 с.
63. Зиёев Х.М. Суфийский орден мавлавия. -Душанбе:Хумо, 2007. -276 с.
64. Иванов В.Г. История этики средних веков. - Л., 1980. – 279с.
65. Идрис Шах. Магия Востока. -М., 2001. – 304с.
66. Идрис Шах. Суфии. - М., 2001.- 444 с.
67. Из реки изречений. Суфийские афоризмы и истории. -М., 1999.-167 с.
68. Инаят Хан Хазрат. Учение суфиев. -М., 1998. – 344с.
69. Ислам в истории народов Востока. -М., 1981. – 195с.
70. Исмаатов Б. Пантеистическая философская традиция в персидско-таджикской поэзии IX XV вв. - Душанбе, 1986. – 256с.
71. Ислам: Энциклопедический словарь.- М., 1991. – 315с.
72. История Таджикского народа. Том V. Новейшая история (1917–1941 гг.). Под ред. Акад. АН РТ Р.М. Масова. - Душанбе, 2004.
73. Шарипов И. Становление таджикской государственности. Душанбе 2013., 120 стр.
74. Касрави А. Суфигари. - Тегеран, 1359х. - 100 с. (на перс.яз.).
75. Кирабаев Н.С. Проблема человека в доктрине Аль-Газзали: Автореф. дис. канд. филос. наук. - М., 1979. – 21с.

76. Кныш А.Д. Некоторые проблемы изучения суфизма //Ислам: религия, общество, государство. - М., 1984.-197 с.
77. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. - М.- СПб., 2004. - 454 с.
78. Комилов Р.С. Назарияи чомеаи ормони дар таърихи фарханги форсуточик. - Душанбе, 1997. – 288с.(на тадж.яз.).
79. Кулматов Н. Фахриддини Рози. - Душанбе, 1980.- 66 с.
80. Кулматов Н.А. Этические взгляды Саади. - Душанбе, 1968. – 128с.
81. Курбонмамадов А. Эстетическая доктрина суфизма.- Душанбе, 1987. – 108с.
82. Лавский В. Введение // Суфийская мудрость. - Минск, 1998. -113 с.
83. Линкольн У., Бартольд В.В. История исламских государств и династии правителей /В переводе Садыка Саджоди.-Тегеран, 1370х. - 645 с.
84. Лей Г. Очерк истории средневекового материализма. – М.: Изд-во. иностр. лит., 1961. – 587 с.
85. Махмаджонова М.Т. Этические взгляды Джалолуддина Руми. - Душанбе,2001. – 168с.
86. Мец А. Мусульманский Ренессанс. - М., 1966. - 458 с.
87. Мирбобоев М.К. Этика Джалолиддина Давони.-Душанбе, 1992. -140 с.
88. Муминов И.М. Выдающиеся мыслители Средней Азии. - М., 1966.-47с.
89. Худойдодов Ф.Б.– Сопоставительный анализ теории суждения Аристотеля и Ибн Сины. Душанбе,2008. – 105с.
90. Мотаххари М. Знакомство с исламскими нуками. -Душанбе, 2004. – 220 с.
91. Мутаххари М. Совершенный человек в исламе. - СПб, 2008. -207с.
92. Мухаммадходжаев А. Мироззрение Фаридуддина Аттора. - Душанбе, 1974. – 116с.
93. Мухаммадходжаев А. Гносеология суфизма. - Душанбе, 1990. - 232 с.
94. Мухаммадходжаев А. Идеология накшбандизма. - Душанбе,1991. – 232 с.
95. Мухаммадходжаев А. Ходжа Ахрор. - Душанбе, 2000. - 88 с.
96. Музаффари М. Введение в антропологию. - Душанбе, 1999. -130с.

97. Мухаммад Шамсуддин Шарифхони Бидлиси. Шарафнаме или история Курдистана. -СПб, 1862. - 223 с.
98. Мухаммад Рашшод. Философия с начала истории. -Душанбе, 1990. – 328 с.
99. Насиров Р.Н. Вопросы теории познания во взглядах прогрессивных мыслителей Средней Азии. - Ташкент, 1988. – 120с.
100. Нурбахш Д. Духовная нищета в суфизме. Великий демон Иблис. -М., 2000. -266 с.
101. Нурбахш Д. Иисус глазами суфиев. - М., 1999. -127 с.
102. Нурбахш Д. Таверна среди руин. Семь эссе о суфизме. - М., 1999. – 133 с.
103. Одилов Н. Мироззрение Джалалиддина Руми. - Душанбе, 1974. – 117 с.
104. Одинаев Я.К. Ибн Араби. - Душанбе, 1979. – 128с.
105. Олимов К. Мироззрение Санои. -Душанбе, 1973. – 135с.
106. Олимов К. Хорасанский суфизм. - Душанбе, 1994. – 285с.
107. Олимов К. Ибн Сина и суфизм // Известия АН Таджикский ССР, 1979.- №2.
108. Полотин В.А. Евангелия глазами мусульманина: Два взгляда на одну историю. -М., 2006. - 346 с.
109. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв.-Л.,1966. - 400 с.
110. Раджабов М. Философские и социально-этические взгляды Амира Хусрава Дехлави. - Душанбе, 1982.- 95 с.
111. Раджабов М. Абдуррахман Джами и таджикская философия 15 в. - Душанбе, 1968.
112. Рахматуллаев Н. Об отношении Ибн Сино к мистицизму. - Душанбе, 1980.
113. Рахматуллоев Н. Философские взгляды Ибн Сино в книге «Указания и наставления». - Душанбе, 1980. – 92с.
114. Рахмонов Э.Ш. Нигохе ба таърих ва тамаддуни ориёи. - Душанбе, 2006.

115. Рейснер М.Л. Эволюция классической газели на фарси (X-XI в.в.).-М.: Наука, 1989. – 223с.
116. Сагадеев А.В. Арабские марксисты о социальной роли ислама. – М., 1983.– 39 с.
117. Сагадеев А.В. Восточный перипатетизм. - Нью-Йорк, 2000.
118. Сагадеев А.В. Классики арабо-мусульманской философии в переводах.- Тт.1–2. - Нью-Йорк, 2000.
119. Садыков Р.Г. Концепция человека в философии Ибн Сины.- СПб: СПбГУ, 2006. – 164 с.
120. Садыков Р.Г. Природа и разум в исламской философии. СПб: СПбГУ, 2006. – 308 с.
121. Сайфуллоев Н.М. Логика Ибн Сины. - Душанбе, 1991. – 184 с.
122. Семенов А.А. Взгляд на Коран в восточном исмаилизме (Иран). – Л., 1927. – Т. 1. – С. 59 – 72.
123. Сироджов Ф. Проблема извечности мира в философии Ибн Сино // Ибн Сино и средневековая философия. – Душанбе, 1981. – 129 с.
124. Степанянц М.Т. Историческая судьба суфизма // Вопросы философии. – 1980. - №6. -С. 68-73.
125. Степанянц М.Т. Проблемы познания в суфизме // Вопросы философии.- 1988. - №4.-С. 54-59.
126. Степанянц М.Т. Концепция совершенного человека в творчестве Джалалиддина Руми и Мухаммада Икбала.-М.,1982.-198 с.
127. Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. - М., 1987. - 190 с.
128. Сторн Ч.А. Персидская литература. - М.: Наука, 1972. - 1314 с.
128. Султонов У. Ақидаҳои фалсафи, иҷтимоӣ ва ахлоқии Абуалии Сино. Душанбе, 1975. С.158. (на тадж языке)
129. Султонов М. Концепция совершенного человека в суфийской доктрине Али Хамадани //История философии и современность.-Душанбе, 1988. - 202 стр.

130. Суфии: Восхождение к истине. - М., 2001. - 639 с.
131. Суфийская мудрость. - Минск, 1998. - 397 с.
132. Суфизм в контексте мусульманской культуры. - М., 1989. -338 с.
133. Суфизм в Центральной Азии.- СПб., 2001. – 392 с.
134. Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979. 448 с.
135. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М.-Л., 1948. - 268 с.
136. Трахтенберг О.В. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. - М., 1957. – 58 с.
137. Тримэнгем Д.С. Суфийские ордены в исламе. - М., 1989. -328 с.
138. Умаров И. Айнулкузот и идеология суфизма. -Ташкент, 1979. – 164с.
139. Философский энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1983. -836 с.
140. Форлендер Карл. Общедоступная история философии. М., 1959.
141. Хазраткулов М. Философские взгляды Садриддина Ширази.-Душанбе, 1985.-144 с.
142. Хазраткулов М. Философия ишрак (озарения): истоки, проблемы, тенденция развития: Автореф. дис...д-ра филос. наук. - Ташкент, 1991.- 42 с.
143. Хашимов А., Касьяненко А. За дальнейшее развитие философской науки в Таджикистане// Коммунист Таджикистана, 1959. 2 октября.
144. Хашимов А., Саттаров М. Ученый, педагог и философ //Маориф ва маданият, 1959. 15 октября.
145. Чаколян В.К. «Книга знания» на русском языке. Ибн Сина. Данишنامه. Перевод и предисловие А.М. Богоутдинова//Вопросы философии, 1959.- №9.
146. Шамолов А.А. Философия теологии Махаммада Газзали. - Душанбе, 2008.
147. Browne Edward C. A literary history of Persian. Vol.IV. -Cambridge at theUniversity Press, 1930.

148. Tabibi Abdul Hay. Sufism in Afghanistan.- Kabul, 1977. - 81 p.
149. Cyprian Rice. The Persian Sufism.- London, 1964. - 104 p.
150. Early Sufi Women. - USA, 1999. - 334 p.
151. Idries Shah. The Sufism.- London, 1971.- 408 p.
152. In Seach of Hafiz. - London, 1996. – 249 p.
153. Rastagi T.C. Islamic mysticism, Sufism. - New Delhi, 1982. -126 p.
154. Rizvi S.A. A history of Sufism in India.- New Delhi, 1978. Vol. I.467 p.